

ИННА ТРОНИНА

НОЧЬ
с ремберга
НА ПЯТНИЦУ

Звездный мальчик

Во время новогодних праздников 2007 года бывший майор милиции Артур Тураев встречается со своим давним другом – дипломатом Львом Райниковым. Тот просит помочь ему выполнить просьбу пропавшего без вести Вячеслава Вороновича – предать гласности обширное «досье» на двух милицейских генералов, один из которых является непосредственным начальником Тураева.

В данный момент Тураев работает на АЗС после выхода из заключения. Ему меньше всего хочется ввязываться в сомнительные и опасные дела, но он не может отказать другу.

Братья Василенко «крышуют» преступные группировки – не только в России, но в СНГ, и в дальнем зарубежье. Воронович в последнее время много общался с главарём одной из них, и поэтому знал много. Боясь, что из-за этого его уничтожат, Воронович играет на опережение и «сливает» компромат на шефа и его «красных» покровителей.

«Оборотни в погонах» и бандиты узнают о досье и открывают охоту за ним. Они задействуют все имеющиеся возможности, не брезгуя ни шантажом, ни клеветой, ни насилием.

Жизнь Артура буквально «висит на волоске». Он ищет соратников и помощников, без которых невозможно работать. И главными из них

оказываются пасынок убитого Льва Райникова Стефан, а также его вдова – профессиональная разведчица, шведка Сибилла.

Обе стороны настроены непримиримо. Начинается «война без правил». В могилы «оборотней» удаётся «вбить осиновый кол», но победа достаётся дорогой ценой...

Инна Трoнина

Ночь с четверга на пятницу

*Памяти моей
матери.*

*Это мой первый
роман, написанный без
неё...*

Книга 1

Глава 1

Именно сегодня, четвёртого января Артур Тураев понял, что сходит с ума. По дороге на свою заправку он притормозил у памятника Зое Космодемьянской, чтобы наскоро прикурить от зажигалки. И ему показалось, что славная партизанка мило улыбнулась, кивнула и даже шагнула вперёд. Тураев не нашёл ничего лучше, чем поднести два пальца к козырьку кепки, смущённо ухмыльнуться и ударить по газам.

Времени было в обрез, а хозяйка Ольга Васильевна, конечно, уже металась по тесным коридорчикам административного корпуса,

припадая к окнам, и высматривала алый «Мерседес-Гелендваген». Именно этот внедорожник был для неё сейчас важнее всех остальных автомобилей. Коричневая «Гойота» Альгиса Бузаса пять минут назад завернула на парковку. Зевающий от усталости прибалт направился к Ольге, которая кудахтала так, будто несла яйцо.

– Ой, молодец, Алик, умница ты мой! Солнышко моё ненаглядное! Если бы не вы с Артурчиком, я бы разорилась к чёртовой матери! Только ваша пара, не сглазить бы, тьфу-тьфу, всю точку вытягивает! Озолочу, мальчики, как Бог свят, озолочу! Три другие смены в лёжку после Нового года лежат, и каждый со своей бедой. А тут клиентура повалила с первого числа, как рыба на нерест. Дома им не сидится! – Ольга Васильевна Царенко, в девичество Милохова, родилась в окрестностях Петропавловска-Камчатского и о нересте знала не понаслышке.

В детстве её до обморока напугал медведь, лакомившийся рыбой у узкой порожиистой речки. С тех пор нынешняя бизнес-вумен от волнения начинала дёргать щекой, заикаться, а то и вовсе заговариваться. Да и в обычные дни словоохотливая Ольга Васильевна частенько становилась болтливой сверх всякой меры, и нужно было обладать нордическим характером Альгиса,

чтобы самому не впасть в истерику.

Пока хозяйка тараторила, Альгис невозмутимо переодевался за узкой белой дверцей, любясь сквозь запотевшие стёкла новогодними гирляндами, превратившимися сейчас в цветные пятна и сверкающие капли. Вывеска нефтяной компании, поставляющей на заправку топливо, ярко светилась в тумане. Огни ёлки, которую каждый год наряжали в европейском стиле и по-русски обильно опутывали лампочками, дробились в мокром асфальте. Отблески фар, сигнальных и габаритных огней автомобилей фейерверком крутились у колонок. Оранжевые и изумрудные фонари, из последних сил разгоняющие мглу бесснежного зимнего утра, напоминали о горячо любимом празднике и настраивали совсем не на рабочий лад. Ёлочные банты хлопали на ветру и очень напоминали советские флаги.

По жизни основательный и неторопливый, Альгис сегодня двигался совсем вяло, чем начинал раздражать копошащуюся за дверью начальницу.

– Алик, рыбонька, ты как там, готов?

Ольга прямо в английском костюме и лакированных туфлях с перекладинкой выскочила на улицу. Она зажмурилась от летевшей прямо в лицо мороси и приставила пухлую ладонь козырьком ко лбу. Среди выстроившихся у колонок машин хлопотал, прихрамывая, остриженный

«бобриком» пенсионер, обычно работающий ночным сторожем и, по совместительству, уборщиком.

– Давай, скорее, помоги Юрьичу! Зашился совсем с похмелья...

– Я готов, – отозвался Альгис.

Сильно пригнувшись, он вышел из-под мокрого навеса и в очередной раз зевнул, деликатно прикрыв рот платком. В казённых ботинках, комбинезоне и куртке и в собственном верблюжьем свитере, зажав в кулаке лыжную шапочку с помпоном, он в два широких шага добрался до сторожа.

– Ну что, Юрьич, шабаш? Отмучился?

– И не говори!

Антон Юрьевич Маматов, то ли земляк, то ли дальний родственник Ольги, шершавой ладонью сгрёб капли с лица.

– Ничего уже, блин, не вижу и не соображаю. Мало того, что зима на себя не похожа, одна сырость и муть кругом, так ещё и работать некому совершенно. Сегодня Никитку Шунькина посадили, слышь? Не знаю, выпустят ли...

– Чего-о? – как всегда нараспев удивился Альгис, становясь к наиболее загруженной колонке. – За что его сажать-то? Он же местный. Да и тихий – мухи не обидит. Есть, есть девяносто пятый! – Альгис быстро переговорил с водителем белой,

основательно забрызганной грязью «десятки». – Да нет у нас «прямогонки» – кому охота клиентов терять? Везде вон заправки понатыканы – есть из чего выбирать. – Альгис сунул «пистолет» в бензобак «десятки» и повернулся к Алексею Юрьевичу. – За что Никиту-то забрали? Он же самый работник. У него жена молодая, ребёнок на подходе...

– Ты что, баклан, читать разучился?! – визгливо заорала Ольга кому-то у крайней колонки. – «Пистолет – в бак, деньги – в кассу!» А ты только первую часть осилил, да? Сейчас милицию позову! Ты ведь целый бак горючки вертануть захотел! Юрьич, звони, пусть едут!

Ольга, конечно же, брала нечистоплотного клиента на понт; этого, как правило, было достаточно. Пытавшийся под шумок покинуть заправку «каблук» резко затормозил.

– Да хватит буровить-то, маманя! – Круглая физиономия опозорившегося водителя не выражала ни стыда, ни раскаяния. – А я знаю, где тут касса? Первый раз мимо еду. Совсем в нуль влетел, а то бы ни за какие пряники... Кого и гляди, дело скроют и сошьют! Подавись, вахлачка! – Водила гостями выгребал из карманов куртки мятые купюры и швырял их на поддон кассы.

Оператора Вику от него закрывало пуленепробиваемое стекло, но всё равно было

страшно. Между обычными человеческими словами и блатным жаргоном водитель «каблука» вставлял такой изысканный мат, что даже Альгис с Юрьичем, наслушавшиеся здесь всякого, потупились.

Но Ольга Васильевна стояла, как скала, выпятив грудь с золотым крестиком и гневно сверкая глазами.

– Да ты мне баки не забивай! Где касса, он не знает... Где у всех, там и у нас. Заправка типовая; они, как люди, все одинаково устроены. Увидел, что форс-мажор у нас, рабочих у колонок нету, и ну крысятничать! На первый раз ментов не позову, но в базу данных ты уже влетел. Лучше тебе за версту мои заправки объезжать, понял, сохатый? И ты тоже, исусик! – набросилась она на существо неопределённого пола, в «хайратнике» и в очках.

Существо, только что заправившее свой разрисованный «Опель-107», послушно заковыляло к кассе, где дрожащая Вика не могла прийти в себя после перепалки с водителем «каблука».

– Ты гляди – едва восемнадцать стукнуло, а уже на иномарке гоняет! А сам, небось, копейки в дом не принёс. Одни траты на него, дебила... Вот ты с тобой, Тошка, в его возрасте много имели? Велосипед мне родители так и не справили. Пришлось летом вкалывать – у геологов, у рыбаков, у охотников. И никого не интересовало, как мой

инвалид-отец шестерых детей содержит. Ведь не по пьянке позвоночник повредил – на сейнере в шторм попал. Один из всей команды выжил, чуть насмерть не замёрз, пока в жилете на волнах болтался... – Ольга кричала всё громче – так, чтобы слышали водители въезжающих на заправку иномарок. – А вот наши с Викой цапки всех исключительно волнуют! На какие шиши мы одеваемся и в каких ресторанах ужинаем! Возьми сам, открой заправку и понюхай, чем она воняет, козёл!

«Каблук» давно уехал, хипарь тоже вывернул на шоссе и укатил в Москву. Но неплохо «вдевшая» за первые дни нового года «королева бензоколонки» никак не могла успокоиться.

– Не меньше чем двести сорок тысяч евро, если как у нас, на восемь «пистолетов», с магазином и кафетерием. К тому же, я мойку не закрыла, как другие. Теперь она на «ура» идёт, в такой грязище! Да заплати ещё всем, от ментов до бандитов, чтобы с хлебного места не выперли и не грохнули всё к чёртовой бабушке одной гранатой. Покрутись, как бес на сковороде, чтобы и волки были сыты, и овцы целы! И за всё в ответе я, как бог Саваоф, даже если завод на температуре нас без порток оставит! Да где Артур-то, дьявол его поberi! Самой мне, что ли, заправлять?..

Хозяйка достала из кармана отороченного мехом жакета изящный, переливающийся в море

огней мобильник. Наманикюренным пальчиком начала набирать номер, но сегодня это у неё получилось плохо. Тихо чертыхаясь, она очищала дисплей и принималась вводить номер снова. Наконец ей это удалось.

– Артурчик, ласточка!

Ольга сменила скандальный тон на ласковый. Тураев за время работы на заправке приучил окружающих если не уважать себя, но относиться к себе уважительно.

– Ты здоровенький сегодня, детка? Да-да, понимаю, устал – трое суток на ногах! Говорю – возьму! Ты моё слово ценишь, правда? Но сегодня позарез... Я вызвала своего племянника, Викиного жениха, но он только завтра приступит. И тогда ты неделю гуляешь, лапуля! Да чтоб я сдохла, ненаглядный мой! Сделаю, как обещала. Подъезжаешь? Ну, давай!..

И, вздёрнув рукав, она уставилась на свои многофункциональные часы «Касио Бэби», которыми очень гордилась и дорожила. На пухлом пальце блеснуло кольцо с крутящейся серединой, усыпанное мелкими рубинами. В тон ему, бордовым, был и лак на длинных ногтях Ольги. Все на заправке знали, что внутри этого кольца выгравировано имя её покойного мужа, прежде рулившего этой «точкой».

– Сейчас мы с Артуром наведём порядок! –

пообещал хозяйке Альгис. – Мы вас в беде не бросим. Только я не совсем понял – за что Никиту-то арестовали? По ошибке, что ли?

– Да уж, по ошибке! – хмыкнула Ольга Васильевна. – В тридцать седьмом тоже всё «по ошибке» делали! Тош, вон тот «бумер» заправь! – Сизо-чёрный автомобиль почти слился с маслянистым мраком. – Нарочно не придумаешь, за что замели. «Червонец» ломится за совращение малолетней! Ну, его Машки, которая на сносях! Какая любовь у них, Никита мне рассказывал, когда на работу устраивался. Я даже всплакнула – бывает же! Я думала, что сейчас один разврат кругом, а они невинными друг другу достались. Ему восемнадцать, а ей, оказалось, четырнадцать. Скрывала – боялась, что бросит, побоится...

– Никита ведь жениться на ней хотел, – пожал плечами Альгис. – Паспорт у неё есть, ребёнка ждёт. Родители – за, никто не жаловался. Откуда в полиции-то узнали?

– Машкина бабка сперва заяву накатала, что внучку изнасиловали. Потом-то разобралась, да поздно. По нашим бы сигналам так оперативно работали! – вздохнула Ольга. – А то прирежут, взорвут, и никого не дождёшься. С бандитами слабо душиться, а тихого работающего парня припечатать – в самый раз. И «бабло» получишь, и звёзды на погоны. Педофила нашли! Бабка хочет заяву назад

взять – не отдадут. С Машки требуют, чтобы призналась. Тогда ему четыре года дадут, а не десять...

– В чём призналась-то? – не понимал Альгис.

Он решил после работы съездить в Дорохово, где жили Никита с Машей и её родственники, выяснить, что там произошло. Пусть ничем помочь нельзя, раз уж так захотелось доблестным органам показать своё рвение. Но девчонку-то успокоить надо, показать, что не одни они остались в этом жестоком мире. Может из-за всего этого и ребёнка потерять, которого уже Фомой назвали, распашонок и чепчиков ему нашили...

– В том, что это было насилие. А она – ни в какую. По любви, говорит, и точка. Её с допроса третий раз «скорая» увозит. И у Никиты припадки начались, а раньше никогда не было. Его обещают в зоне «опустить», что вполне реально. А Машка клянётся, что без него дня не проживёт, особенно если младенца скинет... Ох, горе! – махнула рукой Ольга Васильевна. – Я своего юриста подключила – пусть законы посмотрит, подумает, чем помочь. Парень-то хороший, жалко. А после тюрьмы станет настоящим уркаганом, и уж тогда добра от него не жди. Самое главное, что он признался во всём, жениться захотел – и влип. Смылся бы – и гулял на свободе... Артурчик! – восторженно заорала Ольга, увидев завораживающий с шоссе «Гелендваген». –

Сахарный мой! А я тут все глаза проглядела! Боялась, что ты от переутомления за рулём заснёшь. Давай, скорее переодевайся, и вперёд! Зато потом отдохнёшь – я тебе не одну, а две недели дам, вот! Только уж сегодня спаси меня, горяшницу! Век молиться за тебя стану!

– Да всё нормально, хотя спать, конечно, хочется. – Артур, обменявшись рукопожатием с Альгисом и Юрьичем, галантно кивнул Ольге Васильевне.

Та порозовела под макияжем, пытаюсь скрыть не свойственное ей смущение. Альгис, заметив это, удивился. Неужели влюбилась? Ей пятьдесят, ему тридцать восемь. Она – полная голубоглазая блондинка со светлой, почти прозрачной кожей. Он – худощавый, невысокий, смуглый с карими глазами, а волосы – соль с перцем. Противоположности часто притягиваются, особенно если женщина стареющая, вдовая, стосковавшаяся по мужской ласке и защите.

Артур тоже одинокий, но совсем не обиженный женским вниманием. Много пережил и перестрадал, с самого рождения не имел нормальной семьи, чувствовал себя не нужным ни отцу, ни матери. Те развелись и снова сочетались браком. Артур не ладил с отчимом, старался пореже встречаться с мачехой. Кроме того, он неудачно женился и после развода потерял первенца-сына.

Сейчас Тураев жил с переводчицей, ездил к ней в Москву. Их шестилетняя дочка уже пошла в школу. Вроде бы, оба хотели расписаться, но дочка была против – ревновала мать в отцу. Похоже, семейные несчастья пошли по второму кругу, и Артур оказался не нужен собственным детям. При этом он ничего плохого сыну и дочери не делал, в помощи не отказывал. Всячески старался подружиться хотя бы с Симочкой, потому что Амир жил со своей матерью за рубежом – то ли во Франции, то ли в Германии, то на каких-то экзотических островах. С ним Артур уже много лет не контактил и избегал говорить на эту тему – очень переживал...

– Выспишься, спишься, птенчик мой! – Ольге, похоже, было очень приятно называть Тураева нежными словами.

Она была тут как бы общей матерью, заступницей, старшей женщиной. И потому её сюсюканья воспринимались всеми, включая Артура, как должное. Своей работой на заправке он дорожил, несмотря на то, что окончил МГУ, работал на Петровке. Одно время даже «звездился», был натуральным мажором, лично знал многих в российском бомонде.

Он не раз говорил Альгису, что совсем не жалеет о тех возможностях, и быть «в шоколаде» на самом деле не комфортно, а гадко и липко. Альгис

кивал, но до конца не верил. Скорее всего, Артур хотел убедить себя и других в том, что жить обычной жизнью лучше. Что «Господу видней», и, если так вышло, значит, нужно смириться и найти оправдание своей «непрухе».

Альгис с «пистолетом» наизготовку встретил очередную «тачку». Артур отправился переодеваться, и Ольга Васильевна, провожая его взглядом, сияла до ушей, смаргивала слёзы.

Стало светать, но небо было унылым, как мокрая зола, слишком уж низким и совершенно не новогодним. Ольга, почувствовав першение в горле, решила, что простудилась в своём костюмчике и туфлях – слишком долго торчала на ветру. Надо было всё-таки шубу накинуть, но что уж теперь – дело сделано...

Она стояла у зеркала, рассматривала себя придирчиво и безжалостно, почти что с наслаждением выискивая минусы и пренебрегая плюсами – в своём облике и в подобранной стилистами одежде. Ткань костюма, матовая, в тонкую полоску, словно струями обтекало пышную фигуру, но почему-то, вопреки обещаниям, не делало её стройнее. Может, мешали второстепенные аксессуары – узенькие манжеты и воротничок, микроскопические пуговики, маленькие цветочки на орнаменте. Ольга обожала

всевозможные рюшки и кулочки, без которых нет женщины, а есть непонятно кто. Что-то вроде транссексуала, который не может определиться со своим полом.

Она и ходить старалась мелкими шажками, двигалась всегда плавно, улыбалась жеманно, смеялась нарочито звонко. В своём кабинете развела изысканные цветы, сама делала для них кашпо. Здесь же госпожа Царенко держала целый сервант чайной посуды, кофейный сервиз, а в отдельном шкафчике – набор скатертей и салфеток на любой вкус. И сейчас, чувствуя усиливающийся озноб, поспешно достала синий с жёлтым носом чайник стиля «кантри», бросила туда пакетик с малиновой заваркой и поставила греть воду. Наконец-то выбрала время, чтобы отдышаться после утреннего аврала и обдумать своё очень незавидное положение...

Итак, из восьмерых заправщиков у неё осталось двое. Но и не железные – с ними может случиться всё, что угодно. Родственники, конечно, выручат, дадут несколько дней передышки, а там придётся новых набирать. Никита Шунькин точно надолго загремел – не любят у нас отпускать, по полной программе влепят юному Ромео. И остальные трое неизвестно когда на ноги встанут. Чёрт их дёрнул так поспрашивать!

Самый старый заправщик, с которым

начинали работать здесь, Александр Ильич Савинцев, как раз накануне праздников взял потребительский кредит на покупку плазменного телевизора. Но не утерпел и на эти средства как следует покушал. Кончилось всё в «Склифе», где Савинцеву сделали сложнейшую операцию в связи с заворотом кишок. Вроде, с которого света вытащили, но работать после всего на заправке он вряд ли будет – под шестьдесят уже мужику.

Ещё один, Володька Городнов, с перепоею ввязался в драку, получил «по чердаку». Теперь тоже в больнице отдыхает, где-то в области. Говорят, из комы ещё не вышел, а, значит, тут его не жди. Даже если выживет, назад не вернётся. А ведь уже на «тачку» замахивался; говорил, что дёшево «Тойоту-Короллу» предлагают. Теперь все деньги на лечение уйдут, и хоть бы смысл какой-нибудь во всём этом был! Потерял хорошее место, снова будет нищетой задворной, а то и вовсе дураком останется.

А другой мужик, что с ним был, даже вспомнить не может, из-за чего подрались. Налетели с бодуна на каких-то спортсменов-кавказцев, решили русскую удаль показать.

Ну, и, до кучи, ещё один рабочий, Ваня Пинегин, тоже недавно совсем угодил в историю. Ольгина соседка семь лет назад его на заправку

устроила, чтобы сын семье помогал и дурью не маялся. Вроде, и пил не сильно, не объедался сверх меры, ни с кем у ресторанов не дрался, а вдруг прямо по время тренировки по карате грохнулся без сознания. Оказалось – инсульт, в его-то возрасте! Теперь лежит пластом и «мама» сказать не может.

А мама эта, свинья неблагодарная, во всём Ольгу винит. Забыла, как сыночка просила к делу пристроить, чтобы времени не имел на всякие глупости! Оказывается, Ольга его заездила, сверх сил работать заставляла! Когда работаешь сверх сил, не до карате после смены – лишь бы поесть да выспаться. Сама парня больного родила, а виноватых на стороне ищет – не с себя же спрашивать теперь! Ещё додумается в суд подать, зараза, с неё станется...

– Чайник у вас давно отключился, – сказал кто-то над ухом, и Ольга вздрогнула. – Заваривайте скорее, а то остынет.

Тураев стоял у чайного столика в форменной одежде с логотипом поставщика топлива и смотрел на Ольгу. Его кофейного цвета глаза сейчас казались горькими, чёрными. Под этим скорбным взглядом Ольга опять смутилась. Пробежала пальцами по неглубокому вырезу блузки, тронула висящий рядом с крестом амулет; привезла его из отпуска в прошлом году. Овальные серьги из белого золота с опалами покачивались в её ушах и

меняли цвет – с нежно-голубого на молочно-кремовый. И блузочка в тон Ольгиных глаз. Интересно, Артур замечает это?..

– Не хочешь со мной «Ахмад» выпить? – Ольга протянула руку к шкафчику. – При усталости хорошо бодрит. Это – коллекция короля Эдуарда. Мне прямо из Англии дочка привезла. Мы по-быстрому, у меня дел полно!..

– Спасибо, но я пойду, Альгису помогу. Может, после, в обед или ближе к вечеру. Извините. – И Тураев быстро вышел на провонявший бензином двор.

Он, ясен пень, не обратил никакого внимания на серьги, кольца и браслеты хозяйки. На её элегантную причёску и шикарную сумку, на стильные очки в металлической оправе и запах духов «Нью-Вест». Конечно, для Артура она старуха, которая хочет казаться моложе, – всё! Прочь, иллюзии! Он – не альфонс, и за это его можно уважать ещё больше. Другие-то молодые мужики, даже студенты, пробовали закинуть удочку насчёт интима – Ольга сама не захотела. Это же стыд какой, и противно с таким жить, всё про него понимая. Так мне, Артурчик, так старой дуре! Решила, что раз начальница его, то имеешь какие-то особые права. Ничего ты не имеешь, и забудь эту дурь!

Займись вон цветами – давно уже не поливала,

и комнатный гранат вот-вот засохнет. А ведь как долго у подруги его выпрашивала, на обмен предлагала олеандр и каллы! А подруга сказала, что цветы эти ядовитые, и при наличии двух кошек иметь такие в доме нельзя. А у Ольги они стояли долго, и никаких проблем не было.

Надо бы позвонить дочке, узнать, как там внук. После возвращения из Англии, от отца, он кашляет и чихает. А врачи, как всегда, ничего особенного у ребёнка не находят. Вечно Сашка, дочка, учудит! Познакомилась с англичанином по Интернету, вышла замуж, хотела навсегда там остаться. А потом вернулась – не смогла. Говорит, у них нормальная температура в доме считается двенадцать градусов. Они на счетах за топливо экономят – там всё это стоит очень дорого. Чуть не замёрзла, говорит, и всё время голодная ходила, потому что продукты тоже кусаются. И плевать на красивый дом, на сад с живыми изгородями, если там так неудобно!

Ольга глотнула чаю и поморщилась от боли в горле. Взяла стеклянный кувшин, где отстаивалась вода для цветов. Покосилась через окно на Тураева, который болтал с девицей, заправлявшей «букашку» – тёмно-синий «Фиат-500». На руке девицы сверкало дешёвое колечко «Прозрачные искры», но молодость и свежесть, видимо, брали своё. Девушка была привлекательна и без дорогого

обрамления, а потому вызвала у Ольги приступ злобной зависти.

Захотелось вышвырнуть с заправки эту сучку в «букашке» и кобелей, не понимающих, что старое вино дорого стоит не напрасно. Но потом вспомнила, что без последних двух заправщиков придётся совсем туго, а потому ради бизнеса надо терпеть. Да и кто сказал, что здесь серьёзно? Просто шлюшка проверяет, как действуют её чары на мужиков. Все они одинаково выкидывают ножку из «тачки», облизывают губы кончиком языка и будто бы случайно перебирают пряди волос. Странно, почему это так действует на мужиков, а ведь действует! Сейчас прямо тут договорятся о встрече после смены, а баба Оля будет печь внуку яблоки и торт «Черепеха»...

Отгуляла ты своё и возьми себя в руки! Артур предпочтёт уйти отсюда, но никогда твоим не станет. И если хочешь видеть его пусть через двое суток на трети, или же, как сейчас, целыми днями, наступи на горло своей песне. «Отцвели уж давно хризантемы в саду...»

Всё-таки на вихревые ванны нужно походить ещё месяц; вроде бы удалось немного похудеть. Нет, не для Артура – ему-то всё равно. Для себя, для здоровья. Тут ещё столько нервов придётся потратить, что нужно быть в форме, держать порох сухим. Но, Господи, как надоело жить!

Немыслимая суета в предновогодние дни и уже после боя курантов, когда все только пьют и опохмеляются, опохмеляются и пьют! А ты должна держать марку, бестрепетно выслушивания всякие гадости, делать вид, что тебе всё фиолетово.

Хоть бы «спасибо» сказали, придурки, за то, что можно заправиться, машину помыть, прикупить разную автомелочишку, чашку кофе выпить – и всё недорого! Так нет, даром им подавай всё это, а бери, откуда хочешь. Иначе ты – мироед, кровосос и главный враг трудового народа.

Начинали бизнес вместе с мужем Михаилом, и тогда Ольге казалось, что он всегда будет рядом. Она не собиралась бодрствовать ночами, а спать днём – в самолёте или в машине, по дороге на очередные переговоры. Ольга представляла себе старость уютной и тихой, с очками, шезлонгом и тросточкой. А ещё – с колясочкой и велосипедом любимого внука, с ползущим из квашни тестом, с испачканными в муке руками и с пышущей жаром духовкой. И пропади пропадом все эти «тачки» и цапки, статус успешной предпринимательницы и возможность махнуть в выходные хоть в Париж, хоть на Канары!

Вернуть бы Мишку, а с ним – ощущение покоя, безопасности, счастья. Да, вопреки предсказаниям злорадствующих кумушек Ольга не погибла, не разорилась. Наоборот, расширила

бизнес, подняла дочку и обеспечила будущее внуку. Но нет чего-то самого главного в её насыщенной событиями жизни. И не хочется ехать домой, потому что у дочери и внука свои друзья, а она там вроде мебели, без которой, к сожалению, нельзя обойтись.

И одна теперь у неё тайная радость, сладко-горькая тоска – стоять вот так у окошка и смотреть на невысокого худощавого брюнета-заправщика. Артур терпеливо втолковывал что-то почтенной матроне в пальто из шкурок козлят, стоящей рядом с малиновым «Ситроеном». Дама, прижимая к себе малюсенького чихуа-хуа, улыбалась Артуру, как та девчонка из «букашки». Этой здорово за сорок, а той – не больше двадцати пяти. И точно так же Ольге, усталой и осатаневшей, захотелось прогнать и эту соперницу.

Пусть не будет этой постылой заправки, не будет недолюбленных баб на иномарках, а останется только Артур. Вместе с ней, Ольгой, где-нибудь высоко над землёй, в безвоздушном пространстве...

Мобильник подал свой мощный глас – он звонил как десяток колоколов, чтобы Ольга могла услышать вызов в шуме заправки. Она увидела на дисплее номер дочери и почти сразу же услышала её надрывные рыдания, от которых едва не

остановилось сердце.

– Сашка, что у тебя? Да говори толком!

Ольга слышала свой голос будто из дальнего угла и понимала, что случилась беда. Это наказание ей – за дурацкие мысли, за преступные желания. Что-то случилось с дочерью или маленьким внуком...

– Саш, да не реви ты, говори толком! Я же не врубаюсь совершенно! С Васькой что-нибудь? Где ты сейчас? К тебе приехать? Да возьми ты себя в руки хоть на пять минут! Ты на шоссе? Я слышу шум, голоса какие-то... Авария, что ли?

– Мам, я – убийца! Я... совершенно случайно... Собаку задавила! Такую большую, белую и очень красивую. Она умирает у меня на глазах, а я ничего не могу сделать... Понимаю, что вина останется со мной! Она была живая, здоровая... И вдруг нет её! А ведь у нас почти такая же собака! И мне больно, мне горько... Так, что не могу перестать плакать. Это ведь тоже тварь Божья, существо живое. А я...

Ольга Васильевна слушала молча, покусывая нижнюю перламутровую губу, морщила гладкий лоб и нервно покачивала туфлей на кончиках пальцев правой ноги. Ей одновременно хотелось выкурить сигарету и опрокинуть рюмку коньяка. Но ни того, ни другого она на работе делать не могла, так как не разрешала другим.

Дочка Сашка рыдала, внук Васька орал где-то рядом, и вокруг них вроде бы тоже были люди. До Ольги донеслись возбуждённые голоса; кажется, кто-то выматерился. Потом раздались глухие удары по металлу и звон разбитого стекла. Через секунду взвыла милицейская сирена.

– Доча, очнись ты, ну! Ты только собаку переехала? Человеческих жертв нет? Из-за чего базар-то? Ну жалко, да... Так ведь собака!..

– Я не нарочно же, мам... Ну, отвлеклась! Мне на «трубу» Ланка позвонила. Не среагировала... А псина выскочила из леса – и прямо под колёса. Я тормознула, и Васька чуть из детского кресла не вылетел! Он первый закричал: «Мамочка, собачку задавили!» И в рёв... Мне бы газануть сразу, пока кругом пусто было, так воспитание не позволило. Вижу, собака с ошейником, значит, хозяин есть. Надо объясниться, договориться о возмещении... Как же! И слушать не захотел! Оказался какой-то отставник, «совок» бешеный. Как увидел меня, чуть не прикончил на месте. У него аж пена на губах выступила... Мол, шлюхам элитарным всё равно – что собака, что человек. Думают, за деньги любой вопрос решить можно. Так выкуси, не решишь! У него жена недавно умерла, детей нет, одна собака и оставалась. Как дочка, говорит, она мне была. Ради неё держался. А ты, лярва, походя переехала, и

теперь у неё ливер из пасти торчит. Всё живое готовы истребить ради своего брюха! Позвонил куда-то по мобиле, толпу собрал из таких же крепких пенсионеров. С ними старухи какие-то... Ой, мама, они мне стёкла бьют! Хорошо, менты приехали, может, отгонят... Ну, как будто я специально! Нужно мне его собаку давить, да ещё тогда ребёнок рядом...

– Сань, это где? – властно перебила Ольга Васильевна.

Она втиснула отёкшую ногу в туфлю и вскочила с вертящегося кресла.

– Я мигом буду! Только не впадай в панику. Веди себя уверенно, и они заткнутся. На рожон не лезь, уехать не пытайся, раз уж прозевала удобный момент. Провоцировать их тоже ни к чему... Слышишь меня?

– Да, слышу! Это у Кубинки, Петелино, немного до посла ГАИ не доезжая. Психи эти – лётчики бывшие. И какая-то ведьма приковыляла с ними. Орёт мне: «Всё потеряешь по весне, всё потеряешь!» Ой, мам, так страшно, приезжай скорее! Мне с сердцем плохо!

– Доча, держись!

Ольга Васильевна так и рвалась в бой. Расслабляющие мысли о покойном муже, о неразделённой любви к Артуру, о недоливах и «прямогонках» пропали. Осталось одно

сумасшедшее желание – мчаться к Кубинке, где в вишнёвом «Рено» трясутся, прижавшись друг к другу, её румяная пухленькая Сашка и такой же безобидный увалень Васька. Они так похожи на Ольгу – её кровиночки, ради которых она не только собаку, а всех этих старых козлов переедет! Никаких денег не пожалеет, лишь бы проучить их как следует, коммуняк проклятых!

Эх, Мишенька, что же ты сердечко-то своё не сберёг, в сорок пять лет преставился? Да как же, бережёшь с этими заправками – это не с собакой утречком променад совершать! Гады эти сперва на службе дурью маялись, только звёздочки на погонах считали, а теперь принялись инспектировать деньги в чужих карманах. Зад от дивана оторвать не хотят, найти себя в новой жизни не могут, а виновата бедная Сашка. Ещё внук опять заикаться начнёт – только что за большие «бабки» вылечили...

– Илюша! – крикнула Ольга Васильевна, набрав номер охранника. – Давай «мерина», сейчас едем... В Кубинку, да! Быстро! Я уже выхожу!

По случаю теплыни и слякоти она не надела свою любимую дублёнку из монгольской овцы. Накинула лёгкую норковую шубку и побежала к затормозившему серебристому «мерину». Трёхлучевая звезда его, попав в луч ёлочной гирлянды, кроваво вспыхнула и испугала Ольгу.

Она поспешно обернулась, отыскивая Артура. Над её головой хлопали флаги с логотипом их топливной компании – неуместно яркие, кричащие на фоне просветлевшего, но всё ещё мутного неба. И в первый раз Ольга подумала, как страшна зима без снега – всё равно, что лето без зелени.

– Артурчик!

Ольга вцепилась в рукав Тураева и покачнулась – ноги уже не держали. Артур пока молчал, но морщины на его лбу стали ещё глубже, превратились в кривые шрамы – как на правой щеке.

– Я срочно в Кубинку уезжаю, а всё хозяйство на тебя брошу. Ты же умница, справишься. А вернусь не знаю когда, если честно. Трудно сказать... Рассчитывай на три-четыре часа. Если дольше задержусь, отзвонюсь обязательно. Я тебе не только две недели отгулов дам, но ещё и замом своим сделаю вместо Пистунова Костика. Нечего по Тайваням разъезжать, когда люди работают...

– Конечно, я всё сделаю. Вас срочно вызвали?

Тураев даже обрадовался, узнав, что Ольга надолго уедет. Без неё было комфортнее, тише, что требовалось ему после нескольких отработанных подряд смен. У Ольги ещё несколько заправок по области и, возможно, на какой-то случилось ЧП. Праздник есть праздник...

– Ой, душечка мой, что бы я без тебя

делала-то?! – Ольга плюхнулась на сидение «пятисотого» рядом с Ильёй, послала Артуру воздушный поцелуй. – Сочтёмся, миленький! За всё сочтёмся! Не обижу, любовь моя...

И «мерин», сверкнув красными огнями, взметнул веер грязной воды, смешанной с маслом и бензином. Артур едва успел отскочить, тем самым избавив себя от необходимости долго отмывать физиономию. Илья ревнует, пакостит. Понятное дело – сам хочет завладеть сердцем начальницы. «Да на здоровье, – беззлобно подумал Тураев, – лишь бы меня не кадрила. «Минуй нас пуще всех печалей...» – лучше классика не скажешь. Мне не нужна её любовь, равно как не нужен и гнев, потому что на этой заправке меня пока всё устраивает. Вот если распишемся с Ириной, конечно, уволюсь. А пока работать надо – деньги нужны...»

Артур с трудом поднял голову – сказывалась многодневная свинцовая усталость. Так бывает, когда наваливается сразу много дел, но ни одним из них заниматься не хочется. И потому не приходит «второе дыхание», когда адреналин рекой течёт в кровь, и человек проявляет чудеса выносливости, сообразительности и сноровки.

Так частенько случалось раньше, ещё до зоны, когда Артур шёл по следу преступника. И, вопреки всем трудностям, знал, что непременно настигнет

его. Потом он мог кого-то из поверженных врагов и пощадить. Но это потом, а сначала должен был одержать очередную свою победу. А ведь каждый его триумф стоил очень дорого – особенно последний, в двухтысячном году. Тогда наградой ему стали не орден, не грамота, не ценный подарок, а наручники и казённый ватник. В такие же новогодние дни всё тогда начиналось, а будто бы вчера. Семь лет прошло, целых семь...

Мощным усилием воли поборов желание закурить, Тураев медленно пошёл к колонке у самого въезда на заправку. По той же луже, из которой только что его едва не окатили, медленно двигался, будто плыл, громадный джип «Мерседес ML» очень красивого фиолетового цвета. Правда, он был здорово заляпан в дороге и нуждался в помывке. Между прочим, отметив, что тут, если постараться, могут обломиться щедрые чаевые, Артур ускорил шаг и занял место у колонки.

Водитель открыл дверцу не сразу; он как будто раздумывал, стоит ли вообще показываться рабочему. Такое бывало нередко, особенно если в салоне находилась «боевая подруга». Девицы попадались разные – от закутанных в соболя и норку до абсолютно голых. В том и в другом случае Артур не демонстрировал никаких эмоций. Он вёл себя как «белковый робот» – именно таким образом

удобнее всего было существовать в предложенных судьбой обстоятельствах.

Наконец, дверца приоткрылась, и Артур облегчённо вздохнул. Сквозь тонированные стёкла трудно было разглядеть, кто, кроме водителя, пожаловал на роскошном «мерине», который наверняка понравился бы Ольге Васильевне. Раньше этот внедорожник никогда здесь не появлялся. Нужно было «ловить рыбёшку» – то есть цеплять состоятельного клиента, чтобы он завернул сюда ещё не раз. Он и завернёт, думал Тураев, если сегодня не оказался здесь случайно, – уж мы постараемся...

Дверца приоткрылась, и из салона пахло парфюмом «Месье Живанши». Сердце Тураева сладко сжалось – это был аромат «той», навсегда ушедшей жизни. Артур искренне удивился, ощутив счастливую тоску, вспомнив сразу и полностью свои юные шальные годы в московских и рублёвских ресторанах. И «звёздных деток» – таких же, каким в ту пору был он сам. Вон тот мужик, что в «мерине», не покатился по наклонной, остался на должном уровне...

Впрочем, пятнадцать лет назад Артур был гораздо выше. Сначала он попирал ногами многих, но вскоре многие скребли подошвы об него самого. И всё же вехи своей биографии Тураев помнил прекрасно, не жалея ни об одном из прожитых

дней.

На их заправку частенько наезжали клиенты, благоухавшие элитным парфюмом. Но никто из них не вызвал у Артура столь сильных, свежих, сентиментальных чувств. Как будто вернулась юность, и жизнь ещё может сложить иначе. И не будет в ней свадьбы с Мариной Бревновой, и не увезёт она навсегда сына Амира. Не предаст его в трудную минуту закадычный друг Лёвка Райников, о котором уже тринадцать лет он лишь изредка слышал от матери. И не встретит Тураев всех своих женщин, интеллигентных и несчастных, из которых многих уже нет на свете.

Не будет заваленной трупами яхты «Марианна», носящейся штормовой апрельской ночью по волнам Финского залива. Этих людей Артур убил тогда только потому, что иначе наказать их было невозможно, а позволить им уйти от расплаты он не мог. Ради этого он впервые в жизни выстрелил по живым мишеням. Ради этого готов был подорваться вместе с яхтой или пойти в зону, где его неоднократно пытались прикончить.

И в этой новой жизни уже не будет заправки, приторных нежностей Ольги Васильевны. Не родится дочка Симочка, из-за которой Ирина Валитова не решается прописать Артура у себя, предварительно съездив с ним в ЗАГС, и вновь сделать москвичом. Артур хотел бы начать жизнь с

чистого листа. И тогда он не совершил бы ни одной из прежних ошибок – факт. Наверное, всё-таки нужно на выходных съездить к матери, посидеть у неё подольше.

Мать недавно овдовела, и впервые за долгое время рядом с ней в волшебную ночь не было любящего, нежного мужа. Артуру пришлось заменить Альберта Говешева за новогодним столом. Именно ради него Нора Мансуровна в тот раз делала форшмак и куриный плов, варила свой коронный глинтвейн – с настоящим татарским мёдом. Она пекла рождественское печенье и лепила «Снежные трюфели». Священнодействовала мать и над щербетом из манго и имбиря, ездила за французским игристым.

Ради старшего сына Нора вызывала бригаду уборщиков в свою роскошную, но такую грустную квартиру в старом доме близ Таганской площади, заботливо украшенную всевозможными подушками и валиками, вышитыми руками хозяйки в её самые счастливые годы. Даже тарелку с овощами мать умудрилась связать так, что многие гости, не разобравшись, пытались полакомиться шерстяными яблоками и грушами. Для Артура Нора купила и чудо-свечи, которые в ту ночь горели долго, не «плакали» и не коптели.

Мать и сын остались вдвоём до утра, и свет толстых квадратных свечей дробился в стекле

пузатых бокалов на высоких тонких ножках – их Артур у матери раньше никогда не видел. Кроме своего первенца Нора никого не хотела приглашать. Ещё не стихла боль утраты – муж умер в октябре, причём совершенно неожиданно. Он даже не успел договорить слово, обращённое к Норе, и вручить ей корзину разноцветных хризантем. Альберт уронил корзину на пол и рухнул сам, а Нора, всегда такая быстрая и предприимчивая, бестолково топталась рядом с мужем и даже пыталась сунуть ему под нос склянку с нашатырным спиртом.

Она просто не верила в такую жестокость судьбы. Ведь накануне они получили известие от их общего сына Арнольда о том, что в Хельсинки родилась их внучка Симона. Ошеломляющая радость и сразу, следом – обжигающее горе шокировали Нору до такой степени, что она никак не могла утром встать с постели и пойти умываться.

Арнольд примчался в Москву через два дня, оставив жену с новорождённой девочкой в клинике. И Нора долго не отпускала от себя обоих сыновей, будто боялась, что они тоже уйдут навсегда. Мать забросила свои тренажёры и массажные ванны, перестала делать маски из овощей и фруктов, махнула рукой на неоконченный курс аэробики. И как-то сразу, одновременно, подурнела. Изменился даже голос – из звонкого, как колокольчик, он стал

скрипучим, старческим.

– Это ужасно... Это невыносимо!.. Только что был человек – живой, бодрый, румяный! Так и вижу Альберта – в расстёгнутом пальто, без шапки, и в руках – увитая лентами корзина. Он специально заказал композицию для Симоны. Я очень хотела знать, как получилось, и Альберт торопился показать... Даже лифта не дождался, вверх по лестнице побежал... Он протянул мне корзину с порога и сказал: «Видишь, какие красивые цве...» – и упал! Рухнул вместе с корзиной, будто себе на похороны её приготовил. А ведь мечтал ещё утром, как внучку будет нянчить, куда повезёт её, что рассказывать будет! В Черногории и в Болгарии, говорил, для детишек очень хорошие пляжи, и не так жарко, как в Турции. Плавать собирался учить, рыбу вместе ловить! Это ведь первая, единственная его внучка! И ни братьев у него, ни сестёр, мать давно умерла. Каждый родственник – на вес золота. Отца его зверски убили в пятьдесят шестом, в Будапеште. Они так и не смогли туда вернуться... Говорят, что люди и от радости умирают. Сердце не выдерживает сильных эмоций – даже положительных. Бедная Симоночка, такого дедушку потеряла! Я уж про себя не говорю – таких мужей, как Альберт, на свете больше нет. Не покидайте меня, сыночки, вдруг больше не увидимся никогда?.. Теперь-то я знаю, как это

бывает, – легко и быстро. Я раньше плохо понимала слова о том, что с любимыми нужно прощаться навек, когда уходишь на миг. Теперь прочувствовала эту горькую истину до конца. Даже если человек в другую комнату вышел, он может оттуда уже не вернуться. Господи, на что мы жизнь тратим?! На сплетни, интриги, скандалы! Сколько попусту сожжено нервов и времени! А ведь можно в эти часы, в эти минуты что-то хорошее сделать для человека, пока он жив, пока нуждается в ласке и тепле. Я не про тебя, Артур, не пойми это как упрёк. Я про себя. Все эти годы любовалась собой, желая что-то доказать в первую очередь твоему отцу, который очень обидел меня в молодости. Я разлюбила его только после смерти Альберта, и теперь мне стыдно. После похорон Альберт приснился мне. Он подошёл к нашей с ним кровати в спальне и спросил очень заинтересованно: «Ну, что врачи сказали? От чего я умер?» Я проснулась в диком ужасе, в слезах, с ощущением катастрофы, хоть ничего страшного во сне не видела. Я даже не успела ответить ему, что причиной смерти был разрыв сердца. И здесь не угодила человеку, который спас меня тогда, давно. Столько лет молчаливо заботился, оберегал, холил, превозносил. А ведь он был не какой-то нюня и подкаблучник. Жёсткий, волевой человек, привыкший руководить людьми и в то же время

отвечать за них, брать весь груз на себя. А я обращалась с ним не так, как нужно было. Всё время думала о том, другом, пыталась ему отомстить, уязвить. Нужно было выбросить эту блажь из головы и делать всё для того, чтобы твой папа, Арнольд, был счастлив. Нужно было щадить его, жалеть его, а не только блистать на приёмах, пытаясь представить себя не стареющей и бессмертной! Артур, прости покойному все его вины перед тобой. А он там, на небесах, тебе тоже всё простит. Давайте по-другому жизнь начнём, без дрызг и обид. Я специально подала на стол «Белые трюфели» – как символ снега, чистоты, обновления. Ведь если кого-то из нас не станет, оставшимся будет стыдно – теперь я это точно знаю. Пусть хоть у вас, мальчики, совесть чистая будет!

Артур, со своей стороны, перед Новым годом выполнял поручения матери – покупал продукты, напитки. Вдумчиво и тщательно украшал живую, под потолок, ёлку разными по форме игрушками синего и жёлтого цветов. Купил матери подарок – мягкий браслет с полудрагоценными камнями, и к нему – кольцо. Мать была элегантна и хороша даже без дорогих побрякушек. И ещё неизвестно, украшения придавали ей шарм, или она заставляла корунд и циркон играть особенно заманчиво на своих запястьях и шее.

Тураев и впрямь готовился к новогодней ночи

так, словно это была последняя возможность побыть вдвоём. Арнольд собирался приехать, но не смог – его услали по службе в Данию. А больше никого Нора Тураева видеть за столом не пожелала.

– Придут, напьются, обожрут, позлорадствуют из-за Альберта... Зачем мне это нужно? Придётся опять рассказывать, как он умирал. Людям же приятно про такое слушать, когда сами живы...

Мать подарила Артуру золотую булавку для галстука с маленьким чёрным бриллиантом и такие же запонки. Он смутился, моментально оценив стоимость этого великолепия. Пробормотал, что простой заправщик не достоин роскоши. Нора вспыхнула до корней волос, отвернулась и закусила губу. Потом совлала с собой и поцеловала сына в щёку.

– Ты моё материнское сердце не обманешь. Я чувствую, что не век тебе в заправщиках куковать. Тебе ещё понадобятся украшения, в которых не стыдно и на королевский приём пожаловать. Ты отстрадал своё уже давно, и Провидение тебя помилует...

... Тураев вспомнил всё это за те секунды, что они с водителем джипа смотрели друг на друга. Чистейшее, качественное звучание колонок автомагнитолы дополняло впечатление, производимое «мерином», мягкой муаровой кожей в его салоне.

Да и сам водитель не подкачал – это был мужчина одних лет с Артуром, в кашемировом пальто и шёлковом кашне. Лицо мужчины было гладким и загорелым, зубы – белыми и ровными. А вот широко расставленные карие глаза растерянно бегали за стёклами дорогих очков. Обильно поседевшие волосы также указывали на то, что у водителя не всё в порядке, что мучит то ли страх, то ли печаль.

Артур стоял с «пистолетом» в руке и беззвучно шевелил губами, стараясь понять, ошибается он или нет. Ведь много похожих людей на Земле, да и трудно через тринадцать лет уверенно опознать давнего друга.

Только что подумал о нём, ещё не увидев водителя «мерина», но почему-то вспомнил детство. Вот ведь она, интуиция-то, и не только материнская! Каким ветром занесло в не ближнее Подмосковье успешного дипломата? Он и в столице-то, мать говорила, появлялся минимум на две недели – чтобы получить очередное назначение...

Автомагнитола крутила «военный шансон», что-то про бои и погибших друзей-десантников; и почему-то эта песня снова заставила сердце сжаться. Странно, они ведь оба живы, Артур Тураев и Лев Райников, ещё сравнительно молоды, да и в «горячие точки», тьфу-тьфу, не собираются.

Теперь им на целую отпускную неделю разговоров хватит. Если, конечно, Лёвка не улетает через час в очередную загранку. Похоже, он не торопится обняться со старым корешем, даже руку ему пожать не хочет. Артур подумал, не проявить ли ему инициативу, но вовремя вспомнил о том, как выглядит и кем работает.

– Лёвка, ты?.. – одними губами спросил Тураев, и тот услышал.

– Тише... Мы не знакомы, – сквозь зубы ответил Райников и нарочито громко спросил: – С октаном у вас всё в порядке?

– Да, нормально. Девяносто пятый?

Артур, чувствуя, как по щекам ползут противные мурашки, сунул «пистолет» в бензобак огромного джипа.

Райников рассеянно кивнул, потом вскинулся:

– Мне его помыть ещё надо. Магазин работает?

– Обязательно!

Артур повертел головой, отыскивая напарника. За мойку у них по-любому отвечал Бузас. В магазине у прилавка обычно стоял продавец Матвей, который на праздники уехал хоронить бабку. Сегодня его заменил Антон Юрьевич, которого лучше было оттуда и вовсе выгнать, чтобы не напортил чего в хозяйстве. Ольга Васильевна отпустила продавца лишь после

предъявления телеграммы – побитая жизнью женщина обычным словам давно не верила.

– Тогда можно попросить вас пройти со мной в магазин и кое в чём проконсультировать? – сухо, официально спросил балагур и весельчак Лёвка Райников, заставить Тураева буквально остоленеть.

Да когда они на «вы»-то были?! И почему Лёвка не хочет, чтобы узнали об их знакомстве? Вроде, в машине один, стесняться некого. Но другой причины быть не может – успешный господин не желает иметь дружка в промасленном комбинезоне и воняющей бензином куртке.

Теперь, конечно, и представить невозможно, что когда-то эти двое мальчишками сидели за одной партой. А после их разлучили, ибо страдала учёба. Но на каждой перемене они были вместе – с первого по десятый класс. Далее их пути разошлись. Лёвка поступил в МГИМО, а Артур направил стопы на юридический факультет МГУ. С тех пор они стали встречаться реже, но всё равно не мыслили ни одного праздника без весёлых уик-эндов с лыжными гонками зимой и шумными пикниками летом.

Их компания в складчину закупала продукты и снаряжение. Из общей кассы в зимнее время платили за аренду домиков, чтобы можно было согреться и переночевать. Колесили не только по

Подмосковью – посещали пляжи Финского залива и Чёрного моря, сплавливались по бурным рекам Урала и Сибири. Организовывали и длительные велопробеги, а между делом совершенствовались в теннисе, в мини-гольфе. Для развлечения гоняли шарик пинг-понга. И почти всё время хохотали, как бешеные, потому что по молодости жизнь казалась невероятно интересной, а судьба – благосклонной.

Всегда рядом с ними были девчонки, изначально как бы общие, всегда готовые, немного поломавшись, уступить домогательствам «мальчиков-мажоров». В глубине души каждая из этих доступных красавиц надеялась на выгодный брак, всё равно с кем из них, но не сбылось. Для этих женихов уже были припасены другие невесты.

Не в палатке и не в финском домике, а прямо на московской квартире Артура возникла чудосочная малолетка Марина Бревнова. Тот по пьянке лишил девственности и тем самым обрёл себя на многолетние страдания. Лев Райников сошёлся с Дашей Гавриловой, своей сокурсницей из МГИМО и внучкой какого-то очень влиятельного дедушки.

Лёвка не может не помнить этого, но почему-то воротит рожу; видимо, старается забыть. Ну, ничего, мы привыкли и не к такому! Мы многое теперь можем стерпеть – после гонений девяносто третьего, после изолятора и пяти лет зоны, после

жизни в подмосковной общаге, переделанной из санатория. А уж чего довелось наслушаться от матерей своих двоих детей – так лучше не вспоминать перед обедом...

– Сейчас отгоню его на мойку, – всё тем же безжизненным голосом произнёс Лёвка. Альгис кивал головой и махал руками, показывая, куда следует заводить джип.

Там Райников о чём-то с Альгисом переговаривал. Они даже подняли капот и обсудили возникшую проблему. Потом Райников вернулся к Артуру, придерживая раздуваемые ветром полы пальто, и было видно, что ему здорово не по себе. Артур же спокойно ждал продолжения, не забывая между делом скоренько заправлять подъезжающие машины.

Вика едва успевала принимать выручку, не находя времени даже для того, чтобы перекусить. Бывало, что в таких случаях её подменяла сама Ольга, предпочитавшая всегда «держать руку на пульсе». Но сегодня благодетельницы рядом не было, и Вике приходилось туго.

Райников вопросительно поднял брови и взглянул на Артура. Тот, тоже молча, мотнул головой, указывая на вход в небольшой, но богатый содержимым магазинчик. Артуру хотелось то ли сплюнуть, то ли выругаться, но он не имел права выражать эмоции. Клиент – царь и бог, и Артур за

ним должен ползать на четвереньках...

– Мы можем поговорить наедине? – вдруг шёпотом спросил Лёвка.

Кровь тут же радостно бросилась Тураеву в лицо. Ни тени снисходительности или презрения не было в голосе давнего друга! Да и зачем тогда ему нужно говорить тет-а-тет со своим неудачливым ровесником? Новости он мог получить другим путём – Нора Тураева и Дора Райникова, в отличие от сыновей, не прерывали дружбу ни на день.

– Без проблем! – Артур толкнул дверь и пропустил Лёву в тесный, но очень симпатичный магазинчик.

За прилавком, как и ожидалось, уже который час маялся Антон Юрьевич Маматов. Возраст давал о себе знать, замучила простата, часто требовалось отлучаться в туалет. А закрывать магазин хоть на одну минуту запрещалось приказом госпожи Царенко. Увидев Артура в компании «крутого» незнакомца, Юрьич перестал скакать, вытянулся по стойке «смирно» и выжидательно вытаращил глаза.

– Юрьич, иди-ка проветришь, насколько это возможно на заправке, – вкрадчивым, особым голосом, который любили не только женщины, предложил Тураев. – Я клиенту товар и без тебя покажу в лучшем виде. А ты в это время у колонок подмени меня – запарка почти целый день.

– Да-да, замётано, Артур! Конечно, дорогой! – Дедуля пулей вылетел из-за прилавка – ему уже мерещилась желанная дверь в туалет. – Сколько надо, столько пробуду, где укажешь...

– Скажи Альгису, чтобы колёса джипу подкачал, – между прочим, бросил Артур, постепенно начинающий что-то понимать.

Видимо, Лёвке требуется переговорить с ним без посторонних, и беседа эта вряд ли получится короткой. Слишком долго они не виделись – тут пока новостями обменяешься, вечер настанет. Правда, по такой погоде он мало чем будет отличаться от дня, и совсем уж немного – от ночи. – Слышь, Юрьич, что говорю?

– Слышу! Всё слышу! – донеслось из-за двери. – Спасибо, родной!

– На здоровье! – Тураев щёлкнул замком и привалился плечом к двери, вопросительно, даже настырно глядя на Райникова.

Тот тяжело дышал, то и дело, косясь на широкие окна. Пока в магазин никто не ломился, и Тураев надеялся, что сегодня им повезёт.

– Сколько у нас есть времени? – глухо спросил Райников, доставая своё наворочанный смартфон и что-то высматривая на дисплее.

– А тебе сколько надо, дружище? – невозмутимо осведомился Артур.

– По крайней мере, час, не меньше. –

Райников одновременно изучал пейзаж за окном и читал ползущие по голубовато-белому экрану смартфона чёрные строки. – Никто не войдёт? Подслушать здесь легко или не очень?

– Насчёт того, кто войдёт, не знаю, – это же магазин. Но мы сделаем вид, будто выбираем товар. А относительно прослушки... Вряд ли на каждой заправке стоят «жучки», тем более в лавке. Кому мы нужны, сырые и убогие? Это если только у хозяйки, но её кабинет вон там, наискосок. Далеко отсюда, так что не дёргайтесь, ваша светлость...

– Перестань, король Артур, – вяло попросил Лёвка и встал так, чтобы его не было видно с улицы. Потом кисло усмехнулся: – Тоже, сырый и убогий! Я специально с тобой не встречался, чтобы моя жена не сразу мне изменила. Она ведь за тебя мечтала выйти, да ты уже женат был. Пришлось венчаться со мной – тоже не последняя спица.

– Точно – не последняя. – Тураев привалился спиной к двери, словно боясь, что Райников сейчас удерёт и ничего ему не расскажет. – Всё, хватит тянуть кота за хвост! Говори, зачем пожаловал, а то я на работе. Целый день не продохнуть – даже кофе не пил.

– Один я дурью маюсь, – дёрнул углом рта Лёвка, и тёмно-ореховые его глаза впервые блеснули жизнью. – Ну, здравствуй, что ли, друг мой давний! – И широко раскрыл объятия.

– Привет! – широко улыбнулся Артур. – Рад желанной встрече. Всё-таки новогодние чудеса случаются, верно?.. – И он, со своей стороны, крепко сжал Лёвкины плечи, похлопал по спине.

– Мы оба очень сильно изменились.

Райников опять погрузнел. – И далеко не в лучшую сторону. – Он потрогал пальцами подбородок, шею, воротничок рубашки. Потом схватил себя за горло, словно пытаюсь ослабить узел галстука. Судя по всему, Лёвка стеснялся своей слабости, старался скрыть её, но безуспешно.

Артур понял, что давний друг чего-то если не боится, то уж точно опасается. И это, скорее всего, слезка. Намётанным оком сыщика он осмотрел окрестности, но ничего подозрительного не обнаружил. Впрочем, на заправке трудно было сделать окончательные выводы – ведь картина меняется ежеминутно.

– Ты уж точно таким нервным не был, – согласился Артур, продолжая наблюдать за Альгисом, который тщательно надраивал райниковский джип. – Ладно, не кряхти, говори, чего надо. Ты ведь приехал не просто с Новым годом меня поздравить. У тебя проблемы возникли, причём совсем недавно. Только не ври и не скрывай ничего, иначе не стоило приезжать.

Артур по движению глаз Лёвки видел, что тот соображает, какими словами лучше обрисовать

сложившееся положение. При этом Райников оглядывался по сторонам, как загнанный зверь, и по воротничку его рубашки ползли сырые пятна.

Тураев заметил знакомую бархатную родинку на Лёвкином левом ухе и опять улыбнулся, отчего его лицо стало не симметричным. Он положил ладонь на Лёвкин локоть и подвёл его к прилавку с автомобильными шампунями. Райников некоторое время так и стоял, глядя на разноцветные флаконы и барабаня пальцами по стеклу.

Артур уже не торопил Лёвку – недавнее раздражение сменилось доброжелательным спокойствием, даже нежностью. Сердце постукивало часто, как-то скользяще, словно поддразнивало. И с каждым толчком по жилам разливалось слабенькое, но приятное тепло.

Тураев сразу и не понял, почему всё так получается. А после вдруг вспомнил всё, что было давно, в конце апреля того же девяносто третьего. Они с Мариной и грудным Амиром жили тогда в трёхкомнатной квартире на Пресне – просторной, но неустроенной. Оба молодых супруга вели светский образ жизни и редко бывали дома. Свободное их время полностью поглощал ребёнок, брошенный на двух бестолковых нянек.

И туда же приехал отчим, Альберт Говешев, заправлявший большими делами в мэрии, как перед этим – в Мосгорисполкоме. Он не сменил даже

кресло, стол и табличку на дверях – просто его солидная должности после победы демократии стала называться по-другому. И ещё – вместо красного банта Альберт Александрович, сын убитого венгерского коммуниста и русской переводчицы, стал прикалывать на грудь трёхцветный.

Артур до крайности изумился, увидев отчима в дверях, потому что незадолго до этого они в пух и прах разругались. Да и без того вряд ли по доброй воле навестил бы Альберт Говешев сыночка любимой Норы от её первого брака. В последнюю неделю мать Артура вообще не видела супруга – он дневал и ночевал в мэрии накануне судьбоносного референдума о доверии президенту Ельцину и Съезду народных депутатов России. Альберт то и дело пил сердечные таблетки, потому что за нежелательный результат референдума и возможные беспорядки пришлось бы отвечать перед ну о-очень высоким начальством.

И вот после того, как измученные «шоковой терапией» граждане героически одобрили политику властей и пожелали продолжения вивисекции, Говешев немного успокоился, выбрал «окошко» в своём плотном графике и велел водителю ехать к Зоопарку. Там недавно построили очередной элитный дом, а квартиры раздали подросткам новым властителям.

– Чего там опять у вас, Альберт Александрович? – простонал Артур, поворачивая к отчиму помятое после очередной оргии лицо, густо заросшее синеватой щетиной.

Пальцем с обручальным кольцом он осторожно трогал ссадину на скуле. И припоминал, что, кажется, пьянка закончилась страшной дракой. Артур поморгал распухшими веками, отметил, что слева, кажется, должен быть бланш, и без тени стыда во взоре уставился на Говешева. В извилинах запуталась весьма подходящая к случаю песенка Высоцкого «Ох, где был я вчера!»

Отчим смотрел на пасынка с отвращением и почти что с ненавистью, потому что сам он сиял розовой свежестью своей ухоженной кожи, благоухал французским лосьоном и переливался блеском дорогих тканей костюма и плаща. Между делом Тураев определил фирму, осчастливившую Говешева своим прикидом – «Оскар Якобсон». И вспомнил, что на последний день рождения отчим подарил матери норковое манто модели «Ламбада».

– Ты как, не колешься ещё?

Говешев обвёл глазами спальню, заваленную не менее дорогими, чем у него, шмотками. Со спинки кресла свисал коричневый клубный пиджак от Ива Сен-Лорана. Валялось здесь и вечернее дамское платье со стразами, а из-под него несмело выглядывало кружево полупрозрачного бюстье.

Было похоже, что отчим действительно ищет шприцы и ампулы следя валяющихся на полу вещей. Артур лишь усмехнулся потрескавшимися губами и откатился подальше к стене, где за тахтой у него была припрятана записка.

– Впрочем, мне-то наплевать – мать твою жалко. Я бы за миллион долларов к тебе не поехал, но она попросила... и ещё кое-кто. – Отчим скорчил такую мерзкую рожу, что Артур сообразил – речь идёт об его родном отце.

Теперь Артуру уже не требовалась опохмелка. Он скинул компресс со лба, набросил на голые плечи махровый купальный халат, забытый здесь вечера, и взглянул на отчима совсем другими, ясными глазами.

– Я вас слушаю, – даже слишком почтительно произнёс неисправимый бретёр, тайком ощупывая пострадавшее ещё в одной драке ребро и жалея, что не внял советам тещи и не съездил на рентген.

И надо же так случиться, что старый синяк под глазом не рассосался, а ему вчера новый поставили! Как же, снаряды в одну воронку ещё как падает!.. Артур всегда называл отчима на «вы» и по имени-отчеству; и каждый раз тот начинал дёргать уголком тонкогубого рта, прижмуривая левое веко. Странно, неужели до сих пор он надеется услышать в свой адрес желанное слово «отец»?

– Только почему они сами не приехали? Ну,

хотя бы мама... Отцу-то сейчас не до меня, ежу понятно...

– Я Норе не разрешил! Не хватало, чтобы, она свинарник твой увидела! И твою отвратительную физиономию!

Отчим махнул рукой, словно отрубая для пасынка путь к спасению, и поискал кресло, в которое можно было погрузить крепкое, упитанное тело.

– Погубишь ты мать, Артур, помяни моё слово! Не знаю, когда, но погубишь! Но, пока я жив, этому не бывать! Что же касается его... – Говешев мстительно усмехнулся. – Самому бы теперь уцелеть! А тут ты со своим блядством! Вот уж что сильнее всего на свете, так это гены... Не вечно на его улице праздник будет – когда-то и отвечать придётся. И вот если кресло под ним зашатается, всё в ход пойдёт. И твои дебоши в дорогих ресторанах, и твоя шестнадцатилетняя супруга. Но, самое главное, твоя красавица-шведка, от которой за версту несёт «конторой». Теперь ты сам решай, что для тебя дороже. Спокойствие родителей или... – Говешев закашлялся, прижимая ко рту белоснежный платок с золотистой кромкой.

Дверь на балкон была открыта; с улицы слышались детские крики и шум весенней Пресни, пропахшей клейкими тополиными листочками и подсыхающей после зимы землёй. Пылинки

плясали в солнечном луче, и жужжала над ухом уже проснувшаяся муха.

– Вы... о Сибилле? – До Артура будто только сейчас дошёл смысл сказанного. – Несёт «конторой»? Я только не знаю, чем эта «контора» пахнет. А вы знаете? И вообще, кто решает такие вопросы? Нужны ведь доказательства того, что человек связан со спецслужбами. То, что отец Сибиллы дипломат, ещё ни о чём не говорит. Не все они шпионы, в самом деле! И потом...

Артур хищно усмехнулся, пятернёй взъерошил копку иссиня-чёрных волос надо лбом.

– Неужели у нашей родины ещё остались секреты? Фу, это же моветон! И от кого – от Швеции! Да разве наши уважаемые президенты ещё не всё вывалили непосредственно руководителям стран НАТО? К чему потеть-то?

– То, что она шведка, ещё не означает, что работает она именно в пользу Швеции, – веско парировал Говешев. – Эта публика не брезгливая – кто наймёт, на того и пашет. И хватит ёрничать – положение действительно очень серьёзное. Мне тоже не хочется отвечать там, – Говешев мотнул подбородком в направлении Лубянки, – на разные каверзные вопросы. Кто определяет принадлежность к «конторе», ты спрашиваешь? Есть такие люди, в контрразведке заняты. При «совке» – Второе управление КГБ. Не знаю,

переименовали его или так оставили. Я бы с органами не столкнулся никогда, если бы не твоё величество! И дружку своему Лёвке Райникову тоже передай – пусть осторожнее при ней языком треплет. Его отец за бугром «под прикрытием» не один год проработал и говорит, что шпион шпиона за километр чует. Он как услышал, что Сибилла Силинг появилась в Москве, да ещё вас, идиотов, в постель затащила, так, выражаясь современным слэнгом, в осадок выпал! Тебя-то, слава Богу, женить успели, а Лёвку она вполне зацапать может. Через него ей дорога откроется в дипломатический мир, а там половина – «под прикрытием»! На любом приёме наслушается такого, что после не на один международный скандал хватит. Это только на приёме, так ведь она в постель ко многим из них прыгнет! Марк, Лёвкин отец, никак вырваться из Лондона не может, чтобы отпрыску мозги вправить. А потом, боюсь, поздно будет...

– Ну, положим, мне бояться нечего.

Артур вставил в нефритовый мундштук тонкую чёрную сигарету и щёлкнул зажигалкой. Отчим поморщился, но ничего не сказал, потому что сам то бросал курить, то принимался вновь. Кроме того, он не желал терять нить напряжённой беседы из-за пустяков.

– Во-первых, место супруги занято Мариной. Во-вторых, дипломатом я никогда не стану. И

специализация моя на юридическом факультете была не по международному праву. Я, даже если очень захочу, никаких секретов ей не выдам. А Лёвка... Да, он, несомненно, подвергается некоторой опасности...

– Да ты для неё – только лестница, а истинная цель – твой отец. Поскольку он на женщин падок, ей не составит труда стать его подругой. Марк Райников справки навёл по своим каналам – это змея, а не человек! Ты хоть о своём отце подумай, если на нас с мамой тебе наплевать! У него и так врагов целая свора. Только и ждут удобного случая, чтобы загрызть. Вроде бы я радоваться должен, а мне по-человечески жаль его. И тебя, идиота, тоже! Ведь если ты потеряешь всё, а отец поста лишится, к нам с мамой прибежишь проблемы решать. Когда из-за этой Сибиллы Силинг ваши задницы задымятся, вытащить вас будет ох как непросто! Такой роскошный повод уличить политического противника в измене Родине и с благородным видом подвести его под расстрел, в крайнем случае, под длительный срок!.. То, что Союз сдох, резидентура законсервирована, а войска, поджав хвосты, бегут из Восточной Европы, и с прочих баз по всему миру тоже, ещё ни о чём не говорит. «Друзьям – всё, врагам – закон!» – говаривал каудильо Франко. И вам с отцом будет закон, слышишь?! Вам – нельзя, понял? Оппозиционерам,

каковым неожиданно заделался твой родитель, категорически противопоказаны даже намёки на возможную измену! Никаких подозрений нельзя допускать, а если это подтвердится?! Да, доказательств против твоей Сибиллы пока нет. Кем она вам с Лёвкой представлялась? Этнографом? Или журналисткой?

– И тем, и другим.

Артуру ничего больше не хотелось говорить. На сей раз отчим был прав, и поэтому стало особенно тошно.

– Ха! Ну, конечно, с этими двумя специальностями можно разъезжать по всему миру, не вызывая подозрений. Молодая учёная леди собирает материалы для книги или диссертации, и везде ей зелёная улица! Получив другой паспорт, она перевоплощается в очаровательного репортёра, и в этом качестве присутствует на приёмах, тусовках и даже официальных мероприятиях. Марк Райников выяснил, чем на самом деле занимается ваше голубоглазое чудо. Это – суперценный агент, вероятнее всего, ЦРУ, хотя последнее пока не доказано. Сибилла – не просто шлюха или куртизанка, каковых в спецслужбах предостаточно. Я тебе сейчас маленькую лекцию прочитаю, чтобы совесть чиста была. Не прислушаешься – сам будешь кретин. Итак, чем занимаются западные «конторы», прежде всего ЦРУ? Создают

предпосылки, ситуации, при которых возможны активные военные действия вооружённых сил США и их сателлитов. Организуют восстания, перевороты, интервенции. Ну, вроде пиночетовского путча, в результате которого погибла мать вашей Сибиллы. Она была активной функционеркой тамошнего Союза молодёжи. И, несмотря на это, Сибилла работает в интересах пиндосов. Ладно, её дело! Пепел Кармен-Кристины Вальдес не стучит в сердце Сибиллы Силинг. Теперь слушай дальше. Даже самая совершенная техника не заменит наёмных агентов. Наиболее ценные из них – агенты влияния, внедрённые в окружение первых лиц государства. Это – советники, чиновники госаппарата и так далее. Ну, сынок одного из таких первых лиц – вообще золотое дно! Ты понимаешь, что речь о тебе идёт? С помощью всей этой публики можно влиять на политические процессы в стране, на принятие нужных решений. И ЦРУ не жалеет сил и средств для внедрения своих людей в окружение российских политиков. Ладно, сейчас, ты считаешь, никаких секретов не осталось. Но ситуация может перемениться, и к власти в России придут по-другому ориентированные деятели. Вот тогда и пригодятся наёмные кадры, которых никто и никогда не заподозрит. А чтобы они не сорвались с крючка, ваша Сибилла обеспечит поступление

компромата, который нельзя проигнорировать. Французы говорят: «Секрет, который не добудет женщина, не добудет никто!» Но Сибилла не просто добывает секреты. Она – виртуоз провокаций, сексуальная террористка. И жертвы её становятся агентами бесплатно, лишь бы их грешки не выплыли на свет. Они закабаляются на всю жизнь, потому что даже через много лет может рвануть информационная бомба, которая погубит карьеру и жизнь. Если так можно выразиться, Сибилла обвязывает тонкой верёвкой половой член жертвы, и после в любой момент её с помощью этой верёвочки можно принудить к измене, к убийству, к любому омерзительному действию. Особа эта – бездушная машина, и не распускай слюни, заблуждаясь относительно её чувств. Марк сказал, что первоначально она проходила под кличкой «Сирена», потому что заманивала простодушных мужчин к смертоносным рифам у острова...

Говешев перевёл дух, подождал, скажет ли Артур что-нибудь. Но пасынок сидел тихо и не шевелился.

– Ты вот что... Никому не передавай мои слова. Даже Лёвке не говори, пусть его отец вразумляет. Кстати, Сибилла была в этой квартире?

– Нет.

Артур отвечал теперь односложно и думал,

под каким предлогом отказаться от ставших уже привычными встреч с дочерью шведского дипломата. Удобнее всего будет сослаться на Марину, на её истерики, на неприятности по службе, ещё на какую-нибудь лабуду. Эх, жаль, конечно, что не покувыркаться больше с ней в постели, предварительно перепробовав секс в других, менее приспособленных местах шестикомнатной квартиры, куда Сибиλλα приглашала их с Лёвкой на чашку кофе! Ни о чём секретном она не спрашивала, о политике ни слова не говорила. Смешно выглядели бы такие беседы в атмосфере томной эротики при красноватом свете старинного торшера.

– Мы всегда собирались на Тверской...

– Значит, аппаратуры здесь нет? Никаких авторучек, диктофонов, заколок, игрушек она тебе не дарила?

Альберт Александрович то и дело вытирал носовым платком вспотевшее лицо. После весенних холодов тепло пришло в Москву внезапно, в понедельник, сразу после референдума. И теперь оставшийся во дворах и канавах снег испарялся под солнечными лучами, не оставляя даже лужиц.

– Мы ей делали подарки, а не она нам. Как и полагается в приличном обществе.

Артуру, в отличие от отчима, было зябко, и он подумал, что нужно одеться. Неплохо бы и душ

принять после ухода гостя. Только вот когда он уйдёт?..

– Вы попались в лапы непревзойдённого манипулятора и опытного сборщика информации. Сюда она не приезжала. А зачем? У неё на Тверской всё нашпиговано скрытыми камерами. И вы с Райниковым давно засняты в самых постыдных позах, какие только можно вообразить. Больше с вас пока ничего взять нельзя, но материал для шантажа уже имеется. Компромат готов! Теперь тебе нелегко будет с ней порвать, если она не захочет этого сама. Моли Бога, чтобы пронесло, и впредь будь осторожнее. Но даже если сейчас удастся выскочить, ты запрягся на всю жизнь. В любой момент Сибилла снова может всплыть на твоём горизонте и завести свою сладкую песнь. А если ты попробуешь взбрыкнуть, она покажет тебе эти снимки и попросит быть благоразумнее. Да, пока ты молод, и это обстоятельство играет в твою пользу. Чем старше человек становится, тем труднее ему оправдывать свои слабости. Надеюсь, что она займётся Лёвкой, чтобы на правах его законной супруги иметь доступ к тайнам московской кухни, ни у кого не вызывая подозрений. Ежесекундно Сибилла готова заарканить лицо, чем-то интересное её руководству. Какому-нибудь почтенному военному атташе трудно будет объяснить появление постыдных

снимков собственной молодостью и глупостью. И тогда у него останется два пути – или работать на них, или кончать самоубийством. Если бы ты знал, сколько жертв на счету этой двадцатисемилетней ведьмы! Впрочем, мало людей на свете, знающих это наверняка. Но сама она должна помнить...

Говешев с нарастающей тревогой смотрел на безмолвного Артура, не понимая, как вести себя дальше. Затишье могло оказаться обманчивым. Как правило, вслед за таким вот оцепенением Артур впадал в бешенство. Вот и сейчас его тёмно-карие большие глаза стали зеркально поблёскивать, а ноздри – раздуваться.

– Что, не веришь? – в упор спросил отчим. – Тогда узнай у Марка Райникова по приезду. Примерно через месяц он будет здесь.

– Я верю. – Артур говорил тихо, почти шёпотом, чувствуя, как дёргается левая бровь. – Пусть будет так, как вы говорите. Даже если это всё ложь, то ради спокойствия отца, да и мамы тоже, я порву отношения с Сибиллой. На наш сегодняшний разговор ссылаться не стану, вашего имени не назову. А Левка пусть сам решает. Я в его дела не впишусь. – Смуглое лицо Артура показалось отчиму неживым, как в фильмах про призраков и вампиров. – А теперь идите, Альберт Александрович. Вы устали, вас мать дома ждёт. Вы исполнили свой долг перед ней и заслужили

несколько дней отдыха.

Артур поднялся с тахты, давая тем самым понять, что аудиенция окончена. Отчим с трудом, вцепившись в подлокотники, встал с кресла, застегнул пояс на своём бесподобном плаще и щёлкнул пряжкой.

Плотнее заворачиваясь в короткий купальный халат цвета морской волны, Артур думал, что сейчас явится Марина с тещей и ребёнком. Лучше поспешить, чтобы успеть забраться в ванну и подольше не вылезать. И там, в горько-солёной, остро пахнувшей хвоей воде, покуривая, можно будет обдумать услышанное. Вряд ли отчим сам всё это сочинил, да ещё приехал просто так. Значит, получил сигнал и среагировал...

– Тогда всего тебе доброго! – неожиданно мягко, примирительно попрощался Говешев, направляясь к двери. – Ты уж поверь, что я меньше всего на свете хочу встречать в твои амурные дела. И сейчас не сразу согласился – Нора долго меня упрашивала. Пока не получил доказательств и не понял, что это действительно серьёзно, всё откладывал визит. Да и времени перед референдумом практически не было. Но сегодня, накануне майских праздников, решил груз с души снять, чтобы нормально на дачу съездить. Если надумаешь, загляни – хоть один, хоть с семьёй. Кроме нас с мамой и Нолика будет ещё человека

четыре – и всё. Но я ведь зря разоряюсь? – Говешев остановился около огромного, во всю стену, зеркала. – Ты же не приедешь...

– Не приеду, – согласился Артур. – А Маринка сама решит.

– Всё-таки внука-то бабушке покажите, – так же проникновенно попросил Альберт Александрович и посторонился, давая пройти Артуру.

Тот открыл два замка и распахнул металлическую дверь.

– Не пей, не кури столько. Рано тебе ещё. – И Говешев, радуясь, что всё обошлось без скандала, вызвал лифт.

Артур, не дожидаясь, когда кабина поднимется на этаж, захлопнул дверь и сразу же отправился купаться. Он боялся, что не сдержит себя, нырнёт в угловую чёрную ванну, сделанную под мрамор, скроется в пене и воде и никогда уже не вынырнет...

Он снова смотрел на Лёвку, видел его седину, его опущенные плечи, его испуганные, растерянные глаза. В автомагазине кроме них были ещё покупатели – супружеская пара, выбирающая стеклоочистители и скребок для льда. Несмотря на то, что никакого льда в начале января и в помине не было, а, напротив, на ветвях проклёвывались

листья, а на пнях росли грибы, мадам уверяла, что морозы ещё пожалуют. Её забитый муж топтался у прилавка, подавая жене разноцветные скребки и бескаркасные «дворники».

Артур, обслуживая их с ловкостью заправского приказчика, думал о том, что Лёвка, вероятно, всё же влип из-за Сибиллы, причём по-крупному. Скорее всего, его шантажируют, требуя оказать услугу иностранному государству, и он хочет попросить совета. Только вот вопрос – неужели у него нет никого, кто бы мог разобраться в ситуации получше рабочего с заправки? И почему такие меры предосторожности? Он же не на Лубянку прибыл, а на колонку – здесь-то кого опасаться?

Как говорится, типичный случай – бензин в баке кончился; с кем не бывает? Всё-таки Лёвка сдал, и выглядит ему полный «полтинник», а ведь в конце января будет только тридцать восемь. Конечно, и сам Тураев не может похвастаться молоджавостью. Так ведь и судьбы их сложились по-разному. Лёвка не сидел в тюрьме и в колонии, не работал на заправке, не жил в общежитии с алкоголиками и тараканами, а выглядит практически так же плачевно. Загар, вставные зубы, джип и прикид – не в счёт. У Артура тоже есть «Гелендваген», и комбинезон к телу не приклеен. Солярий же с дантистом ему и вовсе не нужны –

кожа от рождения тёмная, а зубы, наоборот, белые, и целы все...

– Ты щётки, щётки посмотри ещё! Вон – «Контакт»! – затараторила покупательница.

Артура она уже начала раздражать – уходило драгоценное время, так нужное им сейчас. И кто может поручиться, что после этих посетителей не явятся такие же и не отвлекут ещё на полчаса? Надо было в кофейню пойти, но там не поговорить без свидетелей. В кабинете хозяйки было бы скрыться лучше всего, но ведь она может в любой момент вернуться и вытурить их оттуда. Лёвку Ольга вообще не знает, и Артуру такие вольности выйдут боком...

– Кисонька, мы щётки в другой раз купим – денег в обрез. А пока и старые сгодятся. Пошли, мы опаздываем. А вдруг пробка на въезде?

– А зачем «дворники» без щёток покупать? Всё у тебя через задницу! – проворчала мадам, и в самом деле похожая на кошку.

Но всё-таки она направилась к двери, прихватив пакеты с покупками. Их поджидал «Форд» алюминиевого цвета, заправленный и отмытый Альгисом.

– Наконец-то! – выдохнул Лёвка, хватая Артура за плечо. – Столько тебе сказать нужно, а с чего начать, не знаю. Нора Мансуровна объяснила, где тебя можно найти, когда ты дежуришь...

– Мне пришлось дежурить практически круглосуточно после Нового года, но это наши проблемы. Значит, специально меня искал? – Артур опять ощутил ту самую нежную теплоту в сердце. – Вы с Сибиллой ещё вместе? Как я понял – да.

Тураев улыбался, вспоминая голубое, сильно декольтированное платье «в пол», такие же лазоревые глаза, золотые локоны, разбросанные по точёным плечам, запах «Шанели» и три нитки натурального жемчуга, убегające по груди в ложбинку.

– Прости моё любопытство – всё-таки я был у вас свидетелем...

– Это не я тебя, а ты меня должен прощать! Вернее, пардон, ты вообще ничего мне не должен.

Райников сжал кулаки на остеклённом прилавке. Артур с улыбкой наблюдал за ним.

– Ты уступил мне Сибиллу, отошёл в сторону, хотя имел все шансы. После октябрьских событий Маринка всё равно сбежала бы, а Сибилла – совсем другой человек. Но я-то, я-то каков урод... Молчи, я хочу всё объяснить! Благодаря тебе я стал мужем Сибиллы, а ты был свидетелем с моей стороны. Стоял рядом, как верный страж... А я, получается, скурвился, бросил тебя в беде – безработного, оплёванного! И после не появился, даже когда всё закончилось. Избегал встреч тринадцать лет, пока самого жареный петух не клюнул. Так мне и надо!

Поделом! Но я уже объяснил, почему не хотел, чтобы вы встречались. Только лишь от ревности, от боязни лишиться Сибиллы! Да, мы до сих пор вместе. Двух дочерей имеем. Берта и Агата отличные девчонки!

Лёвка поспешно достал из портмоне глянцевого снимок, передал Артуру. На лесной тропе, судя по всему, в Швеции, под одним полосатым зонтиком пряталось от летнего дождя целое семейство. Лёвка и Сибилла, в легчайших светлых курточках и в джинсах, с мокрыми волосами и лицами, придерживали за плечи двух девочек.

Старшая, с перекинутыми на грудь каштановыми косичками, была одета в розовую курточку с капюшоном и такие же резиновые сапожки. Младшая, с густой соломенной чёлкой, сверкала жёлтым, с сиреневыми манжетами, дождевиком; сапожки тоже были подобраны в тон. Сапоги Сибиллы украшали цветы и травы, и Артуру почудилось, что он ощущает их манящий аромат. Только Лёвка был в обычных, чёрных, к которым они привыкли в России.

– Завидую тебе! – искренне выдохнул Тураев, возвращая снимок.

– Может, и живьём их увидишь, если захочешь! – Лёвка убрал фотографию в портмоне, пристроил его у сердца. – А Сибилла всё такая же,

как прежде. Даже, вроде, помолодела. Ей сорок, а выглядит от силы двадцать пять. Оно и понятно – шоколадный и водорослевый массажи, подтяжки лица. Липосакцию, правда, не делала – она совсем не полнеет.

– А ведь у неё ещё сын есть, кажется!

Артур знал, что да, есть старший сын, но решил не демонстрировать свою осведомлённость.

– Да, Стефан...

По Лёвкиному лицу будто скользнула тень. Тураев заметил, что мимо магазинного окна пролетел голубь и спланировал на парковку у кафе.

– Смею надеяться, что он тоже считает меня своим отцом. Впрочем, у него не поймёшь. С ним, сам понимаешь, всё не так просто, как с девчонками. Пятнадцать лет – сложный возраст у любого ребёнка, а у такого – тем более... Да, для чего я тебя искал-то! – Райников ещё раз убедился, что они одни, и даже около магазина никого нет. – Мне юрист нужен срочно.

– Так ты не по адресу приехал, – пожал плечами Тураев. – Я давно уже не юрист, а заправщик. Не только в спорте нужны постоянные тренировки, чтобы форму не потерять. В любой профессии так – чуть зазевался, и привет. Коллеги далеко вперёд ушагали...

– Хватит! – громче, чем обычно, перебил Райников. – Ты был юристом и останешься им

всегда. Кроме того, работал на Петровке, в суде. Без тебя нипочём не разобраться!

Райников снова занервничал, почувствовав, что Артур не хочет грузить себя его делами.

– Добавь ещё, что я пять лет отсидел – вообще полный кайф получится! – подзадорил его Артур. – У меня другой вопрос – неужели ты, перспективный господин с широкими связями, не можешь найти грамотного юриста? По-моему, консультаций настряпали столько же, сколько заправок. И частнопрактикующих тоже достаточно. Я тебе несколько адресов дам...

– Не нужно! – опять прервал его Райников. – Кроме тебя я ни к кому не могу с этим обратиться. Здесь требуется не только грамотный, но и совершенно надёжный специалист. Такой, на которого я могу всецело положиться, которому верю!

– Значит, всё-таки веришь? – удивился Артур. – Да неужели?!

– Засохни ты! – взвился Лёвка и чуть не выскочил из магазина. Но тотчас же, по дипломатической привычке, овладел собой. – Сколько лет прошло! Надо и меня понять. Будто бы тебе одному тяжело!..

– А кому сейчас легко? – скроил простоватую физиономию Тураев, в последний раз прикидывая, стоит выслушать давнего друга или лучше сразу от

него отделаться. – Я прекрасно тебя понимаю, – продолжал он, успокаивающе похлопывая Райникова по спине. – У вас с Сибиллой свадьба – лимузины, фата, флёр д'оранж, платье со шлейфом, торт величиной с колесо самосвала. А рядом – танки, пожары, стрельба, аресты, трупы! Такой день вам изгадили! По Москве было не проехать, не сфоткаться, где положено. А тут ещё в свидетелях оказался сын государственного преступника! Не позавидуешь тебе, старик. Извини уж...

– Хватит, Артур, базззззз! – Райников вне службы выразался всегда просто и чётко. – Не хочешь понять и простить – так и скажи. Твоё право, чего уж там. Только знал бы ты, как мне тошно было!..

– Ладно, прощаю! – устало подвёл итог Тураев.

Он понимал, что проклянёт сам себя, если сейчас бросит Лёвку в беде. К тому же тот, скорее всего, действительно боялся их с Сибиллой любви. Иначе нашёлся бы гораздо раньше. Чай, не тридцать седьмой год – с поверженными врагами тогда обошлись довольно милостиво.

– Говори, что стряслось. Только короче – дел ещё по горло...

– Короче не получится...

Райников собирался с духом ещё минут десять, пока Артур продавал подошедшим

покупателям огнетушитель, канистру моторного масла и силиконовую смазку. Потом влетел ещё один встрёпанный мужик. Ему потребовалось срочно заменить колесо, и он же приобрёл антибуксовочные траки. В дальнем углу были навалены одна на другую пять зимних шипованных шин, а на них красовались знаки с буквой «Ш» внутри красно-белого треугольника. Оттуда и достали нужную камеру для клиента.

Когда Артур освободился, Райников заговорил быстро, глотая слова; он будто боялся не успеть добраться до самого главного. Лев уже понял, что Артур выслушает его и даст совет. Ослепительно-белые лампы тихонько потрескивали под потолком, а на оконные стёкла вдруг налетел ветер с дождём. Капли поползли вниз, оставляя извилистые блестящие дорожки, и на внешнем подоконнике быстро скопилось внушительное озеро. На улице стало смеркаться, и Артур подумал, что сегодня они уже точно не увидят солнце.

– Я в Шанхае работал до последнего времени, в консульстве. Месяц назад получил предписание вернуться в Москву. Сибиллу с девочками отправил ещё раньше, к началу учебного года, чтобы не срывать на середине. А Стефан учится в Москве давно, после того, как его из английского колледжа выгнали. За что – потом скажу, если успею. К нынешнему делу это не относится, хотя достаточно

полно характеризует моего приёмного сына. Сибилла, правда, детей оставила на экономку и гувернантку, а сама в Кению укатила. Она пишет книгу по своей специальности, ей нужен материал. Я уже к этому привык – всё равно ничего не изменишь. Год назад она вообще в Афганистан отправилась – на границу с Пакистаном. Это – одно из самых глухих и опасных мест. Вернулась, слава Богу. Ну, а я решил съездить на Филиппины – к хилеру, к доктору Алексу Орбито. Он живёт в Кэсоне. Надо было удалить жировики на шее и спине. Интересно ведь узнать, как это у них делается! Захотелось понять сам принцип работы этих врачей. И там я совершенно неожиданно встретил соученика по МГИМО Славика Вороновича. Оказывается, он давно уже оставил дипломатическое поприще и влился в состав крутой ОПГ – проще говоря, банды. Славка пережил несколько покушений и уже в который раз приехал по-быстрому вытащить пулю...

– Стоп! – Артур поднял указательный палец. – Как говаривал один великий сыщик: «С этого момента прошу говорить, не упуская ни одной мелочи!» Не ручаюсь за точность цитаты, но смысл именно такой. У нас мало времени, так что прости, если буду перебивать и уточнять. Во-первых, что за банда? Этот твой Воронович прямо-таки по-детски откровенен, если вообще заговорил о таком с

приличным человеком. Или я отстал от жизни, и теперь членство в организованной преступной группировке считается достоинством, а не недостатком?

Артур выключил свой мобильник, который сегодня, к счастью, практически его не тревожил. Мать и Ирина знали, что Тураеву пришлось выйти на четвёртую подряд смену и потому по пустякам не беспокоили. Друзей почти не осталось, и Артур был рад этому. А с тех пор, как младший сводный братишка Нолик уехал к жене в Финляндию, «труба» Артура стала звонить раза в три реже. Арнольд не мог прожить и дня, чтобы не перекинуться со старшим братом хотя бы парой фраз.

Появлялись иногда и бывшие коллеги, супруги Грушины – Олег с Маргаритой. Последний раз нашлись перед Новым годом, поздравили, пригласили в гости. Но предупредили, чтобы Артур приехал ближе ко дню рождения Олега, а сейчас они улетаю́т на Азорские острова.

– А ты-то сам не бандит, часом?..

– Да перестань! Лёвка сунул смартфон во внутренний карман пальто. – Разные же ситуации бывают. Банда эта очень серьёзная, с «красной» крышей. Центр в Москве, а щупальца по всему бывшему Союзу тянутся и дальше за границу уходят. Но особенно – Дальний Восток, азиатский

наркотрафик, нефтеперегонные заводы, рыбный бизнес и многое другое. Смотрящий там – некто Дмитрий Серебровский по кличке Аргент, он же Князь Серебряный. Личность поистине жуткая. У Вороновича, когда он просто это имя называл, пот ручьями тёк по лицу. Аргент этот очень влиятелен, главным образом через милицейских генералов, которым щедро платит. Не забывает и прокурорских, и судейских, и чекистов. Опасен не только как зверь-пахан, но и как сумасшедший ревнивец. Славка верой и правдой служил ему несколько лет, даже мысленно не предавал. А Аргент к нему приревновал свою молодую любовницу. Да какой самоубийца на такое отважится?! Другую такую «тёлку» найти – не проблема, они все одинаковые. Короче, Аргент элементарно набил Славке морду, из-за чего опять пришлось ехать к хилерам и ставить челюсть на место. И хотя Аргент позже признал свою ошибку, Славка не мог ему простить незаслуженного унижения. Ведь в любой момент всё могло повториться, причём в куда более худшем варианте. И Славка решил собрать досье на банду...

– Погоди-ка! Я сейчас вернусь.

Артур запер Райникова в магазине, вышел к Альгису, который как раз трепался с механиком Виталием – длинным, белобрысым, очень унылым и в такой же степени работающим. Кажется, они

были земляки, и на самом деле механика звали Витаутас.

Цепким взглядом профессионала Артур ещё раз изучил заправку, пытаюсь понять, всё ли тут чисто. В данный момент у колонок не было ни одной «тачки». К вечеру народ угомонился и расползся по кабакам, дачам и квартирам. Заправка стояла практически в поле, и поэтому окрестности просматривались до далёкого леса.

– Ну что, мужики, всё пока нормально?

– Да Бог милует, – как всегда немного врастяжку отозвался Альгис. – Только сейчас кофе выпить сподобился. Сразу три чашки, а то с ног валяюсь. Стоя сплю, как лошадь...

– Потерпи, недолго осталось. – Артур взял Виталя за лямку комбинезона. – У тебя яма сейчас свободна?

– Да. Недавно «Фольксваген-Пассат» отпустил. Долго повозиться пришлось... А что? – Механик тщательно вытирал пальцы промасленной ветошью. – Работу нам нашёл или как?

– Вы «мерина» вон того поставьте на яму. Покопайтесь там, посмотрите, нет ли каких поломок. И не торопитесь, наоборот, каждый винтик обследуйте. Хозяин заплатит – он жадничает. Сделаешь?

– Да конечно, чего там! – пожал плечами Виталий. – Пусть только сам джипяру на яму

загонит, чтобы потом претензий не было.

Райников покинул магазинчик очень кстати, потому что как раз ввалился Ольгин поставщик, завернувший на заправку случайно, по пути на собственную виллу. Узнав, что Ольги давно нет на этой точке, поставщик опечалился. Он хотел выяснить, какой товар для магазинчика нужно завозить после новогодних каникул, а тут ни Ольги Васильевны, ни Матвея. Остальные решить вопрос не могли.

– Она больше трёх часов назад сорвалась. Как я понял, возникли проблемы в Петелино. Наверное, ещё не управилась до сих пор. Может, Юрьичу что-то скинула на «трубу»; у меня-то всё тихо. Вы с ним поговорите, если срочно нужно ассортимент проверить. Или самой хозяйке позвоните...

– Да ладно, чего ж, раз так?.. – проворчал жирный усатый дядька.

Он обдал Тураева запахом сицилийского мандарина – из-под куртки. К аромату примешалось и амбре из нескольких сортов спиртного. В таком виде не каждый мог позволить себе рассекать по области, и поставщик расхохотался, заметив удивление Артура.

– Да ты чего?! Я ж с машиной!

Он указал пальцем на свой джип «Гранд-Чероки», красующийся около надувной фигуры Деда Мороза. На это место Ольга

Васильевна хотела поместить Свинью – символ наступившего года, но потом передумала, так как щадила чувства любимого Артурчика и клиентов-мусульман.

Поставщик всё-таки заглянул в магазинчик, обследовал витрины и подсобку. Артуру почему-то показалось, что жирный хмырь не товар здесь проверяет, а ищет кого-то. Вполне может быть, что и Льва Райникова. Записав что-то в книжечку, поставщик направился на выход.

– Ну, счастливо, я поехал. С Ольгой пересечёшься, напомни, что жду звонка. – И туша поставщика заставила джип сильно накрениться вправо.

За рулём действительно сидел водитель, полная противоположность хозяину – сухой, как прошлогодний хворост, неопределённого возраста. Артур видел его несколько раз, но никогда этот герой фильма ужасов даже не раскрыл рта.

Когда Райников вернулся к прилавку, Тураев смотрел на него совсем другими глазами. От жёсткого, пронзительного, леденящего кровь взгляда давнего своего дружка Лев даже вздрогнул. Тураев перегнулся к нему через коробки с антифризом, одновременно опуская жалюзи на окнах.

– Похоже, ты действительно имеешь основания опасаться за свою жизнь.

Артур заметил, как побледнел Лёвка, и в душе выругал себя за несдержанность.

– Только одно не понимаю – ты здесь причём? Воронович решил слить босса – без вопросов. Собрал досье – ладушки. Не знаю только, произведёт ли оно впечатление на правоохранительные органы, если у Аргента «красная» крыша. Кстати, я в зоне что-то про него слышал, и внутренне содрогнулся. Некоторые его ребята в «побег с коровой» ходили – то есть были каннибалами. И, кстати, быстренько попали под амнистию, а всякая мелкота отбывала срока до упора. Остаётся только надеяться на «драку бульдогов» под ковром, в процессе которой одна группировка силовиков будет всеми способами жрать другую. Твоя роль в этой пьесе какая?

– Понимаешь, досье уже собрано, причём хранится не в одном месте...

– Правильно, – одобрил Артур. – Не все яйца в одну корзину!

– Воронович сказал, что материал сырой, не обработанный. И потому нужен юрист, чтобы разобраться, какой кусок досье важен, а какой – нет. Ты правила игры знаешь и поэтому поймёшь, есть ли у материалов перспектива. Воронович мне главное обрисовал, чтобы я потом передал юристу... тебе то есть... Короче, набросал картину. События начали развиваться таким образом, что у

Славки не осталось выбора. Или он хотя бы пытается барахтаться, противостоять произволу, или тупо гибнет, как скот на бойне. Конец, в сущности, один, но всё-таки нужно попробовать. А вдруг проканает?

– Говори, – коротко бросил Артур и весь обратился в слух.

– Аргент всё-таки утратил прежнее расположение к Славке. Умных и образованных всегда не любят, даже если на каком-то этапе они нужны начальству. От них постоянно ждут подвоха, каверзы, предательства. То ли сам Аргент дотюмкал, то ли нашептали ему другие искатели милостей, что Воронович сошёлся с Юлианой, молодой супругой пахана. Якобы в планах у парочки было устроить Аргенту «несчастный случай», пожениться и сообща рулить его империей. Разумеется, «смотрящий» решил сыграть на опережение. Он послал Славке «чёрную метку». Два месяца назад неизвестные злоумышленники обчистили его дом под Владивостоком. Вскрыли все сейфы, похитили массу ценных вещей, демонстративно нагадили на шикарные восточные ковры, развели в столовой костёр... Короче, местная шушера так резвиться на охраняемой территории, да ещё в доме уважаемого человека поостереглась бы. Всё-таки не «скворечник» на

шести сотках, а вилла в три этажа! И в ту же ночь умерла Юлиана. Это случилось в Арабских Эмиратах, когда супруги спустились под воды Персидского залива на частной субмарине «Протеус». Её Аргент использовал, как правило, для проведения секретных переговоров. На сей раз «подводный автобус», как называют эту лодку, принимал «крутую» вечеринку – как раз по случаю венчания Аргента с Юлианой. И восемнадцатилетняя девчонка внезапно потеряла сознание! Внешне это выглядело невинно – якобы по состоянию здоровья Юлиане нельзя было погружаться. Молодёжь-то гнилая теперь пошла... Но когда в эту же ночь происходит разгром ранее неприкосновенного дома Вороновича, где убивают всю попавшуюся под руку живность, а сторожа сажают голым задом на ледяное железо, а руку приковывают к перилам крыльца... В рот бедолаге засунули его же трусы, чтобы не кричал. Он ведь умер вскоре – почки отказали. Так вот, совпадение маловероятно. Юлиана скончалась через час после того, как потеряла сознание. И если до этого Славка собирал досье чисто на всякий случай, то тут решил пойти ва-банк. У него были сообщники – из тех, кто сбежал от Аргента в разное время и теперь вынужден был скрываться. Не все, но многие из них согласились принять участие в травле этого бешеного волка.

Славка сказал, что характер у босса мощнейший, огневой. Никого не пожалеет, как лесной пожар при суховее; всё обратит в пепел. Да ещё эта «крыша»... Благодаря ней Аргент не только за Уралом, но и в Москве очень уверенно себя чувствует. Скорее всего, босс хотел, чтобы Славка покончил с собой. Или сбежал подальше, затараканился и молчал обо всём, что знает. Раньше Славка, наверное, не полез бы на рожон. Но Аргент откуда-то выкопал про досье и устроил показательную расправу. Служба безопасности у него работает, как швейцарские часы. Возможно, развязали язык кому-то из посвящённых. Славке стало нечего терять, и он, схватив хранившиеся в надёжном месте дискеты, выехал на Филиппины. У него уже были готовы документы на другое имя. И тут мы встретились у хилеров. Повторяю – совершенно случайно! Воронович мне честно сказал, что сильно подставился. И жить ему, похоже, осталось недолго. Но чтобы не так обидно было умирать в тридцать восемь лет, он должен передать досье на Аргента и его «крышу» по назначению, на самый верх. Куда именно – это тоже должен знать юрист. Мы сидели в куче ожидающих приёма доктора Орбито. Люди пели католические псалмы, а мы потихоньку разговаривали. Вряд ли кто-то мог нас там подслушать. Славка передал мне дискеты и сказал,

что там есть сведения о людях, которые остальные части досье держат у себя. Все они живут сейчас в Москве и Подмоскowie, и только один – в Питере. Дискеты ни при каких обстоятельствах не должны попасть не только в руки самого Аргента, но и в милицию, потому что она крышует банду. Примерно на уровне начальника Управления или что-то в таком роде...

– Ну и вляпался ты, Лев Маркович! – присвистнул Тураев. – И что хочешь делать? Меня утащить в это дерьмо? Мало мне других заморочек? У меня всё-таки родители живы, дети есть. Да и вообще я и сам пока жить хочу!

– А я не хочу, что ли? – огрызнулся Лёвка, поёживаясь от внезапно ворвавшегося в магазин сквозняка. Жалюзи тихонько зазвенели. – Но я не мог сказать ему: «Пошёл вон!» Не мог, понимаешь? Какое право имею я с одной стороны отмахиваться от таких вот ситуаций, якобы это не моё дело, а с другой – верещать по поводу преступности и безнаказанности? Если не я, то кто? Если не ты, то кто? Глупо, конечно, это звучит, как-то по-пионерски, но надо же начинать с чего-то! Если одна «красная крыша» спалится, то другие высокопоставленные силовики сто раз подумают, прежде чем свяжутся с бандитами. К сожалению, я не обладаю нужными знаниями, а то сам взялся бы за анализ этих материалов. Кроме того, мы с тобой

давно не встречались. А потому служба безопасности Аргента и крышующие их менты на тебя даже не подумают. А меня, похоже, уже вычислили. И весь вопрос в том, успею ли я избавиться от дискет в ближайшее время...

– А Воронович где сейчас? Ты не в курсе?

Тураев тяжело вздохнул. Часы отсчитывали последние секунды – когда он ещё мог оказаться; и потому нужно было срочно сжечь за собой мосты. Возможность выбора не должна была соблазнять его и мешать действовать.

– Вот я всё и смотрю на смартфон, жду условную фразу. Мы договорились, что, если Славка почувствует себя в безопасности хоть на короткое время, то обязательно пошлёт мне сигнал. Ведь уже две недели прошло с того времени, как мы расстались, – и ничего. Я уже ко всему готов. Перестал бояться – и за него, и за себя. Лишь бы знать, что жертвы не напрасны, и досье пошло по инстанциям...

– Ну чего тебе, блин, не хватало? – тяжело вздохнул Тураев.

Он понимал, что и после всех своих невзгод не сможет отказать Лёвке и взвалит на плечи новый груз – тяжелее всех прежних.

– Твоя мать рассказывала моей, какие вина ты пил и какие кушанья ел. Один Нобелевский банкет, куда тебя привела Сибилла, чего стоил! «Шато

Линч Баж» и «Лафит Ротшильд», салат из цитрусовых с лепестками роз и филе морского чёрта под анисовым соусом! Зажрался ты, корефан, и потянуло тебя на сопливую романтику. Твой Воронович сам в дерьмо влез, сам теперь пусть из него выныривает! Никто его насильно бандитом не делал. Он ведь, как и ты, МГИМО закончил и мог бы вполне легально в роскоши купаться. А Великий пост всегда после Масленицы приходит, он разве не знал? Обидели мальчика, пятак начистили? Чёрную метку послали? Небось, когда влезал в бандитские тёрки, ни о чём не думал и советов не просил? И продолжал бы жить, как прежде, не пни его Аргент под зад! Но теперь не о нём речь. Мне плевать, что будет с твоим Вороновичем. Грохнут – туда ему и дорога, курве! Но я менжеваться кончаю – не могу тебя просто так прогнать. Встретились после долгой разлуки – и снова разбежимся, ненавидя друг друга? Нет, я не могу забыть всё, что ты тут наговорил. И не бывало ещё такого, чтобы я ослабил – всегда понтоватым был. Пять лет из жизни не вычеркнуть, Лёвка. Извини меня за «феню» – сейчас душа просит.

– Артур, я тебя умоляю... Посмотри хотя бы материал, прикинь, что из него можно выжать. Я ведь тоже не лопушок какой-то, все эти дни специально по Москве и области колесил. Чтобы, если «хвост» есть, сбить со следа. Ведь дипломаты

– все немножко шпионы, как ты знаешь. Я завернул к твоей матери, но в тот же день нанёс ещё несколько коротких визитов столичным друзьям. Тем, кто меня ведёт, трудно определить, какой именно визит был основным, а какие – отвлекающими.

– Это правильно, – одобрил Тураев. – Только особенно не увлекайся. Сейчас домой поедешь?

– Наверное, заскочу ещё к одному приятелю. А потом – домой. Дочкам и матери обещал пораньше вернуться. Нору Мансуровну предупредил, чтобы, в случае чего, объяснила мой к ней визит желанием выразить соболезнования по случаю кончины Альберта Александровича. А насчёт наших с тобой отношений она начнёт всем жаловаться, что ты меня не простил, и мы не хотим видеться. Пусть все так и думают – нам спокойнее будет...

– Да, мать сильно сдала, когда овдовела. – Артур словно только что осознал, каково было Норе все эти месяцы. – Очень горевала. Всегда выглядела великолепно, будто бы и не старела. А теперь прожитые годы будто бы враз проступили на лице.

– Я заметил. Всё это ужасно. Когда мой отец в девяносто третьем году скончался от анафилактического шока, прямо накануне возвращения в Москву, мать тоже лет на десять

постарела. И поседела сплошь... Он нервничал из-за меня и Сибиллы. У него поднялось давление. И обычный, в общем-то, укол свёл его в могилу. А я, сукин кот, тогда особенно и не расстроился. Ведь отец был против нашего с Сибиллой знакомства, не говоря уже о браке. Первая мысль была: «Всё! Мы женимся!»

– Юнцы всегда жестоки, – согласился Артур. – Думают, что вечно будут красивыми, сильными и здоровыми. Мне сейчас даже перед отчимом неудобно. Мог бы и помягче с ним быть. Он ведь нас с матерью из общаги вытащил, и в моих проблемах частенько разбирался. Просил за меня, хоть потом и ворчал. Теперь вот мои собственные дети считают меня ископаемым, потому что мне не понять их продвинутую электронную жизнь. Да ещё посмотрели бы на меня сейчас – вовсе со стыдухи померли бы! И не поверили, что я когда-то на Краснопресненской набережной ногой дверь открывал. Ладно, давай твои дискеты, глянем, что к чему. Дабы отследить все твои контакты, да ещё вычленив визит к моей матери, действительно нужно истратить много сил и времени. Понадеемся, что мы успеем справиться раньше. Да, кстати... Сибилла знает о дискетах?

– Нет. Я же говорю – она в Африке. Связаться практически невозможно, пока она сама не пожелает. Мы прожили в браке больше тринадцати

лет, но я совершенно не представляю, чем она на самом деле занимается. Моя супруга – терра инкогнита, вещь в себе. Спрашивать её о чём-то бесполезно, пока она сама не надумает поболтать и поделиться впечатлениями от поездки. Вполне вероятно, что она сейчас и не в Кении, но доказать это не могу. И не хочу, честно говоря. У нас двое общих детей, и я точно знаю, что это – мои дети. Признаюсь, что я негласно проводил экспертизу... Чтобы быть уверенным, отбросить всяческие подозрения. И мама знает, что девчонки – её родные внучки! Она ведь невестку не любит, и потому постоянно сомневалась. Возможно, захотела бы развести нас в случае появления огорчительных результатов. Нет, не удалось. Сибилла обещала только от меня рожать, пока мы супруги, и не обманула. Но в душу к себе она не пускает никого. Шутит, что у неё там слишком холодно и мрачно, и это мало кому может доставить удовольствие. Её скрытность нервирует меня чрезвычайно, да и мама постоянно подливает масла в огонь. Но, в то же время, я понимаю, что не могу жить без неё, и боюсь даже подумать о разводе. Разумеется, моё мнение для Сибиллы – ноль. Она делает только то, что хочет сама. Или то, чего требует от неё неведомое мне руководство. Могу только догадываться, где оно находится. Возможно, я ошибаюсь, но к нашему с тобой делу

это не имеет никакого отношения. Представь себе, она ведь так и не ответила на вопрос о происхождении Стефана! Работала в ту пору на Ближнем Востоке, что и по наружности парня видно. И это – всё. Сибилла – не женщина, а кремень. И Стефан в неё пошёл. Я только могу предположить, что вся эта история позорная или страшная. Сибилла то ли стала жертвой насилия, о чём не хочет вспоминать, то ли вынуждена была совершить какой-то непростительный грех. Убийство, например, или предательство. Возможно, правда о тех днях способна бросить тень на Сибиллу, повредить её имиджу. Не знаю! Уже устал домогаться и бросил. Со Стефаном становится всё труднее общаться...

– Ему пятнадцать? – Тураев между делом взял у Райникова пакет с дискетами и сунул в нагрудный карман комбинезона.

– Да. Но мне всё время кажется, что он гораздо старше – ведь так много вместилось в эти годы! Кстати, выходки моего пасынка – не обычная глупая подростковая фронда, которая потом исчезает, как угри с лица. Он, понимаешь ли, не такой, как другие, и никогда не станет обычным. Иногда создаётся впечатление, что Стефан прилетел из космоса и в любой момент может там же исчезнуть. Поэтому я и пытался разговорить Сибиллу – ведь наследственность много значит в

этом случае. Но она молчит, и это пугает меня больше всего. Я ведь взял её в жёны, несмотря на все мерзости, которые слышал о ней. Почему бы, кажется, не сказать хоть несколько слов об отце Стефана? Это всё до меня было. Да я и сейчас не позволяю себе ревновать, иначе разрыв сердца обеспечен. Стефан не пьёт, не колется – уже хорошо. Покуряет в меру. Учится отлично, занимается несколькими видами спорта. Великолепно владеет компьютером. Об его квалификации говорит хотя бы то, что он запросто увёл очень крупную сумму со счетов уважаемого британского банка. Сам он взломал защиту или работал с кем-то, оказалось тайной. Стефан всё взял на себя. А поскольку на тот момент ему не было четырнадцати, удалось отделаться сравнительно легко. Правда, пришлось Стефана забрать из престижного колледжа и перевести в Москву. Теперь вряд ли ему светит достойная карьера на Западе. Этот банк слыл неприступным даже для бывалых хакеров. А Стефан объяснил просто – будто бы почувствовал, как именно можно перекачать средства на определённый счёт. Что-то вроде внутреннего голоса. Не знаю, как это называется – ясновидение, яснознание... Ему даже в психбольнице пришлось полежать, но врачи признали его здоровым. Стефан ведь в детстве получил электротравму, когда решил

самостоятельно разобраться в устройстве холодильника. И с тех пор началось необъяснимое. Если он говорит, что машина в дороге сломается, обязательно так и будет. У соседа в Швеции собака пропала, так Стефан во всех подробностях выложил, где и как надо её искать. Прогноз погоды даёт на неделю вперёд – и всё точно. Сунь ему любую групповую фотографию, и он безошибочно определит, кто на данный момент жив, а кто умер. И ещё, говорит, энергетика насильственной смерти очень мощная. Там же, в соседнем имении, был пожар. В результате погибла дочка хозяев. Думали, что просто в дыму задохнулась, а тело потом сгорело. А Стефан, ему тогда лет двенадцать было, побродил вокруг пепелища и вдруг начал вещать: «Это не случайное возгорание, а поджог. Сельму задушил чёрный человек, а потом сжёт». Представь себе – так и оказалось! Африканский мигрант, наркоман, дом ограбил и запалил, чтобы скрыть следы. А девушка была вольных нравов – друзей имела всяких. Стефан даже маленькую левретку описал, любимицу Сельмы, хотя сам её никогда не видел. Я много ещё мог бы рассказать про пасынка, но главное ты понял. Единственное, на что врачи просили обратить внимание, – болезненное пристрастие к риску. Он ведь из украденных денег ни цента не взял – не нужно было ему ничего. Просто хотел проверить себя – сможет ли? Смог.

Обожает делать то, что запрещено. Таким образом, доказывает, что презирает запреты, отстаивает свою свободу. Ему скучно быть таким, как все. И потом постоянно выкидывает опасные фортели...

– Экстремал? – понимающе кивнул Артур. – Это в Сибиллу, факт.

– Кто бы спорил! – Райников, счастливый и благодарный, смотрел сквозь очки мокрыми, воспалёнными глазами. – Об этом, наверное, неловко говорить... В московской гимназии, самой продвинутой из тех, что мы с Сибиллой сумели найти, Стефан сошёлся с учительницей французского языка. Причём, дама она семейная, тридцати пяти лет. Они вместе перед прошлым Новым годом репетировали мини-спектакль. Показывали, как в разных странах встречают этот праздник. Специально блюда готовили, костюмы шили, украшали каждый уголок гимназии по-разному. Очень красиво получилось – я приезжал смотреть. И учительницу это видел – симпатичная блондинка, среднего роста, стройная. Но я, честно говоря, на такую и внимания не обратил бы. Обычная баба из очереди, которая пытается следить за собой. А Стефан на блондинках просто помешан, хотя и сам не брюнет. По шведским новогодним обычаям он был консультантом. Сделал квадратные разноцветные свечи, повесил носок на дверь – для подарков; а сам

изображал Юля Томтена. Так зовут шведского Деда Мороза, если не знаешь. В дудки дудели, серпантин раскидывали, как обычно. А потом остались вдвоём – якобы прибраться после праздника. Стефан и раньше ночевал у приятелей, потому экономка его не хватилась. Мы с Сибиллой отмечали в ресторане, и тоже не засекли его. Выяснилось всё через месяц, когда их обнаружили в раздевалке у спортзала. Причём в таком виде, что никаких вопросов у уборщицы не осталось. Педагога-педофила, конечно, попросили на выход, да и нам посоветовали убрать парня из приличного заведения. Теперь не знаю, что у нас умеет у нашего Дон-Жуана. Сейчас учится в закрытом лицее, там директор головой за учителей ручается. А вот девчонки поголовно в Стефана втрескались. Называют его то Стивом, то Стёпкой. Закидывают SMS и посланиями по электронной почте. Чуть ли не на дуэль друг друга вызывают. Тут, конечно, запретить невозможно, особенно если это происходит во внеучебное время. Но мне, откровенно говоря, сейчас не до того. Приедет Сибилла – разберёмся. Вроде бы радоваться надо, что парень башковитый и с характером, а мне страшно становится. Стефан не сквернословит, не устраивает хипиш, как другие. Много дипломатов на своём веку повидал и сам так же ведёт себя – не придерёшься. Про таких говорят: «В тихом омуте

черти водятся». Вроде, и в драках не замечен, и с ворами после компьютерной истории дел не имеет, а всё равно тревожно за него. Соскучится – всего жди!

– Интересно! – Артур ещё раз выглянул на улицу. – Я бы на твоём месте сейчас домой отправился. Или всё-таки на Рублёвку?.. По-любому будь осторожен. Ввязался вблудную – изволь соблюдать технику безопасности. Старайся нигде не останавливаться – особенно в сумерках на шоссе. Ты как, давно не ел? Может, кофе глотнёшь?

– Спасибо, я уж до дома потерплю. Мне все эти дни о еде думать было противно. Только сейчас, когда ты согласился, начал отходить. Если уж очень прижмёт, по дороге перехвачу...

– Ну, нет, Лёвка, так не годится! Слышал, что наши водилы говорят? «Не ешь за рулём – покойничком станешь!» Тогда уж погоди до мамино ужина. Наверное, Дора Львовна не знает, куда тебя усадить и чем попотчевать. Меня здесь неделю железно не будет, так что звони на «трубу» дня через три-четыре. Я быстро просмотрю материал и при встрече скажу тебе, пойдёт он в дело или в мусорную корзину. Дальше сообразим, как поступить. Вполне возможно, что игра свеч не стоит. Я предлагаю посетить пельмень-бар «Берёзка» на Николаямской. Там бываю часто – и один, и с Ириной. Надеюсь, ты о ней слышал.

– Да, Нора Мансуровна говорила. У вас с дочкой какие-то сложности? – Райников махнул рукой с дорогим обручальным кольцом. Носил его по-русски – справа. – Вот ведь дети – цветы жизни! Хорошо, я готов туда приехать. Передумаешь – называй другие места.

– Другие места потребуются в том случае, если я найду перспективные сведения. А там просто посидим в «Берёзке», о жизни поговорим. Тринадцать лет – не хухры-мухры. Для близких людей – срок немалый. Кстати, твой тесть Харальд Юхансон жив сейчас?

– К сожалению, нет. Умер в позапрошлом году. Сибилла очень горевала, хотя обычно она свои чувства прячет. Без деда и без неё мне очень тяжело со Стефаном. Пусть я чужой ему, но всё равно чувствую, что у парня в душе словно термоядерная реакция происходит, и скоро грянет взрыв огромной разрушительной силы. Я хотел бы дождаться совершеннолетия Стефана и предоставить его самому себе. Не потому, что он неродной, вовсе нет! Просто я не тот человек, который может взнудать этого жеребчика. Здесь железный мужик нужен – вроде тебя. Я серьёзно говорю! Вам бы познакомиться – будет тебе вместо Амира. Прости, что вспоминаю твоего сына. Нора Мансуровна мне много рассказывала, даже плакала. Говорит, парень белокурый, женственный.

Страдает «Эдиповым комплексом» – полностью у матери под каблуком. А со Стефаном они погодки – считай, ровесники. Подумай на досуге. Стефану мужская рука нужна, иначе свихнётся вконец. Он ведь швед только по деду, на четвертушку. А мать Сибиллы, чилийская комсомолка, в семьдесят третьем после переворота погибла. Говорят, была близка со знаменитым Виктором Хара. Они вместе оказались в «фильтре» на Национальном стадионе, откуда не вернулись. И ведь могла же Кармен-Кристина улететь с мужем-дипломатом и дочерью! Кто бы её осудил? Не захотела. Добровольно пошла на пытки, на смерть. И Стефан, мне кажется, во многом испанец. Даже от индейцев в нём что-то есть...

– Я обязательно познакомлюсь с твоим сыном. Разумеется, если он этого захочет. Нам бы только срочные вопросы решить. А пока твоя задача – целым до дома добраться. Как говорят в Москве, «шаболовские» круче «солнцевских». Если Аргент имеет крышу в том кругу, шутить с ним опасно. Менты тоже не захотят светиться во всей этой истории. А методы у них банальные, но действенные. Прослушка, наружка, наркотики в карман, пистолет в «бардачок». А потом – обыск на законных основаниях. И условием прекращения уголовного дела станет выдача дискеты. Ты им передаёшь досье, а они представляют в суд

показания, стопроцентно свидетельствующие о твоей невинности. Чьи показания? Да всё равно, тебе-то какая разница?! Любым обрадуешься.

Артур видел, что каждое его слово больно бьёт Лёвку под дых, и тот белеет, даже сереет на глазах, – словно теряет кровь. Но трудно было отказать себе в удовольствии хоть так, да проучить предавшего друга. Сколько ни старался Тураев, никак не мог научиться прощать. Он только говорил, что прощает, но при себе оставлял совсем другие мысли и слова.

– Так будет, если ты засветился наверняка. Если насчёт тебя бродят лишь смутные подозрения, они подставляться не станут. Скорее всего, попытаются под любым предлогом обыскать квартиру, машину, лично тебя. И обыщут – заметь, по закону! Допустим, намеренно перепутают с кем-то – засекреченный свидетель «ошибётся». Здесь за «телегой» дело не станет – было бы желание. А желание будет – «красной крыше» тоже огласка ни к чему. Я не хочу тебя нервировать, Лёвка, но ты влез в вонючее дерьмо по самые гланды. И теперь ходить нам с тобой, как по канату, без страховки...

– Артур, да пойми ты – я ведь не собирался так далеко за буйки заплывать! – взмолился Райников, затравленно озираясь и до хруста сжимая кулаки. – Воронович-то юриста нашёл уже – это его

двоюродный дядя. Я должен был только по адресу в Москве доставить посылку – и фигня делов! Юриста начал искать потом, когда этот профессор умер...

– Дядя Вороновича умер? Когда? – Артур почувствовал знакомый азарт и задрожал, как гончая, рвущаяся со шлейки. – Ты в курсе?

– Да, Славка сказал, что дядя всё устроит. У него связи широкие, в том числе и за рубежом. Славка ведь понимал, что здесь у нас могут и продинамить всё, положить под сукно. И вот, только прибыв в Москву, набираю номер этого человека...

– Лично? – встревожился Тураев.

– Нет, Стефана попросил, с чужой «трубы». Оказалось, что профессор скоростижно скончался – оторвался тромб и закупорил мозговую артерию. У меня прямо в голове побелело – надо же! Одна из студенток написала заявление в милицию – якобы профессор принудил её к сожительству, угрожая не допустить до экзаменов. Я этого господина не знал, поэтому не могу судить, возможно такое или нет. Но факт налицо – дискета осталась у меня. Могу сказать только, что ему было под семьдесят. Его здорово пропесочили – то ли ректор, то ли декан. Приехал домой, решил принять ванну с хвойным экстрактом, и оттуда уже не вылез. Нашла его супруга через сутки, голенького.

Плавал вниз лицом, кверху задницей. Что делать, я не знал совершенно! Меньше всего хочется подставлять под удар детей. Ведь им на всю жизнь травма будет...

– Это уж точно!

Артур, несмотря на запрет, прикурил от зажигалки, пряча огонёк сигареты в ладонях. Он уже не мог дальше терпеть, но терять драгоценное время, идти в курилку на другой конец АЗС, не хотел тоже.

– Легче всего было бы вышвырнуть это досье в ближайшую речку и забыть о нём. Но, как я понял, под этим делом уже струится кровь. Доказательств никаких нет, но когда юная невеста умирает во время свадебного пира – уже подозрительно. Воронович очень долго не выходит на связь, в то время как первый был заинтересован в продвижении дела. Не удивлюсь, если его случайно сожёт автомобиль или он утонет во время купания. И этот профессор... Конечно, такие случаи бывают в ВУЗах сплошь и рядом, – Артур мимолётно улыбнулся, – но здесь возможны и другие причины. Наверняка, конечно, никто не мог знать, что оторвётся тромб, но запачкать его нужно было обязательно. Тогда любое слово профессора воспринималось бы с недоверием. Пустить запашок никогда не помешает, если требуется дискредитировать человека. Лёвка, я не хочу, чтобы

четвёртым в этом списке оказался ты. – Артур потушил сигарету и взглянул на часы. – Тебе уже надо ехать, чтобы побыстрее вернуться в Москву. И хозяйка вот-вот заявится, мы с ней должны про отгулы поговорить. Тебя она здесь не должна видеть. Бабёшка скользкая, особенно если пахнет «баблом» или неприятностями для бизнеса. У тебя как, висят образа в джипе?

– Образа? – удивился Райников. – Ах, да, сейчас модно! Николая Угодника мне посоветовали примагнитить в салон. Он ведь приходит на помощь не только христианам. Ну, и, само собой, Спаситель с Богородицей...

– Так ты же окрестился ещё перед свадьбой с Сибиллой! Должны тебя хранить святые, как родного.

– Да. Только мама очень ругалась, грозила всякими бедами. Но пока, тьфу-тьфу, проносило. Кстати, мама очень просит тебя пожаловать к нам в гости, когда будет удобно. Она о возможной слезке ничего пока не знает. Говорит, твою любимую долму сделает и цыплёнка-чили. Это уже от Сибиллы привет – родственники по матери научили.

– Там видно будет, – рассеянно отозвался Тураев. – Но за приглашение спасибо в любом случае. Привет ей от меня передай обязательно. Чёрт, у всех Новый год, а мы тут трясёмся сидим...

Да! – Артур схватил Лёву за рукав пальто. – Ещё об одном предупредить тебя хочу. Не принимай вообще никаких подарков, которые так естественны после Нового года. Никаких, слышишь? Не говоря уже об электронных новинках, авторучках, драгоценностях, мягких игрушках для детей. И чтобы у вас в доме никаких посторонних личностей не было. А если никак не обойтись без них, нужно ходить по пятам. Ни на секунду не оставлять одних, ясно?! И на эти вот темы дома ни с кем не говорить.

– Это я понимаю, – покорно кивнул Лёвка. – Что ещё?

– Ни под каким предлогом не останавливайся на шоссе, особенно сегодня, когда уже темнеет. Старайся не нарушать правила, а если такое случится, из джипа не выходи. Если заметишь нечто подозрительное, сразу бей по газам. Оставляй всегда свободу манёвра для себя. С гаишниками не пререкайся, лучше дай на лапу, лишь бы отпустили поскорее. Дискеты-то при тебе всё равно уже не будет, значит, никого не подведёшь. А у меня в Дорохово взломостойкий сейф, и у матери – встраиваемый, за картиной. Так что не бойся пока за свои сокровища. Только обещай не выдавать меня, иначе мне – крышка. С бывшими коллегами счёты имею. И если ты сможешь выскочить, то я – нет.

– Конечно, Артур, конечно. Я всё понимаю. –

Райников застегнул посеребрённые пуговицы пальто, поправил кашне перед небольшим зеркалом, закреплённым на обшитой вагонкой стене магазинчика. – Что мне сейчас-то делать, посоветуй. Туда нельзя, сюда – рискованно...

– Садись на свой сверкающий джип и езжай, куда надо. Альгиса я проинструктирую. Мол, была очень серьёзная поломка, пришлось дотемна возиться. Какая именно, Виталий придумает. Сегодня ты вернёшься в Москву, а завтра продолжишь наносить визиты вежливости. После Рождества я позвоню, и мы в «Берёзке» всё спокойно обсудим. Если надо, наметим план дальнейших действий. Тебе, Лёвка, следует держаться людных мест, не попадаться на разные дорожные провокации. Подрезут, средний палец покажут – не реагируй! Они могут даже специально аварию спровоцировать. Особое внимание – Т-образным перекрёсткам, светофорам и бросающимся по колёса детишкам. Ну, бывай!

И Тураев, неожиданно для самого себя, сильно хлопнул Райникова по плечу. Тот даже пошатнулся и охнул.

– Ничего, царь зверей, выше хвост! Понадеемся на лучшее. – И Тураев показал американский жест «о'кей», сведя большой и указательный палец в кольцо.

– Понадеемся, король Артур, – тихо,

обречённо ответил Райников. – Кстати, я один раз в Тунисе так чуть жизни не лишился. Там жесты похожи – «о'кей» и «я тебя убью». Только остальные пальцы надо прямо держать. А я тогда не знал, как это важно. Запомни на всякий случай – может, пригодится. Во Франции это – ноль, ничто. В Японии – деньги.

Лёва на мгновение замешкался, пожал другу руку и шагнул за порог. Тураеву показалось, что Райников что-то хотел ещё сказать ему на прощание, но почему-то передумал...

Глава 2

Лев отпил немного минеральной воды «Лужанская» прямо из бутылки, плотно завинтил пробку. И, перегнувшись через спинку сидения, запихал бутылку в кармашек. От волнения его опять прихватил застарелый гастрит. Пока ещё не сильная, но противная боль отбивала всякую охоту ехать в Рублёвку. Он и так пропал надолго, и нечего играть у матери на нервах – надо возвращаться в город.

Райников всегда брал в дорогу печенье, яблоки, мандарины, чтобы улучшить настроение и прогнать сонливость. Надо было что-то делать, не ослабляя внимания. Но сегодня вся провизия осталась нетронутой. Даже мысль об ужине

вызывала тошноту, и Райников начал готовиться к нелёгкому разговору с матерью. Она, конечно, приготовила любимому и единственному сыну царский ужин, а, значит, хочет услышать от него похвалы её кулинарному искусству и слова благодарности. Но сегодня, как назло, он совсем не хотел есть.

Курил Лёва мало, чаще жевал никотиновую резинку; вот и сейчас сунул её в рот. Это действительно помогало избавиться от тяги к пачке «Филипп Моррис» или «Мальборо». Случались такие дни, когда он не выкуривал вообще ни одной сигареты. Вероятно, потому Лёва начал полнеть, зато улучшился цвет лица, заблестели глаза, а улыбка стала и впрямь ослепительной.

Райников проверил пропущенные звонки – так и есть, мама набирала несколько раз. Обе дочери вспомнили об отце, и даже Стефан отметился – это уж вообще сюрприз! Только вот Сибилла давно уже не давала о себе знать, и Воронович не объявлялся. Скорее всего, Артур прав, и Славки уже нет в живых. Вот когда рад бы ошибиться, так ведь, похоже, не получится!

Здорово, что дискеты нет в машине. Все эти дни она нервировала Райникова, как тикающая бомба. Кроме матери и детей, со Львом желали пообщаться однокашники из МГИМО, ставшие крупными чиновниками и бизнесменами.

«Приятно, когда о тебе помнят, – подумал он. – Жаль, что обратиться к ним можно лишь в радости, когда надо просто расслабиться в хорошей компании. А в горе можно поехать только к Артуру Тураеву, который может грубить, острить, издеваться, но никогда не предаст, не бросит и не обманет...»

А он, Лёва Райников, лучшего друга оставил в страшный час. И долгие годы не находил времени, а, главное, сил и желания встретиться с ним, хоть и понимал, что виноват сам. Встретиться следовало хотя бы для того, чтобы попросить прощения...

Он уже проехал Кубинку, направлялся к Голицыно. В последний раз подумал, не свернуть ли налево, к однокашнику, и всё-таки перенёс визит на завтра. Ничего удивительного в том, что давно отсутствовавший в Москве дипломат объезжает знакомых, не было. Первые десять дней года словно созданы были для таких вот коротких, лёгких, ни к чему не обязывающих встреч. Но любая из них могла заинтересовать тех, кто следил за Лёвой – если слежка действительно была.

Неужели всех, у кого он побывал недавно, станут обыскивать? Ведь теоретически досье мог принять любой из хозяев этих вилл и особняков за высокими кирпичными заборами. У одного из сокурсников теперь был даже замок, правда, небольшой, но зато с защитным рвом и подъёмным

мостом. Ведь не обязательно же всё рассказывать приятелю подробно! Можно положить попросить дискету в сейф, а когда шум уляжется, приняться за дело.

Райников почувствовал, как тяжелеют веки, и ощутил комариный звон в ушах. Надо бы кофе из термоса глотнуть, но некогда. И очень неудобно здесь – в каждой встречной и попутной машине может быть засада. Да, досье у него больше нет. Но ОНИ-то не в курсе, а, значит, мечтают прощупать его карманы. Всё же кусочек горького шоколада не помешает – ехать-то ещё долго.

Лёва сунул руку в «бардачок», который вполне оправдывал своё название. Самое интересное, что за границей дипломат преображался до неузнаваемости, и его «бардачок» превращался в перчаточный ящик. Теперь же он, как всегда, вылавливал правой рукой завёрнутый в фольгу остаток плитки, а попадались батарейки для фонаря, мелкие запчасти, гигиенические салфетки, зажигалки и прочая дребедень. И если крупные вещи Райников, чертыхаясь, распихивал по карманам и корзинкам, а запчасти убивал в багажник, то всякий сыпучий хлам надолго лишал его душевного равновесия. Особенно в такие дни, как сегодня, когда не было сил думать ни о чём, кроме этой дискеты.

Уже и Голицыно позади, скоро проедем

Одинцово. Похоже, никаких вопросов к Райникову нет. Насколько мог, он следил за дорогой, за транспортом, но не замечал особо привязчивых «тачек». Встречные фары слепили сегодня особенно сильно, а от габаритных огней попуток воздух становился малиновым.

Сибилла смотрела на Льва с фотоснимка, укрепленного на лобовом стекле. Она была прекрасна даже в глухом чёрном джемпере – насмешливая и великодушная. Погрузив левую руку в распущенные платиновые волосы, она улыбалась мужу пухлыми губами цвета спелой моркови. Глаза её, цветом напоминавшие персидскую бирюзу, призывно мерцали в полумраке. Тонкие чёрные брови, длинные ресницы стрелками, смуглая для шведки кожа – всё это делало Сибиллу парализующе желанной. И Лев Райников уже в который раз удивился, что стал мужем этой женщины, причём всего вторым по счёту законным мужем.

В браке с первым, Нильсом Силингом, она пробыла всего несколько часов. После венчания они, оба заядлые байкеры, отправились в свадебное путешествие на бешено ревущих мотоциклах, и угодили в аварию. Нильс погиб на месте, а Сибилла полгода провела в инвалидном кресле. После этого отец, Харальд Юхансон, строго-настрого запретил ей садиться на мотоцикл и потребовал наконец-то

взяться за ум, получить специальность, найти своё место в жизни. Молодая вдова, которой осталась на вечную память одна только фамилия, за ум взялась. И, похоже, взялась крепко.

Вот тогда она, судя по всему, и стала осваивать интересующую специальность – этакой «дамы плаща и кинжала». Так считал отец Лёвы Марк, который безуспешно пытался расстроить их мезальянс. Но жениху было безразлично, чем занимается любимая. Он был готов отдать ей не только государственную тайну, но и всю кровь по каплям, всю свою жизнь.

А Сибилла ничего и не требовала. Она была для Райникова только женой, матерью его детей и многообещающим учёным-этнографом. И одновременно – неутомимой, гениальной в своём роде любовницей, будто нарочно скрывающей под скромными одеждами свою вызывающую красоту.

Проезжая украшенное к праздникам Одинцово, стараясь не зацепить никого из компании подвыпивших молодых людей, Райников вспоминал лазурное Эгейское море, колышущийся от сильного ветра тент. И Сибиллу за столом – в очках-авиаторах, в соломенной шляпе и коротком белом халатике, с морскими ракушками в ушах и на шее. И он, преданный, как пёс, сидит напротив, в таких же очках и в халате, только без шляпы.

Сидит и ждёт, когда они, выпив коктейли,

поднимутся в свой люксовый номер, чтобы там медленно развязать пояса халатов и спрятать очки в футляры. Потом Сибилла небрежно отшвырнёт свою шляпу, и они займутся любовью в каком-нибудь неподходящем месте. Место это они начинали выбирать с утра, смакуя все подробности, предвкушая удовольствие и свежесть ощущений.

Постель Сибилла не жаловала, считала её скучной и пресной, как английская овсянка за завтраком. Она научила мужа исполнять хастл, раскованный танец, состоящий из откровенных поз и движений. Поначалу смущавшийся и устающий Лёва быстро накачал бицепсы, выполняя поддержки в зале, а после – в спальне. Мама, разумеется, ни о чём таком не знала, а покойный отец уже не мог ей рассказать.

Кровь вскипела, в висках застучало, и спать уже не хотелось. Райников включил магнитолау, приоткрыл ветровое стекло, и встречные автомобили завжикали, как пули. Шоколада больше не было, оставалась музыка, которой так много было в его жизни – и классической, и современной.

Закрылась дверь, он
вышел и пропал,
Навек исчез, ни
адреса, ни тени.
Быть может, просто

что-то он узнал
Про суть дорог и
красоту сирени?

Райников слушал Юрия Шевчука со странным, сладостным чувством – как раз тем самым, что всякий раз вызывал запах цветущей сирени. Странная песня, но для сегодняшнего душевного настроения невероятно подходящая. Надо будет скачать её, прослушать несколько раз. Может, и наизусть выучить получится, чтобы исполнять в компании...

Я замечаю, вижу –
ты везде.

Лежишь печальным
снегом на аллеях,
В листве сырой, в
растрёпанном гнезде,
На мёртвых пулях и
убитых целях...

Что-то слишком много про мёртвых и убитых... про печаль.. не нужно! Хорошего-то в жизни больше было, не на что грешить. Чёрная «Волга» с шофёром, просторная дача, по весне утопающая в море той самой сирени. Крутая лестница, ведущая к узкому пляжу близ

Москвы-реки, чаепития в беседке – с родителями, с дядиным семейством, где росли два его кузена – Арсений и Борис.

Отец сотрудничал с Первым Главным управлением КГБ, занимающимся внешней разведкой. Дядя Яша имел отношение к Восьмому, ведавшему шифрованной секретной перепиской, в том числе и разведки с зарубежными резидентурами. Дядина жена работала в Десятом, архивном, Управлении. И только Дора Львовна, жена Марка, к Комитету никакого отношения не имела и много лет заведовала обычным роддомом в Москве. Более того, она тяготилась своими связями с представителями столь одиозного ведомства. И только огромная любовь к отцу заставляла маму общаться с подобной публикой, блистать на приёмах, встречать гостей.

Приходили соседи – такие же труженики «конторы». Жарили шашлыки, пили французское вино, пели под гитару песни Высоцкого и Визбора. Лёва Райников не знал никакой другой жизни. Не представлял, как можно ехать в школу на автобусе, а то и просто топать пешком. Три языка, фортепьяно, скрипка, уроки этикета и танцев, занятия теннисом и даже фехтованием, а также насыщенная школьная программа отнимали практически всё время.

Лёву с детства готовили для

дипломатического поприща, чтобы шёл по стопам отца и деда. Из принадлежности к советским спецслужбам особого секрета не делали – это позволяло строить карьеру гораздо быстрее и надёжнее. В Москве Райниковы занимали пятикомнатную квартиру, где на стенах висели фотографии известных политических деятелей, артистов, спортсменов. С ними доводилось встречаться старшему поколению семейства. И Лёва не мог даже представить, что другие дети живут совсем не так.

Его день был расписан буквально по минутам. Несмотря на молодость, он уставал, постоянно находясь в жёстком корсете правил, по которым полагалось жить. Ни о каком футболе во дворе или компаниях в подворотне не могло быть и речи. Неподходящих друзей родители боялись, как огня, и сами выбрали Лёве товарища – чернявого живчика Артура Тураева.

Отец Артура, правда, неродной, делал блестящую карьеру сначала в районном, а потом уже и в городском советском аппарате. К тому же Альберт Говешев имел родственников в Венгрии, а, значит, считался настоящим европейцем, которому следовало подражать. Фамилия Альберта раньше звучала иначе, но постарались переделать на русскую – и вышло не очень удачно. Не только Артур, но и его младший братишка Арнольд,

родной сын Говешева, были Тураевыми по матери.

Нора давно уже переехала в столицу из Казани, где принадлежала к местному бомонду. Её отец, оперный певец, стажировался в Италии, что приводило в восторг Лёвину маму. Сама Нора стала пианисткой, но по специальности работала недолго. После свадьбы с Альбертом Говешевым она навсегда стала только домохозяйкой, которой ни о чём, кроме благополучия семейства, думать не полагалось.

Эти два клана были будто созданы друг для друга. Только вот не было там дочерей; а, значит, невест для мальчиков приходилось искать на стороне. Правда, в определённом возрасте молодое поколение, как это часто бывает, взбунтовалось, заявив, что жениться станут, на ком сами захотят. И настоятельно попросили предков не совать носы в их дела.

Сначала Артур, а потом и Лёва благополучно потеряли невинность в летних весёлых походах, будучи ещё школьниками. К двадцати четырём годам каждый из них имел весьма солидный опыт непринуждённого общения с девушками. Те, в основном гонялись за Артуром, хотя и о Лёве не забывали. Родной отец Тураева к тому времени занял один из высших постов в новой России. И потому сын, пусть даже выросший в чужой семье, мгновенно стал лакомым кусочком и вожаком

добычей.

Пока Лёва жил в свободном союзе с Дашей Гавриловой из своей студенческой группы, Артур женился на соблазнённой им малолетке Марине Бревновой, и даже родил сына Амира. Того самого, что потом уехал с матерью в Европу и не пожелал ничего знать ни о своём отце Артуре, ни о бабушке Норе. Молодой папаша тогда не вылезал из загулов. Бывало, что за один вечер ублажал нескольких красоток, не особенно интересуясь их возрастом.

Ничему его не научила история, когда вдруг выяснилось, что хрупкой блондинке с сетью голубых жилок на висках, дочери депутата Верховного Совета Марине всего пятнадцать, и она беременна от Артура. Таким образом, если юноша не хочет прослыть совратителем малолетних, он должен жениться. Девочка аборт делать не хочет – это может повредить здоровью. Да и вообще грешно губить невинного младенца...

Лёва был свидетелем на свадьбе Артура, а после они поменялись местами. Так решили давно, и слово, как всегда, сдержали. Жених был свиреп, как пёс Цербер, и сквозь зубы клялся изменять Маринке со всем, что шевелится, минимум по пять раз на дню. Его отец на регистрацию, естественно, не прибыл, и Нора с Альбертом на протяжении всей церемонии сгорали от стыда.

С тех пор Артур только пил и дрался, причём

серьёзно, до тяжёлых травм. И Лёва удивлялся, как человеческий организм может всё это выдерживать. Рождение сына, похоже, не произвело на молодого отца никакого впечатления. Они сразу были чужими, и только ради Норы Артур как-то проявлял родительские чувства.

В их окружении никто не строил иллюзий насчёт долговечности брака Тураевых. Нора считала деньки до тех пор, когда Марине исполнится восемнадцать, чтобы выбить из рук непрошенных сватьев все козыри. Но матери Артура не пришлось поспособствовать разводу – Марина сбежала сама, прихватив маленького сына. И уже из Германии заявила, что не желает иметь с этим подонком ничего общего. Сразу вспомнила и пьянки, и драки, и измены – как будто раньше ничего о них не знала.

Истинная причина выпирала, как яйца бульдога. Артур теперь не был «сынком», он стал сыном. Сыном человека, которого в ту пору могли даже расстрелять. И не отрёкся от него. Нора Мансуровна едва уговорила Артура сохранить её фамилию, а он хотел демонстративно вернуть отцовскую. За такую недальновидность молодой юрист мгновенно лишился места в сырьевом Министерстве, а после его уже не брали даже в занюханную контору на нищенский оклад. Ходатайства отчима тоже оставались

неуслышанными – мэр не пожелал портить отношения с Президентом.

Нашёлся всего один человек, не пожелавший дудеть в общую дудку – судья из Химок Гавриил Степанович Старшинов. Он-то и пригрел у себя бывшего практиканта, вернув ему, пусть не нацело, веру в людей. С тех пор Артура как подменили – он ни разу не напился, не подрался, не валялся на ковре с несколькими шлюхами сразу. Повзрослевший, даже постаревший ещё до тридцати лет, он смотрел на всех глазами цвета горького чёрного кофе; и улыбка очень редко, совсем ненадолго трогала его сухие губы.

Но до тех пор в его жизни появилась Сибилла Силинг. На новогоднем дипломатическом приёме она сопровождала своего отца Харальда Юхансона. Тот на всю жизнь остался вдовцом Кармен-Кристины Вальдес, и других женщин для него не существовало. Сухопарый, голубоглазый, с редкими рыжеватыми волосами и выпирающей нижней челюстью, он ходил прямо, печатая шаг, и голову держал так, будто на ней была корона. Неизменные очки в золотой оправе и старинный фамильный перстень на руке дополняли полусказочный образ Харальда, внушали уважение к нему.

В его доме царил настоящий культ покойной Кармен. Она улыбалась с фотоснимков и портретов,

её голос звучал из динамика магнитофона, а после всё это переключалось в файлы компьютера. Говорить о Кармен Харальд мог часами – если, конечно, располагал временем. Он неплохо рисовал, и главными его моделями были жена с дочкой. Сибиллу отец обожал, хоть и обращался с ней подчёркнуто сдержанно. И она, частенько подтрунивая над «старичком», с трогательной заботой обихаживала его. Готовила, стирала, отстранив прислугу, лечила во время болезни; и на приёмах сопровождала, как верная жена. Надо сказать, из них получилась блестящая пара – несмотря на разницу в возрасте.

... Райников вздрогнул, заметив на обочине трассы гаишника с жезлом, в форме, и внешне ничем не примечательного. Но рядом не было ни пикета, ни даже машины ДПС. Райников закусил губу, весь подобрался, как перед прыжком в ледяную воду, понимая, что останавливаться нельзя. Он ничего не нарушил, а, значит, готовится провокация или нападение. Нужно гнать до первого же поста и только там остановиться, если сейчас этот амбал в салатной светоотражающей накидке взмахнёт жезлом.

Но амбал тормознул кого-то другого, и Райников, вытирая пот со лба, перевёл дух. Хорошо, что Сибилла не видит, – вот бы посмеялась! Она-то, кажется, ничего в жизни не

боится. С ней бы посоветоваться после Артура; так неизвестно, когда вернётся. И уж точно скажет, что на хрен решать чужие проблемы, да ещё какие – бандитские!..

Тот приём был в стиле «самый формальный», и Марк Райников долго искал фрак для сына, так как в пиджаках туда не пускали. В конце концов, фрак, галстук-«бабочку» и чёрные лаковые туфли взяли напрокат. Любое дело требует тренировки, чтобы не пропали навыки, и потому отец старательно готовил сына к отъезду в Грецию. Он не упускал случая, чтобы проверить, усвоил ли Лёва тонкости поведения в высшем обществе. Кроме того, сына требовалось срочно женить – этого требовали условия командировки. Даша, конечно же, обрадовалась и занялась предсвадебными хлопотами.

Они подали заявление, и к моменту начала кремлёвского приёма до регистрации оставался месяц. Но всё Дашино счастье рухнуло в тот миг, когда на представительском «Вольво» с расчехлённым флагом Швеции пожаловал господин Юхансон в сопровождении дочери.

Сибилла появилась в зале, и тотчас рядом с ней потускнела позолота, померкло море огней, и весь громадный зал словно съёжился. Молодая женщина была в длинном платье голубого с

изумрудным отливом бархата, и великолепном бриллиантовом колье. Но даже эти украшения не могли поспорить с её светящимся изнутри лицом, с похожими на звёзды глазами. Меха и перчатки до локтя были выдержаны в одной серебристой гамме. Вела себя Сибилла сдержанно и скромно, как всегда на людях, и будто бы стеснялась слишком уж откровенного декольте.

Сибилле не требовалось соблазнять мужчин голым телом и откровенно-призывными жестами. В её вежливо-равнодушном взгляде не было ничего от желания понравиться. Она стала бы главной здесь, появившись в монашеском одеянии или в рубище нищенки – такова была сила обаяния этой величественной Снежной Королевы, почтившей своим присутствием реальный мир. Но всё-таки под её персиковой кожей струилась живая кровь, и Льву Райникову захотелось дотронуться до её тёплого локтя над бархатной перчаткой.

На приёме собрались все мало-мальски значимые дипломаты. Присутствовали министр иностранных дел, дуайены, вновь прибывшие послы, секретари и атташе, и ещё масса разного народу со Смоленской площади и из посольств. Среди гостей было много кадровых дипломатов с огромным опытом работы. Многие благоволили к молодому перспективному коллеге, кое-кто из них даже посещал ту самую дачу в море цветущей

сирени.

Один из аккредитованных в Москве финнов между прочим шепнул Райникову, что ослепительная блондинка в собольем палантине вовсе не жена Юхансона, а его дочь. Она – этнограф по образованию, занимается Азией и Африкой. Много времени проводит в командировках и имеет степень магистра. Кроме того, финн добавил, что женщины терпеть её не могут, потому что страшно завидуют красоте и шарму.

Отец зорко следил за Лёвой, и тот словно бы сдавал экзамен. Демонстрировал, что может вести себя безупречно на столь важном приёме, который почтил своим присутствием первый Президент России – тогда ещё крепкий и энергичный. Райников-младший, конечно, не удостоился высочайшей аудиенции, а вот Сибиλλα перебросилась с главой государства несколькими любезностями.

По-русски она говорила неплохо, но чувствовался акцент вроде прибалтийского, что придавало сказанным словам ещё большую прелесть. Сам Лёва Райников в тот вечер познакомился со многими коллегами из разных стран, а также с их жёнами. Ему пришлось продемонстрировать знание аж пяти европейских языков, включая греческий, и намотать по

скользкому паркету парадного зала не один километр.

Отец всегда находился неподалёку, расточал комплименты дамам и вполголоса беседовал с мужчинами о чём-то серьёзном; в то же время от не упустил отпрыска из виду. Судя по выражению лица, папаша был доволен Лёвой. Но вскоре ему пришлось жестоко разочароваться в своём наследнике...

... Телефон доиграл скрипичную мелодию, и Лев поспешно включил связь. Звонила мать, которая, как он и думал, проглядела в темноту все глаза. Свинья он всё-таки, неблагодарная свинья! Отца уже нет, но хоть маму-то нужно побережь, не болтаться ночами чёрт знает где!..

– Лёва, ты в Москве сейчас? – осведомилась Дора. Она сегодня виделась с сыном, и поэтому не поздоровалась.

– Почти в Москве. Скоро приеду – завтра рано вставать. Пять визитов осталось. Но на сегодня – шабаш! – бодро отрапортовал Райников.

Если даже сейчас их слушают, пусть теряются в догадках, у кого из многочисленных приятелей он оставил или потом оставит дискету. А мог ведь и дома, в Министерстве в сейф положить – почему нет? Поводим немного их за нос, а завтра видно будет.

– Лёва, я на твоём месте всё-таки девчонкам

больше внимания уделила бы! Раз уж мать тебе не интересна, калоша старая, так хоть дочками займись! Я их накормила, когда из секций вернулись, и ещё несколько раз ужин подогревала!..

– Да еду, мам, еду, что ты, в самом деле! Я девчонкам ещё надоесть успею. Ну, всё, целую! Пока!

Райников давно уже обратил внимание на грузовую «Газель», которая шла за ним, будто привязанная, от Одинцова. Но как только он завершил разговор с Дорой и попробовал повнимательнее изучить «хвост», она юркнула в сторону Солнцева.

Опять показалось, трус ты чокнутый! И ведь, вроде, не слабак. Занимался горными лыжами, погружался с аквалангом, да и конный спорт предполагает кое-какие риски для здоровья и жизни. Хоть и в очках, а в обиду себя и своих дам не давал никогда. Не одного дебошира успокоил изящным восточным приёмом. А сейчас по-настоящему жутко, хотя вокруг пусто. Ну, мелькнёт несколько пар дальних фар – и снова темно. Будто нет рядом Москвы, и глухая тайга за окном – аж сердце стынет...

... Ещё на том шикарном приёме Лёва отметил, что Сибилла почти всё время стоит одна, если её отец куда-то отлучается. Похоже, Президент был единственным, кто обратился к

красавице, тем самым отметив её, и лишь разозлил остальных. Дочь шведского дипломата существовала будто в вакууме. Когда она всё-таки осмеливалась приблизиться к очередной тёплой компании, люди тут же расходились. Сперва Лёва решил, что это ему просто показалось, или же у Сибиллы конфликт с кем-то из тех гостей. Но потом ситуация повторилась – раз, другой, третий.

Это было похоже на бойкот, которого Сибилла явно не ожидала – иначе просто проигнорировала бы приём. Кончилось тем, что на её прекрасных глазах показались слёзы, хотя сочные губы всё так же приветливо улыбались. Но улыбка не находила отклика, и оттого становилась жалкой, просящей.

Может быть, Лёва Райников в тот вечер ограничился бы только немым восхищением, чисто платоническим поклонением перед совершенством лица и тела этой женщины. Но поведение гостей возмутило его до крайности. Надев маску ледяной вежливости, он с закипающим раздражением осматривал поблёклых дам в драгоценностях и мехах, грузных и поджарых, но одинаково пожилых мужчин во фраках, белых «бабочках» и лакированных туфлях.

Сговорились они, что ли? Из-за чего можно так унижать человека, чуть ли не плевать ему в лицо? И ещё какого человека! Да без неё этот приём

выглядел бы сборищем оживших восковых фигур из музея мадам Тюссо! Им бы поблагодарить Сибиллу за то, что украсила собой их унылые ряды! Так нет, действительно завидуют молодости и прелести, да и внимание Президента привлекла именно она – как же!..

Лучше всего у отца спросить – может, он в курсе? Интересно, что будет, если подойти к ней якобы совершенно случайно? Его же никто ни о чём не предупреждал, а улавливать намёки он не обязан. Конечно, у дипломата должен быть на лбу барометр, а на носу – флюгер. И работа его заключается как раз в том, чтобы наблюдать, делать выводы и действовать по обстоятельствам. Но сейчас Лёва ещё не находится при исполнении – он просто сопровождает отца.

Стараясь не привлекать к себе внимание, он заученным, слегка скользящим шагом приблизился к Сибилле. Та в полном одиночестве смаковала шампанское, прижимая локтем к боку расшитую жемчугом маленькую сумочку. Вблизи шведка показалась Лёве ещё привлекательнее, чем издали. Аромат пряных духов, влажный отсвет печальных глаз, волнующий грудной голос завершили дело – Лёва потерял дар речи и забыл не только выученные языки, но и русский.

Все собравшиеся, включая Райникова-старшего, демонстрировали Сибилле

своё презрение. А Лёва, облизывая пересохшие губы, взирал на неё с обожанием. И безуспешно вспоминал, предполагает ли такой приём танцы. Недавно отпраздновали новый, девяносто третий год. И, значит, можно надеяться на что-то более интересное, чем постоянные переходы от одной компании к другой, когда то и дело рискуешь наскочить на официанта с подносом, уставленным бокалами.

– Вам так же скучно, как и мне? – спросила Сибилла, когда они представились друг другу и взяли себе по лёгкому коктейлю.

– Да. Признаться, я ожидал чего-то более увлекательного, – согласился Лёва, заметив, как умело и деликатно Сибилла взяла инициативу в свои руки. – Вы не знаете, будут ли сегодня танцы? Если да, то я счастлив буду пригласить вас хотя бы на первый. А лучше – на все сразу, потому что, кроме меня, вам здесь просто не с кем танцевать.

Райников, похоже, угодил Сибилле каждым своим словом, потому что грустные глаза её внезапно потеплели, а в зрачках вспыхнули золотистые точки. Она медленно раздвинула губы в улыбке, словно не веря своему счастью, и Лёва увидел изумительно ровные, белые зубы. На щеках Сибиллы заиграли глубокие ямочки.

Лёва смущённо, как невинный мальчик, потупил взор, и тут же вспотел под фраком и белой

сорочкой. Огоньки бриллиантов на сильно открытой груди, то и дело меняющее цвет платье, узкий плетёный поясик на тонкой даже без корсета талии – всё это произвело на Лёву такое впечатление, что он захотел взять Сибиллу за руку и коснуться губами её щеки. Пока что только щеки... И обвить нетерпеливой рукой этот тонкий гибкий стан...

«Господи, какая пошлость!» – мелькнуло в голове и пропало. Лёва уже не видел ничего – ни испуганно-злого взгляда отца, ни брезгливо-высокомерных физиономий женщин, ни многозначительно-насмешливых гримас их мужей.

– Да, вы правы – развлекаться здесь не с кем.

Сибилла, словно невзначай, коснулась обнажённым плечом щеки пощечья счастливого Лёвы.

– Я уже миллион раз пожалела, что пришла сюда. Давайте потанцуем в другом месте, если хотите. И не сегодня, а завтра. О'кей?

И Сибилла еле заметно подмигнула, сверкнув своим колье.

– В каком другом?

Лёва готов был идти на край света, но нужно будет что-то сказать отцу. Кроме того, у него есть невеста, с которой уже скоро свадьба... Вот уж некстати заварили всю эту кашу с регистрацией, но другого выхода не было. А теперь, возможно, и

вовсе расстроится будущий брак, если они с Сибиллой встретятся где-нибудь в ресторане, при всём честном народе.

– На ваше усмотрение! – мило улыбнулась Сибилла. – Вы ведь знаете Москву лучше меня. Хороший ресторан с живой музыкой, танцполом, местной кухней и свободными номерами.

Последние слова Сибилла произнесла шёпотом, стрельнув голубыми искрами из-под длинных ресниц, и Лёва Райников окончательно потерял голову. В первые же минуты знакомства земная богиня намекает на интим – это ли не предел мечтаний?

Но тогда понятно, почему собравшиеся демонстрируют нежелание общаться с Сибиллой на равных. Похоже, что у неё репутация дамы полусвета, и приличная публика постоянно напоминает ей о столь непрезентабельном статусе. А Лёва видел только алмазные звёзды на мочках её маленьких ушей, как естественно вспыхивающие в золоте волос, умащенных маслом марокканского «железного дерева».

– Завтра... вы свободны? – хрипло спросил Лёва и подумал, что не мешает ещё чего-нибудь выпить.

Огромный, залитый ослепительным светом зал, натёртый до зеркального блеска паркет, зимний вечер за высокими окнами, перезвон кремлёвских

курантов и долгий бой часов Спасской башни служили великолепными декорациями на сцене, где главные роли исполняли они с Сибиллой.

– После семи вечера?..

– О, да! – Сибилла, похоже, не любила долго кокетничать.

– Тогда приглашаю вас в ресторан отеля «Украина». Может быть, он и не самый лучший в Москве, но там мы сможем чувствовать себя спокойно.

Лёва знал, что в «высотку» на набережной Тараса Шевченко не завернут ни отец с друзьями, ни Даша Гаврилова со своей компанией, ни другие приличные господа юных и зрелых лет. Слишком уж тревожащие воображение слухи ходили по столице об этом отеле. Он был сплошь заселён кавказцами, которые никого не боялись и нагло, по-хозяйски приставали к любой появившейся там женщине.

Сибилла вряд ли была в курсе этого, и Лёва вовсе не хотел делиться ею с горячими джигитами. В целях безопасности следовало пригласить в их компанию Артура Тураева. Конечно, он явится без Марины, но это уже не важно. Главное, что в присутствии авторитетного среди тамошней молодёжи Артура никто не посмеет предъявлять права на Сибиллу. Правда, от близости белокурого чуда может загореться и сам Тураев, но Лёва для

друга ничего не жалел. Пусть Сибилла сама решит, и если Артур ей понравится, вопросов не будет...

– «Украина»? В семь вечера? Это меня устраивает. Итак, распрощаемся ровно на сутки, и не будем провоцировать скандал. О'кей? – опять подмигнула Сибилла.

Она наклонила голову на бок, блеснув белыми зубками, и пошла навстречу своему чем-то озабоченному, раскрасневшемуся отцу. А Лев так и торчал, будто вкопанный, держа в руке пустой бокал, и воображал, какой шторм разразится сегодня дома. Если он встретится завтра с Сибиллой, то, вполне вероятно, загубит карьеру. Дашина семья тоже влиятельная, и уж там постараются проучить любвеобильного зятя по полной программе. Пока ещё есть время передумать, сославшись на неожиданно возникшую необходимость отъезда в командировку. Да что угодно можно наплести, не суть...

Но Лёва уже твёрдо знал, что не найдёт в себе сил отказаться от щедрого подарка судьбы. И завтра около семи вечера подрулит к высотному дому со шпилем, из окон которого открывается вид на «Белый Дом» – так теперь называли бывшее здание республиканского правительства, ставшее резиденцией парламента.

Очень престижная панорама, и потому в «Украине» не стыдно посидеть... и полежать...

даже с дочерью шведского дипломата. А ведь она повидала на своём веку немало, и удивить её трудно. Он будет ждать, готовиться, не спать всю ночь. Нужно прихватить с собой стимуляторы – на тот случай, если от волнения покинет мужская сила.

Сибилла принадлежала к тому типу женщин, которым вовсе не обязательно быть красавицами. Даже имея посредственную внешность, такие счастливицы стоят в центре мира. Энергии земли, воды, огня и воздуха, всех четырёх стихий, переполняли Сибиллу, преображаясь в мощное поле притяжения. Ни внешность, ни деньги, ни возраст дамы не имели значения, когда мужчины попадали в это мощнейшее вихревое поле, парализующее волю и разум.

А Сибиллу природа одарила сверх всякой меры, прибавив к женскому обаянию ещё и красоту, и ум, и смелость, и рассудочность. Потому, вероятно, она не знала поражений. Не было такого мужика на всей Земле, который бы не попался в её сети. А Лёвке Райникову было тогда всего двадцать четыре, и он не так много ещё повидал в жизни...

Прошло всего два дня, и он, провожая тёмным январским утром «Сааб» Сибиллы около ступеней сталинской «высотки», уже точно знал, что свадьбы с Дарьей Гавриловой никогда не будет. Правда, в те дни он не мечтал о том, чтобы пойти по венец с Сибиллой Силинг; просто он хотел всегда быть

свободным для неё.

Для их первого ужина Сибилла выбрала ярко-оранжевое платье-коктейль, похожее на язык пламени, и это пламя спалило его навеки. Даже теперь, спустя четырнадцать лет, перехватывало дыхание. И снова приходила мысль, что он, лев Райников, прожил жизнь не напрасно, раз сумел ухватить и удержать такую женщину...

Танцевала Сибилла превосходно, и в каждом её движении чувствовала прирождённая испанская грация. Рядом с ней меркли и молодые девчонки, и искушённые дамы. Она одна царила тем вечером в ресторане, и всем это казалось естественным.

Сибилла меняла партнёров – сначала танцевала с Лёвой, потом – с Артуром, потом – с кем-то ещё, и как будто не знала усталости. На её груди сверкало узкое, похожее на змейку кольцо из жёлтых бриллиантов, а разрез платья открывал в танце стройные длинные ноги. Безупречная сухощавая фигура, модельный рост, смуглые щёки с естественным румянцем, пронзительные светлые глаза под угольно-чёрными бровями – всё это смешалось перед восхищённым взором Лёвы Райникова. А потом рассыпалось, как фейерверк, – во всю ширину неба...

Но даже не красота оказалась главным аргументом для Лёвы, а живое умное лицо, молниеносная реакция, разящие наповал реплики,

потрясающая эрудиция по широкому спектру проблем. Райников знал, что больше никогда и нигде не встретит такую женщину, и удивлялся, как мог столько времени трахаться с Дашей Гавриловой – смазливой, но самой обычной, как тесто без соли и сахара. И не только трахаться, а даже планировать общих детей, иметь намерение вручить ей свою судьбу на долгие годы!..

В тот вечер Артур не скрывал своих планов относительно Сибиллы, но Лёва парил где-то в облаках над Москвой, с жалостью озирая серый тоскливый город. Золочёный каблучок сирены прочно вонзился в его размякшее от страсти сердце. Теперь эта женщина могла делать с ним всё, что угодно, ни в чём не встречая отказа.

Именно такой муж был нужен «даме плаща и кинжала», и потому она, не теряя времени, взялась за дело. Парня до нужной кондиции довела, теперь следовало нейтрализовать его семью, а также родственников опостылевшей невесты. Но без мужчины дама слаба, и Сибилле потребовалась помощь рыцаря, каковым явил себя Артур Тураев. Они быстро столковались, вместе принимая душ после бурной ночи, в том же самом отеле «Украина».

Начинать следовало с Даши, которая вовсе не собиралась уступать любимого шведской шлюхе. Артур же имел свой интерес. Ему хотелось почаще

встречаться с Сибиллой вот так, в дружеской компании. Блудливый женатик боялся, что желанная блондинка упорхнёт с новым кавалером, получив поворот от Лёвкиных ворот. Артур решил пока делить вакханку с другом, а там, чем чёрт не шутит, вдруг да удастся развестись с Маринкой? Не век же с ней пыхтеть!..

Артур и придумал тот жестокий, но очень действенный трюк. Лёвкину свадьбу отменять не стали, чтобы не нервировать раньше времени его родителей. Бремя ответственности за разрыв предполагалось взвалить на осточертевшую невесту, которая никак не желала уходить по-доброму. Лёвка должен был оставаться чистым перед семьёй и начальством, но в то же самое время избавиться от ненужного брака.

Ближе к середине февраля молодые готовились навестить «Грибоедовский» дворец. Несчастный Лёвка старался не думать о будущем, во всём положившись на друга. И друг его не подвёл.

В день свадьбы все собрались у Райниковых. Будущая Лёвкина тёща, властная дама с грудью-печью и зычным голосом, принялась распоряжаться у сватов, как в собственной вотчине. Она пожаловала к оторопевшим родителям жениха в длинном салопе с фигурным подолом, сшитом из

норки сорта «голубой сапфир», к которому очень шли серьги с бриллиантами и эмалью небесного цвета. Полный палец украшало кольцо в стиле ар-деко, а на бархатном лиловом платье сияла внушительная брошь, само собой, сплошь алмазная.

Сверкая всем этим великолепием и наслаждаясь произведённым впечатлением, мадам Гаврилова уже в который раз проверяла, всё ли готово для торжественного выезда. Семиметровый «Кадиллак» должен был вот-вот подъехать к парадному в сопровождении других иномарок. Дарья в белом переливающимся платье с кринолином и волочившейся по коврам фате, шелестела вплетёнными в причёску цветами, то и дело меняла украшения, вертелась перед огромным зеркалом. И вдруг она выбежала в гостиную, двумя пальчиками подобрав подол.

– Ма-а-ама! Лёвчик букет забыл привезти! Ну, ты же обещал!

– Что?.. Я обещал? – Райников, ослепший и оглохший от горя, чувствовал себя приговорённым к смертной казни.

И уже не был уверен, что друг сможет его в последний момент освободить. Лёва видел перед собой эшафот – ковёр во Дворце бракосочетаний. И палача с трёхцветной лентой через плечо – ту самую заведующую, что будет их регистрировать. Вроде бы Артур действительно говорил, что Лёвка

взял на себя доставку букета, но за ним ни в коем случае не ездил. Несчастный жених выполнил распоряжение, не понимая, зачем всё это нужно. И теперь он стоял перед разгневанной тещей, опустив голову, как провинившийся первоклассник перед строгой училкой.

– Я.. Я закрутился вчера вечером... Меня в Министерство срочно вызвали. Но я мигом, сейчас! Ещё время есть!

– Ну и болван же ты, сынок! – Тёща ударила Лёвку словами, как обухом по голове. – Вот, значит, с чего ваша семейная жизнь начинается! Господи, помилуй! А потом, когда папочки рядом не будет, сам и шнурки, небось, не завяжешь? Если бы мы твоим слово не дали, я первая выступила бы против свадьбы, честное слово! Дарья, ну что ты в нём нашла? Это же кисель, а не человек! Его же дорсих пор с ложки кормить надо. Пусти его сейчас за букетом, он вообще потеряется...

– Я в момент слетаю! – подскочил Артур Тураев – свежий, гладко выбритый, в смокинге с чёрной «бабочкой» у ворота. – Езжайте, а я букет прямо во дворец доставлю. Кстати, мы вместе его и заказывали, дорогу я знаю. Не нужно только нервничать по пустякам, Нина Ивановна! В такой-то день! Ещё столько предстоит, а у вас уже давление повышено! Езжайте, а я мигом! Кину Даше букет прямо у двери, вот увидите...

– Ну ладно, – проворчала Нина Ивановна. Она не очень-то доверяла Артуру и в то же время понимала, что другого выхода нет. Вряд ли лучше него кто-нибудь из собравшихся управится, тем более времени в обрез.

Тураев на лифте съехал вниз, во дворе открыл свой новенький «Гелендваген». И, обдав прохожих веером снежно-соляных брызг, вылетел за шлагбаум. Но Лёва ещё не знал, что задумал друг, и считал себя уже окольцованным. Неужели Артур хочет опоздать, оставить Дарью без букета, и таким образом сорвать свадьбу? Не похоже на него, не такой наивняк. Букет и во Дворце купить можно, там салон недалеко. А то, бывает, тётки прямо у дверей торгуют. Похоже, ничего умнее Артур не придумал, и придётся забыть о прекрасной Сибилле.

Она почему-то не хотела, чтобы Лёва женился на Даше. Значит, сама имеет на него виды – без вопросов. Но если сегодня церемония состоится, Сибилла долго ждать не станет. Тот же Артур её запросто уведёт. Наверное, потому затеял эту байду с букетом. Вроде, и помогал, но, извините, не вышло!

Огромный свёрток в упаковочной бумаге, как Артур и обещал, прямо у дверей Дворца полетел Даше в руки. Нина Ивановна погнала брачующихся вверх по лестнице, чтобы они успели отдышаться и

привести себя в порядок. Сама она, устроившись в кресле напротив входа в зал, принялась разворачивать слишком уж большой свёрток, надрывно проклиная дурака-зятя и его черномазого приятеля, которые не сумели выбрать нормальный свадебный букет из флёр д'оранжа и мелких розочек.

Лёвка, который шёл из туалетной комнаты, как бычок на закланье, вдруг услышал истошный вопль Нины Ивановны и бросился вперёд. Она голосила так, что сбежались другие пары, их родственники и сотрудники дворца. Дашин важный, грузный отец, растерянно хлопая глазами, поддерживал в кресле рыдающую жену, которая вместо свадебного букета только что извлекла из упаковки похоронный венок с чёрно-золотым бантом. Собравшиеся издали на диво слаженный стон, а после сделалось так тихо, что звучащий за дверью марш Мендельсона показался очень уж громким и совершенно неуместным.

– А-а-а-а-а! Забирай, придурок!

Нина Ивановна отшвырнула от себя венок, словно ядовитую змею. Артур легко его поймал, повесил себе на локоть и подмигнул оторопевшему Лёвке.

– Ну, хватит! Достаточно! Да чтобы я после этого хоть на секунду здесь осталась! Дарья, поехали домой! Другого найдёшь! И выйдешь

замуж по-людски. Платье твоё не зависится, небось!..

– Ну, мама... – попробовала возразить дочь, за что получила увесистую затрещину.

Собравшийся народ бурно обсуждал происшествие. Одна пара едва не пропустила свою очередь, увлечённая вспыхнувшим скандалом. Родители Лёвы наперебой пытались убедить сватью, что, скорее всего, флористы просто перепутали заказы, и можно будет потом отсудить компенсацию.

– Примета плохая – не будет счастья, – перешёптывались вокруг, а для Льва Райникова эти слова звучали золотой симфонией. Он понял всё и еле сдерживался, чтобы прилюдно не пожать Артуру руку.

Даша рыдала, прикрыв ладонью щёку, и сквозь слёзы выкрикивала, что во всём виновата именно мать. Она слишком сильно обижала Лёву, считая его низшим по рангу, а он тоже не деревянный.

– Да плевать мне, случайно или нарочно! – вопила Нина Ивановна, не слушая никаких уговоров. К ней даже вышла заведующая, но всё это не помогло. – Да чтобы после такого знамения под венец идти?! Спасибо, Боженька, спасибо, всемилостивый! Вразумил нас, грешных! Короче, отбой! – Нина Ивановна схватила Дарью за локоть

и потащила к выходу. – Не бойтесь, сама всё отменю и утрясу! Заплачу даже за такое счастье... Чтобы вас больше никогда не видеть! И уж, будьте покойны, все люди узнают, как вы доченьку мою одарили, чего пожелали ей, голубушке... Да будьте вы прокляты вместе с вашим недоноском! Получите то, что нам сулили!

Нина Ивановна тогда ещё не решалась оскорблять лично Артура, хотя на языке у неё вертелись разные обидные слова типа «чурка», «ишак» и «урюк». И от невозможности высказаться по полной программе в сей тяжкий миг она осатанела до пены на губах. Лёва, наблюдая это, с ужасом подумал, что венюк может потребоваться самой Нине Ивановне, и тогда они с Артуром станут убийцами.

– Венюк я забираю, – шепнул Тураев другу. – У меня как раз приятель доширлся – сейчас еду хоронить. Ты прикинь, какая разница получилась. Потом сочтёмся.

– Я вижу, жених не сильно расстроился, – заметил Марк Райников. – Что же ты раньше не отказался в этот брак вступать? Не поехал бы в Грецию? Да! Страна НАТО – мало ли что? Но разве в других подразделениях места для тебя не нашлось бы? Только в расходы ненужные да в скандалы вогнал обе семьи...

– Похоже, этой свадьбы не хотел никто, –

согласился с несостоявшимся сватом Сергей Сергеевич Гаврилов. – Кроме, может быть, Дарьи. Да и то только потому, что она молодая и глупая. Помимо вашего Лёвы она и мужиков-то не знала. Не с кем сравнивать было – только и всего. Давайте, раз уж так вышло, разойдёмся миром и позабудем всё, не то погрязнем в упрёках и сварах...

– А я, Серёженька, не хочу забывать! – взвилась до потолка Нина Ивановна. – Осрамили нас на всю Москву, а ты позор забыть хочешь? Да на тебя теперь в любом приличном доме станут пальцами показывать, в каждом салоне кости перемоют. Дочерью твоей побрезговали, а ты давай, подставляй левую щеку! Пускай ещё врежут! Я всё не верила, что про него, – Нина указала на Лёву длинным алым ногтем, – болтают. Не по рылу ему, казалось. А теперь вижу – правду народ говорит. Пока мы, высунув языки, к свадьбе готовились, ваш Лёвушка с гулящими девками по ресторанам таскался. Молчи! – заорала Нина Ивановна на Райникова-младшего, который, вспыхнув и сжав кулаки, шагнул к ней. Он намеревался если не ударить зарвавшуюся хамку, то уж точно оскорбить. – Заткни хлебальник, гад, или я сейчас при всех её имя назову и расскажу, чем эта особа занимается в Москве! И не только в Москве, между прочим! А отец-то у неё приличный – говорят,

потомок короля Карла, который в Полтаве с Петром воевал. А воспитал... – Нина Ивановна безнадежно махнула рукой. – Сергей, Даша, пойдёте отсюда. Пускай венок этот себе на погребение забирают. Их придурок обязательно плохо кончит, если останется с той шпионкой. Ему этот знак был, не нам. У нас совесть чистая. Не реви!

Нина бесцеремонно, как в детстве, вытерла дочери нос. Дарья надрывно рыдала.

– Нужны тебе объедки poste потаскух всяких? Да мы тебе иностранца найдём, хочешь? У меня на примете есть один. Он, правда, португалец, но ничего, всё ж таки Европа! Или вот ещё один – украинец, но давно осел в Канаде...

А Лёва Райников тогда, похоже, и впрямь сошёл с ума. Не заезжая домой, прямо из дворца, в свадебном костюме, он заехал в салон и купил большую корзину с дорогой композицией из белых роз, резеды и какой-то длинной острой травы. Потом поймал такси, поставил корзину на заднее сидение и отправился к Сибилле – в ту самую квартиру на Тверской, где они потом подолгу жили вместе. Поднялся в лифте, прижимая к себе корзину, робко подошёл к двери, похожей на плитку шоколада.

Отворила ему экономка Амалия, которую Юхансон возил с собой по всему миру. И, похоже, жил с ней безо всяких для себя обязательств.

Амалия уже знала Лёву Райникова и поэтому, увидев его, заученно улыбнулась.

– Добрый день! Фру Сибилла сейчас принимает ванну. Она освободится примерно через полчаса. Можете подождать её здесь или приехать попозже. В цветах есть ваша визитка?

– Нет. Я подожду. – Лёва действительно не предполагал, что сделает через минуту.

Амалия ушла, плотно прикрыв двери и оставив нарядного Лёву с его корзиной. Он немного побродил по просторной гостиной с окном-фонарём. Понаблюдав, как по улице метёт февральская вьюга вдоль Тверской, а потом вдруг удивился – неужели свадьбы не будет?.. Ситуация разрешилась неожиданно легко, хотя сам он до такого никогда не додумался бы. Это проделки именно Тураева, который, кроме всего прочего, болезненно воспринимал такие вот вынужденные браки.

Всеми силами своей страстной души Артур ненавидел родителей, желающих любой ценой выдать замуж дочерей. «Хоть бы подумали, как потом их чадо будет жить дальше! – негодовал он, горячо жестикулируя и сверкая налитыми кровью глазами. – Ведь будет всё время рядом с человеком, который терпеть её не может!..»

Вспомнив эти слова друга, Лёва вскочил, как ужаленный. Он почему-то решил, что нужно

поторопиться. Иначе сроки затянутся, Сибилла уедет из Москвы, а после Артур разведётся с Мариной и вступит в борьбу с ним. Правда, Амиру нет и года, брак вряд ли расторгнут в ближайшее время, но решающий шаг всё равно надо сделать сегодня. Тогда, по крайней мере, он будет знать о реакции Сибиллы на своё предложение, смысл которого понятен всем мужчинам и женщинам без всяких пояснений.

Он знал, где помещается ванная, потому что сам несколько раз принимал там душ по утрам. Сибилла предлагала тогда освежиться вместе, но Лёва почему-то постеснялся, а теперь ругал себя за это. Надо быть раскованнее, смелее, проявлять побольше изобретательности в сексе, чтобы любимая не заскучала, как тогда, на приёме.

Сибилла никогда не запирала дверь в ванную – после давней травмы головы врачи запретили ей делать это. Помощь, в случае чего, должна была прийти как можно скорее. Не изменила она этой привычке и сегодня. Когда Лёва, в свадебном костюме, с бутоньеркой в петлице и корзиной цветов в руках толкнул плечом дверь, Сибилла как раз придирчиво разглядывала изящно вскинутую вверх ногу. В руке у неё Лёва заметил дамскую бритву, и удивился тому, что вода в ванне белая.

– О-о, Бог мой!

Сибилла радостно округлила прозрачные

глаза. Её лицо было покрыто мельчайшими росинками пота, и Лёва захотелось поцеловать каждую капельку. Без макияжа Сибилла показалась ему ещё более очаровательной, бесхитростной, даже беззащитной. Она быстро спрятала бритву в складках непромокаемой шторы и опустилась поглубже под воду – не столько от стыда, сколько от желания пококетничать.

– Ты откуда такой пышный? Вроде бы собирался жениться?

– Да, я с собственной свадьбы.

Лёва почувствовал себя смешным и жалким в запотевших очках, с мокрым лицом и съехавшей на бок «бабочкой».

– Поздравляю! – немного нараспев произнесла Сибилла, и Лёва с радостным трепетом отметил, что в глазах её мелькнула тень. – Пришёл попрощаться? Мы могли бы встретиться и попозже, малыш...

– Для этого – да. Но я приехал за другим.

Райников поискал, куда бы поставить корзину. Сцена, конечно, получилась дурацкая, но любовь даже солидных людей делала безумными.

– Зачем же? – с самым искренним интересом спросила Сибилла и даже приподнялась из белой воды. «Она разнежилась в ванне и не управилась бы за полчаса, – отметил Райников. – Я правильно сделал, что поторопился...»

– Я хочу, чтобы не состоявшаяся сегодня свадьба стала нашей с тобой, Сибилла. Получился скандал, который, похоже, разрядил обстановку. Жаль только Дашу, которая действительно любит меня. Но именно поэтому я не хочу портить ей жизнь, не хочу притворяться. Она ещё молода, её отец занимает высокую должность, так что в женихах недостатка не будет. Надо было нам расписаться пораньше, но чего уж теперь?..

– Ты делаешь мне предложение? – улыбнулась Сибилла совсем по-детски, словно на Рождество обнаружила в повешенном у двери носке желанный подарок. – Неужели из-за меня расстроилась твоя свадьба? Ты говорил, что не женатых не выпускают для работы в Грецию. Значит, ты и выгодного назначения лишился? И тоже по моей милости? Не много ли почёта для скромной вдовы байкера?

Сибилла приподнялась в ванне, дав Лёве возможность полюбоваться белыми жемчужинами воды на своей смуглой коже. Райников зажмурился, изнемогая от желания поймать губами её сосок, похожий на бутон кремовой розы.

– Для тебя не может быть много почёта, любимая!

Лёва, неожиданно для себя, встал на колени, на мозаичный влажный пол. Потом схватил тонкую руку Сибиллы и сжал её так, что хрустнули пальцы.

– Только не мучай меня, не тяни! Скажи сразу – да или нет. Иначе я сойду с ума, терзаясь, разрываясь надвое! Я понимаю, ты не любишь меня, не можешь любить... Я не достоин тебя, но всё же смею надеяться... Только не молчи! Не проси времени на раздумья! Ты ведь принимаешь решения мгновенно, ни с кем не советуясь. И ты уже сейчас знаешь, что сказать. Так ответь, Сибилла! И я или уйду навсегда, или навсегда же у тебя останусь. Ведь ты свободна. После гибели мужа ни с кем больше не стояла у алтаря. Я окрещусь, мы обвенчаемся по лютеранскому обряду. Я сделаю всё, что ты пожелаешь, и в этом пойду против воли родителей. Мне уже двадцать четыре, и я вправе выбирать себе жену. А карьера? Ничего, не пропаду в этом мире. Особенно если рядом будешь ты!

– Да, я действительно уже всё решила, – так же нараспев, с пикантным акцентом, промолвила Сибилла. И Райников впервые удивился, что она так хорошо знает русский. – Ты многого обо мне не слышал, милый, и сейчас я не настроена исповедоваться. Подумай и скажи, примешь ли ты меня любую, отверженную и опозоренную, нищую и больную? А ведь я каждую минуту рискую потерять молодость и красоту, здоровье и жизнь. Я лучше других знаю, как зыбко всё в этом мире, как короток путь с вершины в пропасть. И если ты

покланёшься мне на крови, что не оставишь меня никогда, даже узнав обо мне самое постыдное, самое страшное, если готов разделить мою вину – тогда я согласна! Но предупреждаю тебя сразу же – подумай хорошенько! Разве нужна тебе жена со столь скверной репутацией? Сейчас ты возбуждён, по потом это пройдёт. И ты ужаснёшься, сообразив, что натворил под горячую руку!

– Нет, нет, Сибилла! Я готов сейчас же поклясться кровью! – У Райникова перехватило дыхание от этих грозных, величественных слов. – Что бы с тобой ни случилось... я не оставлю тебя. Я не стану слушать никаких порочащих тебя сведений, вне зависимости от того, ложь это или правда. Я готов узнать про тебя всё, что угодно, и сразу же забыть. Потому что всё на свете условно, а истинна только любовь! Если у тебя нет другого мужчины, с которым бы ты хотела пойти под венец, то я здесь и сейчас сжигаю за собой мосты. Я немедленно поклянусь!..

– С этим успеется. – Сибилла, обняв мокрой рукой шею Лёвы, легонько коснулась губами его лба. – Да у тебя жар! Ты бредишь! Я не желаю пользоваться твоим болезненным состоянием и вырывать клятву. Нет, я не отказываю тебе, ни в коем случае! Я просто хочу, чтобы ты вспомнил о родителях, о матери в первую очередь. О, как мне всю жизнь не хватало мамы, если бы ты знал! И я

завидовала всем, кто мог обнять свою мать, поцеловать её, поговорить с ней, спросить совета. Не обижай свою маму, малыш. Я уверена, что она будет против. А отец – тем более. Они могут отринуть тебя, и я буду мучиться вечно!

– Я постараюсь им всё объяснить.

Райников так и стоял на коленях. Вода в ванне совсем остыла, но Сибилла не чувствовала холода.

– Они должны принять выбор сына ради его же счастья. Если я ошибся – отвечу сам, и буду судить себя жестоко. Но обращаться со мной, как с вещью, как с комнатной собачкой не позволю. Я их единственный сын, и вряд ли родители отрекутся от меня. Возможно лишь временное охлаждение, пока они не привыкнут, не смирятся с неизбежным. А, главное, они очень хотят внуков, – возбуждённо зашептал Райников. – Если у нас родятся дети, старики всё простят!

– Я тоже очень хочу детей, – призналась Сибилла, и мечтательная светлая улыбка скользнула по её губам.

Скользнула и пропала, но Райников всё же успел заметить, как вспыхнули материнской нежностью огромные глаза цвета персидской бирюзы.

– Но не знаю, как вести себя в семье. Всю жизнь меня воспитывали няни и гувернантки. Амалия заботится обо мне, как может. Но всё же

это – не семья!

– Так давай создадим эту семью! Построим от фундамента по кирпичику! – радостно заорал Лёва. – Я понимаю, что это непросто. И даже наш с тобой брак потребует согласования в инстанциях, долгого ожидания. Но мы ведь пройдем через это, любовь моя?

– Пройдем! – как эхо откликнулась Сибилла. – Если ты не остынешь, когда выпишься, не возьмешь свои клятвы назад, то пройдем. За своё счастье я привыкла бороться. Тогда, при мотоциклетной аварии, у меня случился выкидыш, и больше никаких шансов не было. Я предупреждаю, что внуки могут и не родиться сразу. А вдруг я вообще никогда не смогу забеременеть? Это ведь тоже возможно. И ты не должен упрекать меня в этом. Теперь ты всё знаешь!

Сибилла легко встала, обдав Райникова брызгами белой воды, не глядя, сорвала с серебристого крючка купальный халат. Лёва смотрел на неё сквозь запотевшие очки и видел силуэт мраморной статуи, который вдруг пропал под махровой тканью.

– Почти всё... Но это неважно. Сейчас тебе кажется, что я зря тяну время. Но после ты поймешь, что должен был всё тщательно обдумать. Мы ещё не поклялись кровью, и потому обратная

дорога для тебя открыта. Я вовсе не тот ангел, которого ты вообразил себе. Я могу быть чёрствой, равнодушной, жестокой. Я потребую от тебя таких жертв, на которые не каждый мужчина решится, как бы он ни любил. А пока нам нужно просто выпить, чтобы поддержать силы.

Сибилла нажала на кнопку у бортика ванны, и почти сразу же послышались торопливые шаги. Амалия приоткрыла дверь и тихо обомлела, увидев в ванной Райникова. Сибилла, в купальном халате, с капюшоном на мокрых волосах, нюхала розы, прижимая корзину к груди. Заметив гримасу на лице экономки, она расхохоталась, как напроказившая девчонка.

– Амалия, принесите нам вина! Допустим, красного сухого французского... И поставьте эту корзину в мою спальню. Не удивляйтесь тому, что увидели. Ведь супругам не зазорно вместе находиться в ванной...

– Супругам? – прошептала Амалия, не веря своим ушам.

– Да, господин Райников только что сделал мне предложение, и я приняла его. Мы хотим скрепить наш будущий союз сейчас же. Очень прошу вас пока ничего не говорить папе. Я объявлю ему сама, когда сочту нужным.

– О да, фру Сибилла, я очень рада за вас и вашего избранника!

По тону Амалии Райников понял, что на самом деле никакой радости она не испытывает. Экономка унесла корзину, и Сибилла проводила её задумчивым взглядом. Райников тупо смотрел на пустую ванну. Вода давно ушла, оставив на стенках налёт, похожий на остатки жидкого творога или кефира.

– Что ты добавляешь в воду? – Лёва протёр полотенцем очки, обнял Сибиллу сзади и поцеловал во влажную длинную шею.

– Ах, ты же не знаешь! Это – знаменитая «ванна Клеопатры», с молоком. Разумеется, молока там не так много – всего два стакана сухого. Ну, и другие добавки, которые придают воде жемчужный оттенок...

Амалия вернулась с бутылкой «Шато Бель-Эр» на подносе; рядом нежно позванивали два бокала. Не говоря ни слова, пожилая женщина поставила поднос на мраморный столик и вышла в коридор. Райникову показалось, что Амалия то ли тяжело вздохнула, то ли всхлипнула.

– Тебе ещё нужно время на раздумья? – вдруг тихо, но твёрдо спросила Сибилла.

Её зрачки сверкнули у глаз Райникова, и ему впервые стало страшно. Но отступить он не хотел, чтобы потом не презирать самого себя до конца жизни. Скорее всего, Сибилла просто испытывала его, чтобы проверить чувства. Хотела показать, что

может быть властной, крутой, неуступчивой, дабы потом муж не упрекал её в притворстве.

– Нет, не нужно. Я всё решил. Женюсь только на тебе!

– И на опозоренной? И на бесплодной?

Глаза Сибиллы поймали его взгляд и не отпускали. Зрачки колдуньи фосфоризировали даже не свету.

– На любой. Я тебе всё заранее прощаю. И то, что было...

– И то, что будет! – прервала Сибилла. – Я не обещаю хранить тебе верность. Ещё есть время дать задний ход, если ты ревнив. Гарантирую одно – рожать, если получится, буду только от тебя.

– Согласен! Согласен на всё, только стань моей!

– Тогда разлей вино! – приказала Сибилла.

Пока Райников дрожащими от волнения и радости руками наполнял бокалы, Сибилла открыла один из шкафчиков, достала длинную опасную бритву. – Это старая, папина. Смотри сюда!

И Сибилла, задрвав рукав халата, полоснула бритвой по запястью Потрясённый Райников всё же успел заметить на коже своей избранницы несколько тонких шрамов. Получается, она клялась таким образом не впервые.

Тёмная, как вино, вишнёвая кровь стекла сначала в один бокал, потом – в другой. Сибилла

наскоро перемотала полотенцем руку, выжидательно глядя на Лёву. Тот поспешно стащил в себя смокинг, рубашку и «бабочку», остался только в майке. Протянул руку и внутренне сжался, ожидая острой боли. Но Сибилла сумела так ловко и быстро вскрыла вену, что Лёва почти ничего не ощутил. Его кровь вытекала быстрее, чем у Сибиллы, и казалась более светлой.

Когда Сибилла перевязала ему руку и легонько встряхнула бокалы, Райников почувствовал себя невесомым. Голова кружилась, а ног словно не было. Невеста, не говоря ни слова, протянула ему бокал. Райников с трудом обхватил пальцами гранёную горячую ножку, припал губами к краю.

Он повторял за Сибиллой какие-то слова, плохо понимая, что они означают. Для него перестало существовать прошлое, в котором не было Сибиллы. Он как бы заново родился сейчас, и каждый глоток колдовского вина из этого бокала превращал его в другого человека, пусть внешне очень похожего на прежнего. Теперь Лёва готов был принять от необыкновенной женщины всё, даже смерть, и в душе радовался этому...

А потом были долгие томительные месяцы ожидания, поездки по свадебным салонам нескольких городов мира. Там Сибилле купили два

платья – белое в греческом стиле и голубое, из итальянского шёлка. На понедельник, четвёртое октября, назначили долгожданную церемонию, которую Лёва не захотел перенести даже в связи с боевыми действиями в столице.

И под бомбёжкой он готов был сочетаться со своей королевой, потратив на это последние минуты жизни. Единственное, что им пришлось поменять, – место проведения банкета. По центру Москвы носились бэтээры и военные грузовики, на Пресне и Новом Арбате то и дело щёлкали выстрелы. А после над Москвой-рекой столбом поднялся чёрный дым. И жутко было представлять, как выглядит из окон отеля «Украина» беломраморное здание Парламента, ставшее символом их запретной, но сладкой любви.

Танки прямой наводкой били по Дому, звенели разбитые стёкла, кричали люди – кто радостно, кто испуганно. И першило в горле от едкого дыма, расползающегося по всему центру.

И уж совсем невероятным казалось то, что приказ стрелять по своим отдал тот самый Президент, который любезничал с Сибиллой на новогоднем приёме. Очень милый, улыбчивый, простецкий дядька, который так возмущался из-за зверств большевиков в давние времена! Впрочем, ранее это ему совсем не мешало быть первым секретарём обкома КПСС...

По улице носились «скорые» с включёнными маячками и ойкающими сигналами. Их свадебный белый «Кадиллак» еле продвигался в потоке совсем не праздничного транспорта. То и дело приходилось предъявлять военным и ментам документы, и в результате Райников предложил перенести банкет в Царицыно. Разумеется, никто из гостей не возражал.

Его свидетелем был Артур Тураев, сегодня хмурый и молчаливый. Услышав про Царицыно, он не разжал губ – только кивнул головой. Таким и запомнил его Райников – в небесного цвета костюме, с триколорной лентой через плечо. И в страшном сне не приснилось бы тающему от сладкой неги новобрачному, что со своим дорогим другом он встретится только через тринадцать с лишним лет. Что постарается забыть о нём, внезапно впавшем в немилость.

Не вспоминал он и о Даше Гавриловой, оказавшейся после всего в психиатрической больнице – её застали на кладбище во время раскопки свежей могилы. Кости ей были нужны для «заговора на гибель», но добыть их не удалось. Не для того Лёва семь месяцев ждал этого дня, выбирая ресторан, меню, наряды и цветы, чтобы скомкать торжество из-за разборок в верхах, пусть даже туда оказался втянутым Артур, и очень многие другие люди тоже...

Они ехали из Дворца, а навстречу им по тротуару Садового бежал взвод солдат, почему-то в противогазах. И Лёва, наряженный в серый смокинг с муаровыми отворотами, расхохотался, заметив этих несчастных «слоников». Ему казалось, что в этот солнечный осенний день всё живое должно радовать, забавлять, смешить, потому что он наконец-то стал законным мужем своей богини. Но гости вели себя неестественно. Веселье получилось натужное, фальшивое. И все разговоры вертелись вокруг кошмара, творившегося в центре города, а о молодых как-то сразу позабыли.

Над блюдами русской царской кухни, над бутылками изысканных вин, над бесчисленными вазами с цветами словно стелился тот самый дым с излучины Москвы-реки. И Райникову казалось, что в банкетном зале воняет гарью, и где-то среди полыхающих осенней листвой деревьев стреляют танки, хотя на самом деле они давно уже смолкли.

Разрешение на брак они получили сравнительно быстро – возможно, повлияла справка о беременности будущей фру Райникофф. Лёве хотелось на радостях обнять и расцеловать каждого встречного, кричать во всё горло о том, что в апреле он станет отцом. Но ситуация не располагала к беззаботному хохоту, и это Лёву сильно раздражало. Чтобы отвлечься, он рассматривал своё обручальное кольцо –

платиновое, с алмазной нарезкой, на внутренней стороне которого было выгравировано имя Сибиллы.

Он боялся, что жена расстроится из-за внезапно возникших сложностей, сочтёт происходящее дурным предзнаменованием – гораздо хуже того венка. И потому то и дело наклонялся к ней, спрашивал, не хочет ли дорогая выпить лимонаду, прогуляться, подышать свежим воздухом.

Они ушли из-за стола и долго бродили вдвоём, взявшись за руки, по аллеям осеннего парка. Солнце, заходя, посылало им свои длинные, остывающие лучи. Гигантские тени скользили рядом по траве, по песку и камешкам садовых дорожек.

А когда они вернулись в ресторан, то узнали, что Артур Тураев уехал, не попрощавшись, и оставил на своём стуле трёхцветную ленту. Дальняя родственница и свидетельница со стороны Сибиллы Мина, ни шиша не понимавшая по-русски, безуспешно пыталась понять, что происходит в российской столице. Она боялась возвращаться на Тверскую, где остановилась по прилёте из Стокгольма, и хотела перебазироваться куда-нибудь на окраину.

На Мине тоже была надета свидетельская лента. Гостья с интересом изучала обшитую

золотистой каймой бело-сине-красную полоску ткани; а после начала фотографировать всех подряд в самых нелепых и забавных позах. Когда появлялись наиболее удачные кадры, Мина начинала хлопать в ладоши и кричать что-то Сибилле по-шведски. Новобрачной ради приличия приходилось всё это переводить, и она тоже устала.

Молодые уехали вскоре, оставив своих гостей пировать до наступления комендантского часа. Вернувшись на Тверскую, долго пытались разыскать по телефону Артура, но не смогли.

... Райников, несмотря на предупреждение Тураева, давно уже остановил джип. Опустив голову на руль, он ждал, когда стихнет ломота в сердце. Странно, ведь раньше никогда такого не было. Они с Сибиллой даже венчались под водой, в аквалангах, ещё до гражданской регистрации брака.

Это случилось в июле девяносто третьего, в пучине Карибского моря, куда вместе с молодожёнами погрузился такой же увлечённый дайвингом пастор. Несмотря на экстравагантность церемонии, небо благословило их союз, и через месяц Сибилла шепнула Лёве: «Скажи родителям, что у них будет внук!»

Она стала капризной, ела только бразильский капустный суп, азиатские вонтоны, португальскую треску, запечённую с перцем. Но больше всего её тянуло на японскую кухню – суши, роллы, салаты.

Точно так же получилось и спустя три года, когда Сибилла носила их второго ребёнка, и УЗИ, несмотря на предварительные прогнозы знакомых, опять показывало девочку.

Берта и Агата, крошки мои, папа едет к вам! Бабушка ваша там, наверное, весь корвалол выпила, а я, гад, отключил смартфон и даже не заметил, когда именно! Сейчас – въезд на Кольцевую, а за ней – Можайское шоссе. Всё, амба, завтра весь день буду с вами – сейчас ведь каникулы.

Надо погулять с девчонками, в парк их свозить. Хотя сейчас и в парке хреново – без снега, без катка, без лыжни. Глобальное потепление, мать его! Кроме того, Агата приглашала на своё выступление – надо бы сходить. Ба, Стефан ведь зачем-то набирал... Непременно следует выяснить, что у него не в порядке.

Чёрт, а вдруг девчонок сейчас опасно возить с собой? Может, лучше подождать, пока с дискетой всё разрешится? Как бы в оборот их не взяли из-за этого досье... Отделаться бы от него поскорее, а с дочками поболтать и дома можно. Кстати, маме тоже так спокойнее. Значит, решено – завтрашний день посвящаю семье!

Полночи уйдёт на успокоение матери – она ведь обязательно прочитает нотацию, будто не тридцать восемь ему, а восемь. В этом отношении с Сибиллой проще. Она никогда не выведывает, где

был, почему задержался, но и сама не терпит этих разговоров.

А Артур молодец – другой на его месте послал бы предателя подальше. Ведь ничем тогда Райникову эта дружба не грозила. Лёва и сам понимал, что за отца, давно ушедшего от них, друг отвечать не будет. Но вот почему-то не хотелось Лёве, чтобы Тураев вновь возник на его горизонте. Даже когда тот работал на Петровке, был майором милиции... Видно, действительно боялся, что Сибилла тряхнёт стариной, а оставить её не хватит сил.

Артур после развода с Мариной больше не женился. И вот такой, свободный, он был для Райникова так же опасен, как головешка в столу сухого сена. Лёва жадно выслушивал новости, касающиеся старого друга, и в двухтысячном году был шокирован известием о том, что Артур осуждён за тройное убийство.

Тогда они с Сибиллой и детьми жили в Ханое, откуда перебрались в Шанхай. Поначалу супруги решили, что произошла какая-то ошибка. Артур, как бы он ни был горяч, вряд ли решится на столь страшное преступление, да ещё будучи сотрудником органов правопорядка. А после оказалось, что жертвы его были жестокими и изобретательными бандитами, вроде нынешнего Аргента. И у них тоже была «красная крыша»,

мешавшая привлечь негодяев по закону. Тогда Артур и решил попросту пристрелить двух главарей и начальника их охраны, чтобы раз и навсегда избавить мир хотя бы от нескольких уродов.

Вот это был действительно в стиле Тураева – жертвовать собой ради других. За пять лет, что он провёл в зоне, на него трижды покушались. Но всё-таки Тураев вышел по УДО, отбыв половину «червонца», положенного ему по приговору. По другим сведениям, ему поменяли статью на более мягкую. Опять пришлось вмешаться отчиму, потому что Нора плакала каждый день. Но теперь Альберта Александровича нет, и Артура будет трудно прописать обратно в Москву. Да он, судя по всему, не очень и хочет, а то спохватился бы раньше.

Лёва вспомнил, что утром старшенькая, Берта, очень просила шестого января побывать на её премьерe. У них сложился целый вокально-инструментальный ансамбль, куда вошли члены подросткового клуба. Кроме того, обе дочери там же учились шить и вязать, делать декоративные цветы и мягкие игрушки. Всех знакомых одарили, а ещё себе оставили на будущее. Не всё же им в компьютер пялиться, здоровью вредить. Нужно уже становиться хозяйками и, кроме того, развивать вкус, чтобы уметь отличать настоящее искусство от

попсы.

Райников включил зажигание, немного прогрел мотор, осматривая шоссе. Ничего подозрительного – «тачки» проносятся мимо, не притормаживая. И никаких гаишников вокруг. Только ветхая старушонка ковыляет по обочине в сторону Москвы, и скоро поравняется с джипом Райникова. Как её занесло-то сюда в такое время? На автобус, что ли, опоздала? Неужели надеется добраться до города пешком, практически ночью, когда общественный транспорт не ходит? Лёва вспомнил, что не видел ни автобусов, ни маршруток этим вечером. Ещё не все просохли после Нового года, а скоро Рождество, потом – Старый новый год...

Жаль, что Сибиллы нет рядом, а то устроили бы праздник по-шведски, пусть даже и в России. Двадцать пятого декабря они всегда навещали Харальда Юхансона, который души не чаял во внуках, и все вместе готовились к таинству. Украшали дом звёздами и канделябрами, делали свечи разных цветов и ароматов. Выставляли на стол фамильную древнюю посуду, когда рядом с каждой тарелкой лежало по десять ножей и вилок.

Харальд усаживался вместе с внуками смотреть мультики, а Лёва с Сибиллой и Амалией готовили традиционный стол. Всегда на нём появлялись свиные колбасы, окорок, селёдочный

салат, домашний паштет, солодовый хлеб. Сплетать венок из веток сосен и брусники лучше всего получалось у Стефана. Венок потом вешали на дверь особняка, стены украшали гобеленами, затканными соответствующими картинками. На стол стелили скатерти с зимними пейзажами или изображениями Санта-Клауса.

В последнее время все эти вышивки, а также гномики и ангелочки изготавливались лично Бертой и Агатой. Но, к сожалению, бабушки уже не было в живых, и имение перешло по наследству к Сибилле. При ней, как и при отце, в комнатах благоухали гиацинты, а в Сочельник вся семья собиралась перел плазменным экраном в гостиной. И уютный дом, так похожий на пряничный рождественский сувенир, уютно светил оранжевыми окнами среди глубоких лиловатых снегов и заиндевелых нордических елей.

Так хотели провести они и эти праздники, но в начале декабря Сибилла сообщила мужу о незапланированной командировке в Кению. Он удивился – жена только что вернулась из Австралии, откуда в числе прочих сувениров привезла и бумеранг. Тогда с ней три месяца прожил Стефан, до сих пор с восторгом вспоминающий сёрфинг на океанских волнах.

Верный своей клятве кровью, Лёва решил ни о чём жену не спрашивать и устроить шведский стол

для детей на православное Рождество в Москве. Он уже начал вспоминать, как нужно делать окорок, но тут в ветровое стекло трижды постучали.

Он не ошибся – та самая бабка явно переоценила свои силы и теперь хочет, чтобы её подвезли. Январский бесснежный вечер здесь казался ещё более мрачным, и одинокой старухе не к кому было обратиться за помощью. Денег у неё, конечно же, нет, и «бомбилам» такой клиент не интересен. Бабки всегда норовят сбежать, не заплатив, или начинают голосить, жалуясь на свою горемычную судьбу и на бессовестных хапуг, не знающих снисхождения к старым и немощным.

Артур просил никого не пускать в салон, но речь шла, наверное, всё-таки о мужиках. А что этот божий одуванчик может сделать взрослому сильному дядьке? Да он её одним пальцем пополам перешибёт. И место вокруг открытое – ни машину не спрятать, ни людей. Бабка стояла на ветру в голом поле и тёрла правый бок, показывая пальцем на ногу, знаками просила опустить стекло. Лёва исполнил её просьбу, и холодный вихрь обжёг его щёки.

– Сынок, милый... довези до города... Век Бога буду молить!

Бабка говорила тихо, устало. Во всём её облике было что-то, вызывающее у Райникова глухую жалость. Теперь он уже не мог уехать,

бросив смиренную бедную бабушку на обочине шоссе поздно вечером, зимой, пусть и бесснежной. Она скоро упадёт – сразу видно, хромота на правую ногу. А если упадёт, то уже не встанет – щиколотку подвернула и мучается от острой боли.

– Из автобуса неудачно вылезла, дура старая! – вполголоса ругала себя бабулька. – Думала, доберусь, но нет, грохнусь скоро! Сыночек, машина-то у тебя богатая, в деньгах не нуждаешься. Что тебе стоит бабку подкинуть? Тут недалече – на Кременчугскую улицу. К самому дому не нужно – от Можайского сама дойду...

Бабуля была чистая, в пальто с норкой и в оренбургском платке. В сухом, опутанном венами кулаке она сжимала шерстяные перчатки – заштопанные, но опрятные. И смотрела она как-то по-особенному – снизу вверх, но не льстиво, а умоляюще. Смешно было видеть в ней врага, да и не так воспитан был Райников, чтобы оскорблять пожилого человека недоверием.

– Садитесь! – Лёва наконец-то принял решение. Он открыл заднюю правую дверку – чтобы бабка на всякий случай была подальше от него. – Вам помочь подняться?

– Да я сама, сама, сыночек! Ой, спасибо тебе, дай Бог здоровья...

– Не стоит благодарности.

Лёва подождал, пока бабка, кряхтя и

постанывая, заберётся в джип и захлопнет дверцу, и сразу же рванул к Москве. Он не понимал, почему остановился у обочины, и долго сидел, вспоминая давнее и прошлое. Забыл о матери, о дочках, и воображал Сибиллу... Да нет, ещё и Артура.

Этих двоих он не только любил, но и уважал, и боялся. Они играли в жизни Льва Райникова особую, мистическую роль, и сегодня на заправке Лёва особенно остро это ощутил.

Райников знал о намерении бывшей своей невесты навести на него порчу, но всерьёз их не воспринимал. Он был закоренелым материалистом, окрестился только ради Сибиллы, а на самом деле считал разговоры о потустороннем женской блажью. И, похоже, был прав, потому что ничего страшного после свадьбы, сыгранной в памятный всей стране день, ничего не случилось. Брачная ночь прошла в тревоге. Молодожёны даже не прилегли ни на минуту, а утром Сибилла начала собираться в путь.

Пятого октября они вылетели из Москвы в Стокгольм, чтобы справить там после русской шведскую свадьбу. Ещё на подлёте к аэропорту шведской столицы Райников залюбовался расстилающимся под крылом осенним северным пейзажем. И заметил, какой чистый, прозрачный воздух за иллюминатором. В Москве, да и в Питере тоже, лайнер при посадке обтекала муть – то ли

пыль, то ли смог, то ли всё вместе, включая и реагенты для обработки самолётов и бетонки. Здесь же воздух искрился, как бриллиантовый, и небольшой город, похожий на прибалтийские столицы, представил перед Лёвой приветливым, спокойным, нарядным.

Харальд Юхансон как-то по-новому, радушно и непринуждённо, встретил дочь с зятем. Усадил их в представительскую «Вольвочку», повёз показывать Стокгольм. Тот, как Питер, раскинулся на нескольких островах. Они осмотрели Королевский дворец, Нобелевский музей и Рыцарский дом. Потом выбрались из лимузина и прошли по узким улочкам Гамла-Стан – Старого города.

Между делом забрели и в ресторанчик, где Харальда с Сибиллой знали все, включая посетителей. Выслушали традиционные здравицы, пожелания счастья молодым, и отведали несколько вкуснейших блюд шведской кухни – от сосисок, колбасок и рыбы до брусничного варенья и имбирного печения. Тесть и зять запивали всё это шнапсом и глеггом с изюмом и миндалём. А вот Сибилла пить отказалась, чем вызвала новую волну аплодисментов и восторгов. Люди всё поняли правильно и принялись наперебой желать новобрачным много-много прелестных детишек.

– Я надеюсь, что твоя мать видит нас с небес,

– сказал отец Сибилле по-русски, чтобы понял зять.

– И радуется за тебя!

– Мне хотелось бы, папа, чтобы она была с нами! – дрогнувшим голосом ответила молодая жена.

И Лёва понял, что она действительно тоскует по матери даже в такой светлый день.

– Думаю, что на сегодня мы посмотрели уже достаточно! – После минутной слабости Сибилла вновь стала деловой и властной. – Нам столько пришлось пережить вчера в Москве, что нужно неделю отдыхать на необитаемом острове. Кстати, папа, «Дом Советов» вчера бомбардировали так же, как «Ла Монеда». И мне подумалось, что какая-нибудь молодая женщина могла погибнуть под пулями, оставив безутешного друга. Наши гости уверяли, что ближайший к тем местам стадион «Асмарал» использовали в точности как Национальный в Сантьяго. Сколько человек не вернётся оттуда – страшно даже подумать! Останутся дети, которым, как и мне, всю жизнь будет грустно. А мы на фоне этого кошмара справляли свадьбу. Смеялись, пели, танцевали... И я поспешила увезти мужа из этого ада, потому что мы всё равно ничем не могли помочь гибнущим. Но Лёва должен знать, что совсем рядом с Россией есть добрая, тихая страна, где люди на улицах не убивают друг друга. Думаю, остров Юргорден мы

осмотрим завтра. А после поедем на север, к дремучим лесам и хрустальным озёрам. Это – край национальных парков, где сохранились уголки первозданной природы. Там водятся редкие животные и птицы; некоторые из пернатых уже улетели на юг. Лёва, ты хочешь увидеть край эльфов и троллей? И остаться среди сказки на несколько дней?

Сибилла обняла мужа за шею, и тот зарылся лицом в её душистые волосы.

– Но на сегодня я припасла для тебя тот самый главный сюрприз, который ты скоро увидишь в нашей усадьбе. И мне очень интересно, что ты скажешь тогда...

Они мчались по великолепному автобану среди рыже-золотых перелесков, и Райников с каждой минутой всё сильнее чувствовал приближение чего-то нового, готового вот-вот войти в его жизнь. Густо-синее небо, яркое солнце, желтоватая вода бурных, холодных даже на вид ручьёв становились декорациями для очень интересного спектакля, поставленного самой судьбой. Лёве казалось, что «Вольво» едет слишком медленно, по-скандинавски, но он не осмеливался торопить водителя и, стиснув зубы, терпел.

Наконец водитель Эдвард несколько раз просигналил у ворот, и створки тотчас же открылись. Тогда впервые и увидел Райников

пряничный, залитый осенним заходящим солнцем дом, огромные ели, стройные берёзы, колючие изгороди и аккуратно убранные на зиму цветочные клумбы. Лёве показалось, что из глубин усадьбы доносятся детские голоса, и он вопросительно взглянул на жену. Она, не обращая внимания на тех, кто приехал из города вместе с ними, схватила Лёву за руку и потащила по главной аллее к дому.

Но на крыльцо они не поднялись, потому что Сибилла, свернув налево, толкнула ажурную калитку. Они очутились в небольшом дворике, оборудованном под детскую площадку. Здесь были качели, карусели, шведская стенка, турник и прочие спортивные снаряды. Неподалёку стоял трёхколёсный, сверкающий на солнце велосипед. Рядом притулился такой же маленький самокат, прислонённый к скамейке.

Лёва сначала решил, что жена демонстрирует ему заветный уголок, приготовленный для их будущего ребёнка, но в тот же миг увидел на качелях мальчика примерно двух лет от роду. Заметив Сибиллу, карапуз спрыгнул с высоко взлетающих качелей, не дожидаясь их остановки, чуть не упал, но всё же устоял на ножках. С восторженным воплем дитя вскарабкалось на Сибиллу, выпачкав в мокром песке подол её свадебного платья, обхватило за шею и только тут заметило незнакомого дядю. Тёмные большие глаза

настороженно, но без страха уставились на Лёву.

– Ну, как тебе мой сюрприз? – Сибилла широко улыбалась, но глаза тревожно косили. – Посмотри, какой славненький!

Мальчик был крепкий, сильный, рослый для своего возраста и рыжеволосый. Задумчиво посасывая палец, он раздувал упругие щёки и, похоже, соображал, как вести себя с этим дядькой, раз уж его привезли к ним домой.

– Это... кто? – Райников оцепенел, даже не пытаясь догадаться.

– Мой сын Стефан!

Сибилла поцеловала огненные кудряшки ребёнка.

– Надеюсь, что ты станешь ему отцом и другом. Прости, но я должна была на деле испытать твою любовь. Потому и не предупредила раньше. Если ты дорожишь мною, примешь и моего сына...

Ребёнок лопотал по-шведски, продолжая кусать палец, но строгая с другими Сибилла лишь безмятежно сияла, прижимаясь щекой к его плечу. Сынок, тем временем, заметил бриллиантовые серьги в ушах матери и начисто позабыл о дядьке. Ему хотелось вытащить сверкающие камешки и изучить как следует. Серьги не давались ему, и Стефан раздражённо зафыркал.

– Значит, у тебя есть сын? – Райникову почему-то стало обидно. – А ты говорила, что детей

у тебя, возможно, не будет. Проверяла меня?

– Да. – Сибилла всё еще улыбалась, но уже не нежно, а насмешливо. – Ты готов был принять меня распутной и бесплодной. Теперь посмотрим, как ты будешь обращаться со мной, узнав о существовании Стефана.

– Сколько ему?

Райников понимал, что упрёки лишь раззадорят жену. Всё равно уже ничего не изменишь, и без Сибиллы для него жизни нет.

– Два года и один месяц.

Сибилла легко подбросила на руках своего бутуза. Потом она, шепнув ребёнку несколько слов на ушко, опустила его на песок и повернулась к мужу, утратившему дар речи.

– Чему ты так удивился?

Сибилла продела руку под локоть Лёвы и повела его в дом. Стефан уже занялся велосипедом, позабыв и о дядьке, и о бриллиантовых серьгах матери.

– Это твой... родной... сын? – в несколько приёмов выдавил Лёва.

– Роднее быть не может, – усмехнулась Сибилла, открывая застеклённую дверь на веранду.

Солнечные лучи пронизывали весь дом насквозь, и листва стоящих на подоконниках растений играла всеми цветами радуги.

– Но ведь твой муж погиб гораздо раньше... –

Лёва не договорил.

– Ты клялся кровью, помнишь? И обещал принять меня такой, какая я есть.

Лёве показалось, что жена скрипнула зубами. Ноздри её раздувались – то ли от гнева, то ли от волнения.

– Я тебя не прошу усыновлять его, не бойся. И ни на какие вопросы относительно происхождения Стефана я отвечать не стану. Он родился, он живёт, и больше ничего не имеет значения. Отныне мы – одна семья. И лучшего сына нельзя желать. Скоро ты в этом убедишься...

... Джип уже летел по новогодней Москве. Если бы не ёлки, гирлянды и прочая мишура, трудно было сообразить, какое время года на дворе – то ли поздняя осень, то ли ранняя весна. И только небо оставалось таким, как всегда в это время. На юго-западе догорали последние отблески волшебной тёмной зари.

Райников ещё раз проверил смартфон – вестей от Вороновича не было. Они въехали на Кутузовский проспект, оставив слева платформу «Кунцево». Бабуся сзади зашевелилась и тихонько покашляла.

– Куда дальше ехать? – отрывисто спросил Райников.

– Да тут и останови, сынок, дальше сама доберусь. Сколько должна-то тебе? – Старуха

открыла потёртую сумку, стала искать кошелёк.

Райникова рассмешила сама мысль о том, что владелец огромного джипа возьмёт плату с нищей пенсионерки.

– Нисколько вы мне не должны. Подождите, сейчас я открою дверцу.

Лёва уже хотел сделать это, но вдруг увидел в зеркало, что старуха, достав из сумочки вместо кошелька какой-то пакетик, опустила его в задний карман чехла, покрывающего водительское сидение. Райников, разом взмокнув, немедленно заблокировал двери и обернулся к бабке. Она подёргала за ручку и растерянно улыбнулась.

– Закрыто, сынок! Ты же открыть хотел...

– Что вы положили в карман? – тихо спросил Лёва, еле справляясь с желанием схватить мерзавку за горло. – Достаньте немедленно!

– Чего я положила? – Старуха испуганно заморгала седыми ресницами. – Это порошки мои, в аптеке получила... Погоди-ка! – Она запустила руку в карман и вынула пакетик. – Ой, ты, дура старая! Сослепу сунула мимо сумки! Потом искала бы, ревела... Это же специально, на заказ готовят. В очереди ещё настоишься... Да прости ты меня, идиотку! Это ж до моих лет нужно дожить, чтобы понять! Открой, милый, пойду я!..

– На первый раз поверю.

Райникову не хотелось сейчас везти бабку в

милицию, чтобы исследовали содержимое пакетика. Да и вряд ли станут они сейчас, ночью, во время праздников этим заниматься.

– Идите на все четыре стороны, но по возможности больше мне на глаза не попадайтесь. Это ведь очень легко проверить, лекарство там или...

– Да уж прости, прости ради Светлого Рождества Христова! – зачастила старуха.

Она ощупью открыла сумку, запихала туда пакетика. Райников между тем разблокировал дверцу и стал искать сигареты – после пережитого страшно захотелось курить. Бабка вытащила правую руку из сумки, но теперь вместо белого пакетика в ней оказался маленький дамский пистолет. Райников даже не успел вытащить сигарету из пачки. Дуло клюнуло его в затылок и тут же дёрнулось от выстрела. Лёва упал головой на руль; из носа и изо рта потекла вязкая, блестящая кровь.

– Со святыми упокой!

Бабка убедилась, что Райников мёртв, перекрестила его и спрятала в сумку пистолет. Потом совершила ещё одно знамение – перед иконами, прикреплёнными к приборной доске.

– Вечная тебе память, милоч! Пойду я, наконец, не поминай лихом...

Старушка выбралась из джипа, аккуратно

закрыла дверь и стала ждать другую машину – потрёпанные «Жигули» пятой модели. Ей нужно было вернуться в Кубинку. На Кременчугской улице они жили раньше с внуком, сбитым насмерть на пешеходном переходе шальной иномаркой.

– Какой же ты у меня по счёту, касатик? – задумалась старушка, из-под руки вглядываясь в темноту. – Десятый? Нет, одиннадцатый. Вот голова дырявая – не помню! А ты спи, солнышко моё, Игорёк, спи спокойно! Бабуля ещё их настреляет. Осталось десять клопов раздавить. Насосались нашей кровушки, гады... Двадцать один их должно быть. По числу твоих годков, Игорёк...

Глава 3

Артур Тураев не помнил, как добрался до своей общаги в Дорохово, как запер дискету в маленький сейф, где хранил все свои документы. На хлипкую дверь надежды не было, замок то и дело заедало. Стены пришлось за свой счёт обшить гипроком, да ещё сверху – пробкой, чтобы соседские вопли не мешали отдыхать после смены. По старой милицейской привычке Артур в скандалы и драки не вмешивался. Каждое утро соседка заступалась за своего мужа так же страстно, как накануне умоляла посадить и даже приговорить

к смертной казни.

На каникулах к соседям то и дело приходили гости, потом прибыли дальние родственники из деревни. И каждый визит сопровождался новой пьянкой, плавно переходящей в кулачный бой. Правда, вчера, когда Артур наконец-то ввалился в общагу, у соседей было тихо, и в душ пришлось простоять всего десять минут. Столько же ушло собственно на помывку, а после Тураев грохнулся на свою койку, как подкошенный. О кофе и сигаретах, столь любимых ранее, он сейчас не мог думать без омерзения. Слишком много выпил и выкурил за четыре дня бесконечной пахоты, и теперь хотел одного – спать. Спать под музыку, вопли, частушки, звон разбитой посуды, потому что человеческий организм тоже имеет предел прочности.

Он решил просмотреть документы после долгого отдыха, когда голова станет ясной. За четыре дня, что остаются до встречи с Лёвкой, как раз успеется. Вроде бы, дружок говорил, здесь не всё досье, и нужно потом его дополнить, взяв материалы ещё у нескольких человек. Жаль, что один из них в Питере, но ничего, можно съездить. Это в том случае, если Славик Воронович потратил своё время не напрасно.

Странно, но эта общага была подключена к Интернету. Здесь жило много студентов, не

имевших денег на аренду комнаты или квартиры в Москве и не попавших в общежитие из-за подмосковной прописки. Все они, разумеется, не отлипали от компьютеров, и потому в дом провели Интернет сразу после администрации посёлка.

Именно за это любил Артур тесную комнатуху с окном в забор, где так хорошо спалось и думалось. Вот и теперь он скорчился на измятой постели, упираясь лбом в стену, и словно пытался куда-то ползти. Но двигаться мешала стена, из-за чего Тураев стонал во сне и ругался сквозь зубы.

Ему снилась пещера в Алтайском крае, где они с Райниковым, будучи ещё студентами, оказались отрезанными от мира в глубоком подземелье. Группа вместе с инструктором чуть не утонула в полном составе. После сильных дождей основной ход, по которому они должны были выбраться назад, затопило грунтовыми водами. Они остались в темноте, без продуктов, и крошечный мрак разгонял лишь к каждой минуте тускнеющий свет налобных фонарей.

И сейчас Артуру снилось, что фонари эти один за другим гаснут – горят только у него и у Лёвки. Но вскоре фонарь Райникова тоже пропал, и Артур остался один. Он, спотыкаясь, по пояс в воде, начал пробираться вдоль склизкой каменной стены. И всё время шарил по ней руками, стараясь

найти щёлку. Но у него не получалось, и потому, упираясь ладонями и лбом в эту проклятую стену, он зарычал от бессильной ярости. Артур звал Лёвку, но тот не отвечал. Только плавала в чёрной воде его пластмассовая красная каска. А под каской скользили большие белые рыбы, сквозь студенистые тела которых просвечивали внутренности...

Тураев проснулся, с трудом выровнял дыхание. Спустил ноги на пол и долго облизывал пересохшие губы. Чёрт, приснится же такое! А ведь раньше – никогда... Это было в восемьдесят девятом. Их спасли аквалангисты, и после этого друзья пристрастились к рискованным погружениям. Никто из группы на самом деле не погиб, даже не был ранен. А во сне Лёвка утонул, и до сих пор страшно было вспоминать плавающую каску. «Ведь этого же не было, не было!» – убеждал себя Тураев, прислушиваясь к ночной тишине.

Почему-то сегодня не горланили алкаши, не пускали петарды мальчишки, не шептались влюблённые в коридоре. И соседи наконец-то угомонились – наверное, выпили всю водку. Только орала дурным голосом вышедшая погулять общажная кошка Муська. Артур взял с тумбочки мобильник, взглянул на дисплей. Половина второго, пятое января. Говорят, что в ночь с четверга на пятницу, да ещё сразу после Нового

года, снятся вещие сны, сбывающиеся в течение нескольких месяцев. Неприятное начало ожидает их с Лёвкой мероприятие, если верить народным приметам...

Тураев всё-таки встал, попил воды, выкурил сигарету с ментолом, и ему полегчало. Может, дело совсем в другом. Четыре дня проработать в бензиновой вони – ещё не то приснится!

«Сновидения – это зачатки грядущего. Мы видим во сне то, что должно свершиться». Это, кажется, цитата из Бейли. И ещё, из Платона: «Душа во сне открыта для божественных откровений». Неужели всё действительно так плохо, и нужно бросить дело, не начиная? Хотелось бы знать, конечно, как вести себя в этой ситуации, но ведь ни у кого не спросишь. Лёвка надеется на Артура, а тому где искать поддержки? Он же не голливудский неуязвимый герой, а обычный живой человек, который уже столько раз ошибался! Куда идти, как? Или нужно стоять на месте?

Артур шептал, обращаясь к ному-то невидимому. Он буквально кожей ощущал присутствие некой силы, исходящей не из его сердца или мозга, а со стороны. Это была как раз та субстанция, которая изредка посылает людям озарения.

Он заснул снова, придавленный многодневной усталостью, и опять очутился в том страшном

месиве тел, корзинок, тележек, пакетов и бутылок. Накануне нынешнего Новогодья понесло его в супермаркет, неподалёку от дома матери. Артур даже представить себе не мог, что увидит опрокинутую ёлку, разбитые и растоптанные украшения, окровавленные руки и лица, перевёрнутые прилавки, потерянные шапки и шарфы. В этом магазине перед праздниками ввели дополнительные скидки, действующие до трёх часов дня, да ещё объявили про акцию на всю Москву.

Народ ломанулся даже из области, несмотря на то, что дорога съедала эти скидки начисто, да ещё приходилось доплачивать. Администраторы и сами были не рады тому, что захотели отоварить население пораньше, а не в последние часы Старого года. Толпа росла; новые покупатели прибывали, а явившиеся раньше никак не могли остановиться. Они хватали новую тару, пихали туда всё, что попадалось под руку, и прорывались к кассам. А там, узнав, что занятая очередь уже прошла, дрались с охранниками и между собой.

Артуру пришлось идти прямо по чужим корзинам, по поддонам с хлебом и сладостями, по ящикам с фруктами и овощами. Он цеплялся ногами за чужие тележки, шубы, ботинки, но ничего не мог поделать, и оттого сатанел. Он проклял тот день и час, когда решил отовариться

днём, чтобы вечером съездить к Ирине с дочерью и поздравить их.

И сейчас, во сне, он снова видел волнующееся людское море у входа в супермаркет. Очередь змеиными кольцами завивалась вокруг торгового зала. Стоя на ступенях, Артур сверху видел, как многие люди выбирают из потока, Оставляя своих родных стеречь место в очереди, чтобы схватить ещё одну бутылку шампанского, ещё одну мороженую курицу, банку зелёного горошка, лишний ананас или сетку мандаринов. Но к своему месту у касс им было уже не пробиться. И потому все эти бутылки, банки, пакеты и сетки полетели над головами прижатых друг к другу страдальцев, которые не могли ни присесть, ни увернуться.

А вскоре грозный гул толпы прорезал истошный крик первого пострадавшего. И его повторили – то близко, то далеко, но одинаково пронзительно. Мощный поток нёс людей на выход и многие мечтали лишь о том, чтобы выбраться на крыльцо и набрать в сплюсненные лёгкие свежего воздуха. Но там, на улице, рычала огромная свора бешеных зверей, уже давно потерявших человеческий облик. Ведь скоро просигналит три часа, и скидки уже не будет. Тогда ради чего потеряли целый день, спрашивается?! Надо любой ценой прорваться в магазин и схватить что-нибудь, иначе целый год будешь чувствовать себя полным

ЛОХОМ...

И вдруг стена супермаркета рухнула. Толпа, оглушительно воя, влетела с крыльца в зал, калеча тех, кто по несчастью оказался у дверей. Наяву это было страшно, хоть и не рушилась стена, а просто охранники отступили в подсобку, устав вшестером сдерживать ораву жаждущих отовариться. Но во сне всё выглядело просто катастрофически.

Настоящее человеческое цунами обрушилось на тех, кто уже подходил к кассам, и Тураев оказался в их числе. Он упал между табуретом кассирши и стендом с выставленной сладкой мелочью, пытаясь сгруппироваться, применить спортивные и милицейские навыки. Артур делал всё, чтобы не оказаться раздавленным, сохранить голову, грудную клетку и живот, подобрать под себя ноги.

Но почему-то всё это очень плохо удавалось. Члены не слушались, и Артур непременно погиб бы под тоннами урчащей человеческой плоти, если бы какой-то парень не толкнул его вниз, к служебному помещению, и не прикрыл собой. Артур успел заметить лишь модную стрижку парня, его удивительные глаза – будто отлитые из чернёного серебра и расплавленного золота. Парень был весь в синяках, изо рта у него хлестала кровь. Артур хотел помочь ему, но никак не мог вползти назад по ступеням. Вроде бы там, в кошмарном месиве тел,

были Ольга Васильевна, её дочь и внук, ребята с заправки, неизвестно как оказавшиеся здесь. И Артур видел, что все они мертвы...

Тураев не помнил, как выбрался из магазина, как добежал до квартиры матери. Давно забыл, где бросил продукты, и не до них сейчас было – ведь в прихожей на паркете Артур заметил кровавые следы. Он позвал мать, но та не ответила. Её не было в квартире, и Тураев откуда-то узнал, что никогда уже и не будет.

Он бросился в ванную, наклонился над раковиной, будто сделанной из льда, с морозными узорами. В раковину тут же закапала кровь, и Тураев увидел, что ранен в шею и в живот. На полу натекла огромная красная лужа. По закопчённому лицу его тоже струились ручейки крови, и Артур удивился, как сумел в таком виде добраться до дома.

Тураев думал о том, что надо вызвать «скорую», и ещё вспоминал про мальчишку со странными, почти звериными глазами. Больше он ничего не успел подумать, потому что проснулся и увидел свою светлую комнату. Артур удивился, что проспал так долго. Он хотел узнать, который час, но никак не мог найти мобильник. Куда сунул наручные часы, он не мог припомнить тоже. Но всё-таки он был доволен, что врачей вызывать не надо, и это опять был сон.

Странная тишина, не свойственная утренней общаге, удивила Артура до невозможности, и он решил ещё немного поспать. Никуда эта дискета не денется, впереди ещё целых четыре дня! Это – до встречи с Лёвкой, а потом ещё три, и дальше – неделя! К тому времени его опять потянет на заправку – Артур не мог подолгу бить баклуши.

Он снова улёгся в постель, натянул до подбородка одеяло и вдруг увидел Лёвку Райникова. Тот стоял на пороге, неизвестно как проникнув сквозь запертую дверь, и смотрел на Артура. Тураев, потрясённый и растерянный, хотел вскочить и окликнуть Лёвку, но почему-то пропал голос. Ладно, спокойно! Дороховский адрес ему мать дала, но замок-то, замок! Неужели забыл закрыть?

Райников смотрел на него в упор, но как будто не видел. Одет Лёвка был, как вчера на заправке, только без очков и кашне, и лицо его было бледным, каким-то новым, незнакомым. Бесшумно, качаясь в воздухе, он бродил по комнате, не обращая на хозяина никакого внимания. И будто что-то искал – на столе, на полках, в шкафу.

Потом он сунул через стену голову в комнату буйных соседей, вернулся к сейфу, где Артур хранил все ценности, включая ноутбук, и куда вечером спрятал футляр с дискетой. Райников начал трясти сейф, словно хотел его поднять. Вцепился в

ручку на дверце, с помощью которой Артур набирал код. И только сейчас Тураев заметил, что у Лёвки прозрачные, как сотканые из тумана пальцы. Он не сможет поднять даже ложку, даже листок бумаги, а не то, что многокилограммовый «медведь», да ещё со всем содержимым...

Артур понял, что Райников ищет дискету, как гоголевская панночка искала в церкви Хому Брута, и почувствовал леденящий, потусторонний ужас. Он вскочил с постели, бросился к Лёвке, громко окликая того по имени. Потом зачем-то решил дотронуться до его лба, и вот тут же оторопел окончательно. Лоб Райникова был не тёплый, живой; не был он и туманным, призрачным. Лицо друга оказалось деревянным, и Артур несколько раз со стуком ударил костяшками пальцев по Лёвкиной переносице...

А когда проснулся, понял, что стучит по спинке кровати, лёжа на животе среди скомканных подушек, а одеяло валяется на полу. За окном только начало светать. Рычала неподалёку мусоровозка, которую местные жители не видели с прошлого года. В последний раз её вызывали через какую-то общественную организацию.

Тураев включил бра, вытер пот со лба и наконец-то дотянулся до часов. Начало десятого, можно бы ещё поспать, но после таких видений не хочется. Третий сон оказался самым страшным –

без крови, без драки, без подземного озера с рыбами-призраками. Он был светло-голубой, как зимнее небо без солнца, тихий и кошмарный. Несмотря на то, что Артур тогда видел вот эту комнату, он понимал, что **ЗДЕСЬ** так быть не может. Так бывает только **ТАМ**...

Он вскочил, натянул спортивный костюм, потому что здорово озяб. Его буквально колотило; клацали зубы, дрожали пальцы. Артур схватил пачку сигарет и зажигалку, стараясь привычным способом прогнать наваждение, но не преуспел в этом. Он видел перед собой Лёвкино лицо – оттуда, из сна. Оно хорошо просматривалось, было узнаваемым, чётким. Но, в то же время, совершенно необычным. Это был и Райников, и не Райников...

Наплевав на конспирацию, Артур схватил мобильник. Нужно позвонить и убедиться, что всё в порядке. Вряд ли за Лёвкой сейчас, на каникулах, так уж плотно следят, не говоря уже об Артуре! Да и разговор будет не длинный – лишь бы успокоиться. А так и заболеть недолго, и тогда какая работа с досье?

Тураев набрал Лёвкин номер и услышал, что абонент временно недоступен. Положил трубу на неубранную постель, сел рядом и снова потянулся за куревом. Так, начинается! Правда, сейчас ещё рано. Лёвка мог отключить телефон, чтобы выспаться после вчерашнего. Может, попробовать

позвонить на городской? Неудобно, конечно, ещё разбудишь Дору Львовну с девчонками! Ну, ничего, извинимся на радостях, если пронесёт...

Тураев похвалил себя за то, что принял душ с вечера, потому сейчас у ванной комнаты выстроилась приличная очередь. Все были злые, полупьяные, измученные головной болью. И потому скопление людей у вожделенной двери не предвещало ничего хорошего. В сортире тоже оказалось людно, и мужики удрали справлять нужду на улицу. Сейчас там топтались женщины с ребятишками. В мужском клозете визжали и орали пацаны, колотили по перегородке, отделявшей их от дам. Матери в ответ грозились их выдрать, поставить носом в угол и не пустить гулять.

Артур набрал городской номер Райниковых, прослушал десять длинных гудков, хотя по этикету полагалось шесть, и отключил связь. И так, проблема налицо. Райниковы или просто спят, оборвав всю связь с внешним миром, или... Ладно, надо сперва позавтракать, а после уже думать. Тураев с удовольствием обнаружил, что озноб у него прошёл, зато появился сильный голод.

На кухне уже кипели кастрюльки, и шипели сковородки. Артур грел воду для кофе в комнате, в чайнике «Тефаль», а здесь жарил яичницу и иногда – картошку. Он старался питаться в кафе на заправке или в «Макдональдсе». Бывало, заезжал в

рестораны, осточертевшие ещё с юных лет. И сейчас у него возникло желание немедленно уйти отсюда, перекусить в другом месте, желательно. В Москве...

А почему бы сейчас не рвануть к матери на все эти дни? Она там одна. В гости никого не ждёт, скучает. Ольга вызвала его на заправку утром первого января, а ведь мать надеялась несколько дней побыть с сыном. Теперь вот можно будет доставить ей такое удовольствие, а заодно изучить досье в более комфортных условиях. Ирина, конечно, занята с Симой, и девчонка вовсе не обрадуется появлению блудного папаши. Решено – к маме! Но раз уж вышел на кухню, яичницу нужно поджарить. Всё-таки до Москвы ехать порядочно, стоит подкрепиться. Чайник кипит в комнате, отключится сам. Вернувшись с яичницей, Артур заварит кофе, быстренько поест, побреется, и – вперёд!..

На кухне тарахтели две дамы – Люда, жена буйного соседа, варила макароны и жарила шпик. Другая, Настя, замешивала тесто для яблочных оладий. Они оживлённо обсуждали достоинства и недостатки русских, финских, турецких и даже японских бань, пытаясь сообразить, какая лучше всего помогает с похмелья. Артур поприветствовал женщин, которые немедленно забыли про бани и принялись любезничать с холостым соседом, благо

мужья застряли в коридоре, не удосужившись помыться с вечера.

– Артурчик, давай, я тебе яишенку пожарю! – Люда увидела в руках у Тураева два яйца, помидор и упаковку колбасы. – Ты чего кричал-то так всю ночь? Гости у тебя были? Всё Лёвку какого-то звал... Мой-то уже собрался в дверь тебе стучать, а я не позволила. Юрке говорю: «Чья бы корова мычала! Ты потом заблажишь, так Артурчик тебя на пятнадцать суток упрячет. Мало ли, что у него там происходит! Не зарежет же – мужик приличный!»

Люда то и дело трогала кончиками пальцев фиолетовый бланш под глазом, который безуспешно пыталась запудрить. Сейчас она встала так, чтобы сосед ничего не заметил.

Тураев, конечно, всё понял и усмехнулся. Потом достал из кармана куртки луковицу и принялся её чистить. Настя тем временем скинула со сковородки готовые оладьи, зачерпнула половником тесто и плеснула его в кипящее масло. Сдобный аромат волнами поплыл по кухне.

– У меня никого нет. Во сне, наверное, кричал. Устал очень – четыре смены подряд отпахал...

Тураев разогрел свою сковородку, брызнул на неё оливковым маслом. Положил лук, помидор, колбасу, и всё это смешал с солью. Из яичниц он

больше всего любил турецкую, но редко успевал купить свежую баранину или говядину. Обходился колбасой, и был вполне доволен.

– Ой, какой вы молодец, как ловко управляетесь! – восхищённо заметила Настя. – А мой-то... руки из задницы! Ни суп разогреть, ни ёлку на крестовину поставить. Всё самой делать приходится. И с детьми сегодня гулять не желает. Устал, говорит. А где ему устать – целыми днями в проходной пансионата телик смотрит...

– Что ж вы с таким-то живёте? – удивился Тураев, дожидаясь, пока выпарится сок из колбасы и помидора. – Лучше не нашлось?

– Плохонький, но свой, как говорится! А где другого-то найти? Вы вот, небось, на мне не женитесь! – Настя повела плечами, словно собрались танцевать. – И другие так же – поматросят и бросят. Устала я ждать.

Тураев разбил два яйца, прожарил их, накрыл сковородку крышкой и собрался уходить. Не дождавшись его реакции, Настя подошла поближе, поманила пальцем. Артур поставил сковородку обратно на плиту.

– Вот вы нам скажите... – Настя пихнула Люду в бок. – Правда, что на Востоке мужики жён совсем не ценят, если те за это самое денег не берут? Это жёны-то законные! А любовь как же? Неужели с каждым, кто заплатит, она в койку

ляжет? Мне мой-то рассказал, а я не поверила. Решила у вас спросить. Вы ведь, конечно, всё знаете.

– С меня жена денег не брала. – Артур вспомнил Марину и поморщился. – Другое дело, что в мусульманских странах человек женится только тогда, когда может обеспечить жене условия не хуже, чем были в её семье. Там не верят, что можно выйти за бедняка по любви, потерять в жизненном уровне. Вот вы, Настюша, поехали сюда из Москвы ради мужа, разругались с родителями, потеряли прописку. Такого на Востоке никогда не случится. Там живут не эмоциями, а разумом. Это только с виду они горячие и безрассудные, а на самом деле деньги считать ох как умеют! Вот и всё, собственно. Не за это самое муж жене каждый раз платит, а выдаёт при заключении брака определённую сумму, чтобы у неё были личные средства. Размер выплаты устанавливается брачным контрактом. А у нас сначала о любви поют, а при разводе бьют друг дружке тарелки о головы. На Востоке каждая ситуация проговаривается заранее. И если женщина отказывается от денег, значит, она сама себя не ценит. Тогда за что же её будут ценить родственники мужа?

– Всё у них наоборот! – горестно вздохнула Анастасия. – У нас проблема мужика соблазнить –